

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВЛАДИМИР МАКАРЫЧЕВ

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА

Москва
«Вече»

УДК 821-311.3
ББК 84(2)
М15

Составители серии:
Михаил Крупин, Дмитрий Федотов

Макарычев, В.Н.

М15 Завещание лейтенанта : роман / Владимир Макарычев. — М. : Вече, 2016. — 256 с. — (Исторические приключения).

ISBN 978-5-4444-4433-7

Знак информационной продукции 12+

Крымская война (1853—1856) входит в свою завершающую фазу, и именно в это время юный дворянин Николай Дымов получает направление в осаждённый Севастополь. Раненный при обороне Малахова кургана, Дымов едет поправить здоровье в Прагу, где знакомится с лейтенантом Бошняком. Бошняк, некогда принимавший участие в Амурской экспедиции, передаёт ему карту и рассказывает, что на побережье Охотского моря спрятан иностранными китобоями клад... «Воспользуйтесь деньгами, — просит лейтенант. — Покажите, на что способен русский человек, имея свободу и средства».

УДК 821-311.3
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4444-4433-7

© Макарычев В.Н., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016

*ЗАВЕЩАНИЕ
ЛЕЙТЕНАНТА*

Автор выражает благодарность за помощь в работе над книгой Алейникову Василию Олеговичу, Азарову Виталию Михайловичу, Соболеву Андрею Николаевичу, Шигину Владимиру Виленовичу

Всем, кто верен понятиям офицерской чести, идеалам справедливости и патриотизма, посвящается

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА

Все началось с просмотра архивного материала о событиях, предшествующих продаже Аляски. Заинтересовал меня один секретный документ. Донос почтмейстера Охотска на командированного с тайной миссией из Санкт-Петербурга прапорщика. Жалобщик приводил убедительные факты любовной связи прапорщика с женой полицмейстера города. Дело в том, что изменница отравила своего законного супруга, а любовник знал и не помешал преступлению. Почтальон тоже был хорош. Оказался скрывающим свою веру старообрядцем и таким подлым образом выторговывал разрешение на оформление брака в полицейском участке. Его жену с пятью детьми, по существующим тогда законам, должны были разлучить с мужем. В царской России находили «демократические способы борьбы» с инакомыслием. Церковь отказывалась их венчать. Проводить религиозные службы «раскольникам» разрешали только на кладбищах, а в 1856 году вступивший на царский престол Александр Второй вообще опечатал самое святое в «оппортунистической» церкви — Царские врата¹ с алтарями. Таким образом, «перекрыл им вход в Царство Божие».

¹ Царские врата — двустворчатые двери в центре иконостаса, напротив Престола в алтаре. Через них к верующим выходит сам Господь, а также его наместник на земле, священник. Они символизируют вход в Царство Божие. Возникли из практических соображений: отгородить алтарь, место духовного жертвоприношения, от массы людей.

Вот так и родилась история длиной в семнадцать лет, с 1855 по 1872 год. То был период очередного мирового кризиса. Чем ближе человечество подходило к «счастливой дате» выхода из него, тем ожесточеннее и безнравственнее люди бились сами с собою. В ходе борьбы рождались новые национально-буржуазные государства, развивалась общественно-политическая мысль и экономика. В 1867 году издан первый том «Капитала» Карла Маркса, где открывались законы развития общества, выдвигалась идея спирального развития истории¹, предрекался крах колониальной системы. В 1869 году Д.И. Менделеев открыл один из фундаментальных законов природы — периодический закон химических элементов. Китобойный бизнес, по доходам сопоставимый в наше время с продажей нефтепродуктов², рушился. На смену ему приходила нефть. Венская система договорных межгосударственных отношений заменялась крымской, названной в честь Крымского поражения России³. Англия и Франция бились за сохранение колониальных владений, рынки сырья и сбыта продукции. В Соединенных Штатах Америки зарождался империализм, в Пруссии Второй рейх, в России Великая Октябрьская социалистическая революция. Вера в Бога и нравственность пошатнулись. Пришло время великих и неожиданных авантюр. Многие из них остались неизвестны. На-

¹ Спираль в марксизме — образ прогресса, бесконечного поступательного развития общества по восходящей с элементами повторения из прошлого. По версии Карла Маркса, «Спираль истории» будет раскручиваться до наступления коммунизма.

² Китовый жир имел ряд важных качеств, не замерзал при низких температурах, использовался в качестве смазочных материалов в механизмах, вооружении. Им заправляли лампы, делали свечи, мыло, косметику, получали газ для уличного освещения городов. Китовым усом набивали матрацы в богатых домах, делали дамские корсеты.

³ Именно тогда Россия потеряла свое сорокалетнее влияние на Европу (1812—1854), завоеванное в 1812 г. Между прочим, Советский Союз также доминировал в мире чуть больше сорока лет (1945—1991).

пример, «покупка» Россией Гавайских островов. Возможно, это и стало генеральной репетицией перед продажей Русской Америки? Но не все продается в этом мире, как не бывает **Свободы без Справедливости**¹. История прапорщика Дымова — тому подтверждение. В ней больше правды, чем вымысла. Прототипами главного героя стали офицеры русского флота А. Эльфсберг и А.Г. Дыдымов².

¹ «У нашего народа есть особенная черта — шараханье из стороны в сторону. То справедливость без свободы в Советском Союзе. Сегодня свобода без справедливости» (А. Гринберг, директор института экономики РАН).

² Дыдымов Аким Григорьевич (1856—1891) уволился с военного флота и организовал на Дальнем Востоке успешное китобойное предприятие. В 1890 г. «погиб в Японском море у берегов Кореи китобойный пароход “Геннадий Невельской” со всею командой и отставным капитаном 2-го ранга Акимом Дыдымовым» (запись в Морском храме святителя Николая в Кронштадте). Известный был человек!

Часть первая

**ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ
И КАТАЛОГ ЗАПАДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

1

На всю жизнь врезался в память странный случай. В возрасте десяти лет с небольшого пригорка наблюдал за спорой работой косарей. Стоял полуденный июльский зной. Казалось, природа застыла, истомилась. Николай устало распластался на спине, закинув за голову руки, блаженно закрыв глаза от жалящего солнца. Вдруг почувствовал чужое прикосновение, вздрогнул от неожиданности и открыл глаза. На груди сидела маленькая полевая мышь. Она внимательно смотрела ему в подбородок. Испугавшись проснувшегося человека, прыгнула в траву. Вспомнилось слышанное старинное поверье — пробежавшая по человеку мышь означает скорую смерть. Тогда впервые испугался за собственную жизнь, но не растерялся и не доверился судьбе. До самого захода солнца не сходил с места, высматривал, выжидал, когда снова появится предвестник его гибели. Дождался! Поймал и руками задушил. Тельце мышонка, ставшее похожим на хлебный мякиш, закопал на том же самом месте, где лежал. Ему казалось, что так он убил собственную смерть.

Николай Дымов родился в бедной семье солигаличских дворян, в уездном городке, расположенном в сорока километрах от столицы губернии Костромы. С годами истощились запасы природной соли, основного ресурса тех мест¹. Некогда самодостаточный край хирел. Приходили в упадок и дворянские хозяйства. Дети дворян уже не поступали в юнкерские училища, с выпуском в мичмана или прапорщики. Шли в военнo-начальные школы, где получали преофицерское звание унтер-офицера. Определиться в привилегированное учебное заведение тогда было гарантией будущего жизненного успеха. Николай благодаря ходатайству капитан-лейтенанта Геннадия Ивановича Невельского поступил в Морской кадетский корпус, в штурманскую роту, где не требовалось «особого благородства». Выпускники этой роты выходили унтер-офицерами.

После ускоренного выпуска из Корпуса, в июле 1855 года, восемнадцатилетний юноша получил долгожданное назначение в Крымскую армию, в Николаев. На самый юг России, где второй год шла война². А пока завершал последние приготовления к поездке. Сегодня направлялся к соседу по солигаличскому имению, ставшему за время его четырехлетней учебы известным исследователем Амура, контр-адмиралу Невельскому. Земляческий подход тогда почитался, а родственными связями дорожили.

О Невельском в среде гардемаринoв³ ходило множество легенд. Занятна была последняя история о самой головокружительной карьере в истории российского флота. Невельской

¹ Соляные промыслы в то время приносили дохода больше, чем торговля лесом или продуктами сельского хозяйства.

² 15 марта 1854 года Англия и Франция объявили войну России. С этой минуты Русско-турецкая война превратилась в войну одинокой России с коалицией великих держав.

³ Гардемарин — звание воспитанников старших рот Морского корпуса (училища) в царской России.

совершил страшное преступление: нарушил приказ, в своих исследованиях слишком далеко зашел по Амуру. Это могло обозлить китайцев, ссориться с которыми было накладно. Хотя больше боялись англичан, совавших нос в дела чужих государств. Донос и вызов на ковер в Санкт-Петербург. Николай Первый объявил моряку: «За самовольные действия, наносящие ущерб Российской империи, разжаловать капитана 1-го ранга Г.И. Невельского в рядовые матросы». Выдержав долгую паузу, грозным тоном повелителя сообщил: «Поскольку вы, сударь, провели трудную экспедицию и не потеряли в ней ни одного человека, присваивается вам звание капитан-лейтенанта. А поскольку удалось первому составить карту устья Амура, присваивается звание капитана 1-го ранга. Ну а поскольку первый доказал, что Сахалин — остров, присваивается звание контр-адмирала». Таким образом, дистанцию от рядового матроса до контр-адмирала Г. Невельской преодолел в полминуты.

Между тем непредсказуемая питерская погода под вечер окончательно испортилась. Поднялся бодрящий ветерок. От его соприкосновения с теплом уличных фонарей-масленок возникало сияние, похожее на нимб, окружающий голову иконного святого.

— Полукруг туманной границы между теплом и холодом — все равно что мое настоящее и будущее, — рассуждал молоденький унтер-офицер, удивляясь ранее не замечаемому, а на самом деле обыкновенному явлению.

«Фонари работают на газе из китового жира», — вспомнил лекцию по естественным наукам корпусного учителя.

Ветер пропал так же неожиданно, как и появился. Николая удивил очередной сюрприз приморской погоды — в сумраке «белой ночи» небо вспыхнуло множеством разной величины огоньков. Молодой человек задумался о бесконечном горизон-

те новой, необычной жизни. Неизвестность притягивала, как магнит стрелку корабельного компаса. Звезды между тем приобрели четкость и яркость, что делало их похожими на сочные яблоки к осени. В далекой Костромской усадьбе, в яблоневом саду рос такой сорт. После первого заморозка они были еще слаще.

«Где-то в бездне вселенной есть и моя звезда», — пытался найти небесные знаки своей судьбы Николай.

Неожиданно снова подул сырой ветер. Небо заволкло белыми тучами, похожими на волны бушующего моря. Они поглотили появившиеся звезды.

«Потухли безвременно, не успев осветить небо», — с нескрываемой тревогой рассуждал Николай, наблюдая редкое природное явление, называемое «дьявольскими облаками». Как в далеком детстве принял пробежавшую по груди мышь за предвестника скорой смерти, так и сегодня считал неслучайным небесное предзнаменование. Вдруг испугался преждевременной своей гибели на войне, испугался за свою мечту стать открывателем новых земель. Впервые усомнился в помощи Бога. Нет, не для всех людей, а для одного себя.

Так, в рассуждениях с самим собой, незаметно достиг улицы Воскресенской¹. Над пригородным кварталом возвышался коричневый купол Таврического дворца, названного в честь крымского полуострова — Таврии². Улица тянулась по набережной канала, и дорога в этом месте круто сворачивала направо, отчего переулочек походил на согнутое колено. Сравнение рассмешило, но улыбка быстро пропала от увиденного: возле подъезда коричневого каменного дома стояла девушка.

¹ Ныне Шпалерная.

² С присоединением Крыма к России в 1787 году связано имя фаворита императрицы Екатерины II — Григория Потемкина-Таврического. Ему и принадлежал первоначально дворец.

Воздушные кружева длинного платья подчеркивали ее женственную фигуру, а чуть провисшие поля голубой шляпки не закрывали курносого лица. Дымов пытался подыскать слова для начала разговора. В это время девушка степенно наклонилась, чтобы поднять с земли упавший предмет. Для молодого человека не составило труда в секунду оказаться рядом и успеть предупредить желание прекрасной дамы. Передавая белый кружевной платок, вместе с теплом ее рук он ощутил прилив нежности. С восьми лет, как определен на учебу в Петербург, не видел материнской ласки, но природная сущность мужчины-мальчика не могла так просто загубеть. Как река, пробиваясь сквозь каменное ущелье, находит свое русло, так и его тяга к женщине нашла свое воплощение в случайной прохожей. За чудесами ходят в церковь, а воплощают их люди.

Незнакомка, кротко улыбаясь незваному кавалеру, проговорила:

— Благодарю вас, сударь!

Простые слова девушки Николай расценил как поощрение к дальнейшему знакомству и шутливо спросил:

— Скажите, милая барышня, не вы ли хозяйка сего каменного замка? — показал на чернеющий в сумерках купол Таврического дворца.

Старался не только подобрать слова, но и произнести их в учтивой манере — получилось забавно, что не прошло мимо внимания девушки. К тому же лицо молодого офицера неестественно покраснелось. Девушка поддержала стеснительного юношу и, в свою очередь, попыталась шутить:

— Нет, сударь. Не хозяйка, а всего лишь королева.

К его радости, «королева» направлялась в тот же дом. Старый матрос с медной серьгой в сморщенном ухе открыл тяжелую дубовую дверь и провел их в гардероб. Прихожая напо-

минала оставленное людьми жилище — неснятыми с мебели коричневыми покрывалами, серостью давно не топленных комнат. Только новые свечи, еще не успевшие запачкать воском настенные подсвечники, играли веселыми огоньками. Старик матрос оставил их вдвоем, а сам направился докладывать хозяевам. Николай, горя желанием ближе познакомиться, представился первым:

— Невельские мне дальние родственники, вот и пришел попрощаться перед убытием в действующую армию, в Севастополь. — Он выпрямился и, легонько склонив голову, продолжил: — Унтер-офицер, флотский штурман Николай Дымов.

Так он попытался вызвать доверие у девушки. Сработало. Лиза посмотрела Николаю прямо в глаза, искренне ответив:

— Вы смелый и честный, я вижу! А мое имя Лиза. Лиза Игнатовна.

От такой похвалы штурман готов был медленно, как свечи, таять. Молодые люди присели на диван, застеленный покрывалом. Молчали. В эту минуту капелька воска прямо с подсвечника над их головами упала на его правую руку, превратилась в маленькое пятнышко и застыла.

Лиза с интересом наблюдала за реакцией юноши. Она заметила происшедшее. Николай же поразился ее обаянию. Молодые люди отметили про себя, что они одновременно обнаружили удивительную способность незнакомых людей видеть одно и то же.

— У меня нет родственников, — продолжила Лиза, — отец служил в Охотске... Давно умер. С матерью в трехлетнем возрасте разлучили. Говорят, она погибла. Так я оказалась на воспитании у своих названных родителей, Невельских. Они же оплачивают обучение в женской гимназии. Как мне сказали, в честь заслуг моего отца перед императором. Геннадий Ива-

нович пять лет провел на Дальнем Востоке вместе со своей молодой женой. Господа прибыли только вчера. Как и вы, поспешила проведать свих благодетелей.

Щеки у девушки заиграли румянцем, голова запрокинулась; Николай подумал, что это натура деятельная и целеустремленная.

— Они познакомились в Иркутске, когда тридцатичетырехлетний моряк сухопутным путем отправлялся в экспедицию на Тихий океан. Выпускница Смольного монастыря Екатерина Ивановна Ельчанинова в то время гостила у своего дяди, иркутского гражданского губернатора Зорина. Через месяц венчались, а свадебное путешествие провели в дороге! На лошадях, пробиваясь к побережью, тысячу верст. Представляете, какой порыв! Какая любовь! — восторженно рассказывала Лиза о Невельских, будто сама прошла вместе с ними весь путь. Николай живо представил таежную тропу, по которой двигался караван навьюченных лошадей, идущих рядом людей, облепленных тучами комаров и мошек. В средней-то полосе гнус доставал сильнее жары, а уж Сибирь с Дальним Востоком считались их родиной.

Девушка внезапно замолчала и доверчиво посмотрела на него, как бы интересуясь произведенным на собеседника впечатлением. Женщине необходима оценка. Любовно поправила складки розового платья на коленях. Она хотела рассказать о чем-то важном, значимом для нее. Паузу прервало шуршание ткани. Из темного проема вышла женщина с молодым, но не по возрасту уставшим и строгим лицом. Стоило ей улыбнуться и заговорить, как настороженность молодых людей пропала.

— Здравствуйте дети, — приветствовала их хозяйка бархатным голосом, будто нежной материей заворачивая младенца — столько в ее интонациях было доброты тепла.

— Давайте знакомиться, — обратилась она к Николаю, — Екатерина Ивановна, супруга Геннадия Ивановича.

В гостинной чувствовалась рука хозяйки. Белоснежная скатерть сияла чистотой, а золотые приборы предупреждали о скором ужине с важным гостем.

Невельской, маленького роста, с рябым лицом от перенесенной в детстве оспы, взмахом руки пригласил гостей к игральному столику. Его ладонь, подобно ножницам, разрежала облако дыма, застывшее над головами мужчин. Комната сразу же наполнилась запахом свежей травы после дождя. То тлели палочки китайского чжу, благовония, перемешанного с амброй. Николаю еще будет суждено узнать истинную цену драгоценного вещества, добываемого из кишечника кита, называемого китайцами «слюной дракона»!

— Александр Михайлович, представляю Лизу, сироту, ученицу Смольного монастыря.

Сидевший напротив адмирала худой, с прямыми чертами лица и узкими хладнокровными губами нестарый мужчина, удивленно вскинул белесые брови.

— Неужели Лиза, дочка господина... — Он внезапно замолчал на полуслове и взглянул на адмирала.

Тот ответил легким утвердительным кивком седой головы. Пытаясь загладить свою несдержанность, мужчина почтительно приподнялся перед Николаем и первым представился:

— Горчаков Александр Михайлович¹, служащий Министерства иностранных дел.

¹ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883) — князь, дипломат. В МИДе с 1817 г. В 1854–1856 гг. — управляющий посольством, затем посланник в Вене. В 1856–1882 гг. — министр иностранных дел. Возглавил Министерство после поражения России в Крымской войне. Провозглашал «национальный характер» российской политики, свободу в выборе союзников и «жить в полном согласии со всеми правительствами». (Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998).

Повторил тот же жест в адрес девушки.

— Унтер-офицер, корабельный штурман Дымов Николай, — в свою очередь, тожественно отчеканил юноша.

— Земляк мой, солигаличанин, — прокуренным голосом дополнил Невельской, — ну-с, молодые люди, подальше от нас, стариков. Мы еще в карты не доиграли.

Обеим «старикам» в то время было по сорок три года!

— Екатерина Ивановна, — тем же хриплым голосом, прерываемым глухим кашлем, протянул адмирал, — угощай, голу-бушка, храброго юношу и прекрасную девицу! Мы с Александром Михайловичем уж дождемся аляскинского героя.

Дымова на короткое время заинтриговало упоминание о новом госте, а особенно о его месте жительства. Побывать на Аляске, называемой еще Русской Америкой, было мечтой каждого гардемарина.

Екатерина Ивановна по-мужски цепко взяла за локти и повела молодых людей в соседнюю комнату, где накрывался стол для позднего ужина. Через пару минут гости с аппетитом кушали кусочки жаркого из молодой телятины. Женщины, испробовав блюда, о чем-то шептались, оставив Николая одного наслаждаться ужином. Он же жадно ловил разговор мужчин, в другой комнате, через раскрытую дверь. Звучала в основном английская речь. Французский, хоть более изящен и мелодичен, не притягивал его, как резкий английский. На нем было проще отдавать команды, ставить задачи и повелевать. Николай его неплохо знал.

— Я бы на вашем месте не гневил судьбу, — внушал настойчиво Горчаков, — назначение достойное и, главное, надежное, а до перспективы роста карьерного... — Он задумался, втягивая в себя дым из длинной трубки. — Вы, дорогой Геннадий Иванович, в свои сорок лет дослужились до первого адмиральского

звания. Во дворце сулят в скором времени присвоить и вице-адмирала. Разве этого мало?

— Работа нужна живая, а не мертвятину бумажная, — высказал копившееся все это время недовольство адмирал, — не зря же называют нашу Морскую коллегия «отстойником» бывших и немощных. За прошлые заслуги приподняли и в сторону отодвинули, будто камень на дороге.

— Плохого в такой политике ничего не вижу, — рассудительно ответил Горчаков, — старикам почет, а молодым освободите проход.

— Какие же мы старики в сорок три года? — не унимался адмирал. — Давайте будем справедливы. Чего же император держал на должности главнокомандующего в Крыму семидесятилетнего князя Меншикова, прозванного «Изменщиковым»? А пришедший ему на замену ваш однофамилец, граф Горчаков? Шесть десятков с лишним. Главный командир Севастопольского порта немощный старик Станюкович — за семьдесят. Из ума выжил. Поставил в спальне гроб и спал в нем. Говорил: «Готовлюсь к смерти, привыкаю». Нет преемственности в кадровой политике, нет здравого смысла. Ставят на должности удобных и прислужливых, не имеющих своего мнения.

Горчаков по обыкновению пропустил опасную критику режима, отшутившись:

— «Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней подготовиться». Не я сказал, а шутник Козьма Прутков.

Мужчины довольно хохотнули и быстро переключились на события, предшествующие войне, не забывая про карточную игру. Заполняя паузы восклицаниями и огорчительными возгласами от положения карт.

— Франц-Иосиф, император Австрийский, боится втягиваться в войну на стороне «союзников» — Англии с Францией, — рассуждал Горчаков, рассматривая закрытую от собеседника очередную карту. Недовольно морщась от ее важности, помедлив, с опаской положил на стол. Козырный крестовый валет смотрелся внушительно на фоне семерок и десятков.

— На хитрую задницу всегда найдется винт, — весело вскрикнул Невельской и молодежато выбросил крестовую даму, покрывшую валета своим значением.

— Так и в жизни, — сморщив тонкое лицо, словно от зубной боли, с сожалением проговорил Александр Михайлович, — не мы кроем дам, а они нас!

Адмирал молодежато парировал также афоризмом Прутова, — «девицы подобны шашкам: не всякой удастся, но всякой желается попасть в дамки».

— Неужели вы считаете, что австрияки боятся германцев, при их-то теперешней силе и мире с османами? — недоверчиво спросил адмирал.

— Боятся! Германский союз во главе с Пруссией не хочет войны с Россией, — заключил жестко Горчаков, — Бисмарк¹ только и ждет ослабления Австрийской империи, чтобы поделить ее и создать на ее обломках свою, германскую, национальную. Так что ссориться ему с нами негоже. Кроме нас, помочь в таком объединении некому. Я хорошо понял подобную тактику по поведению прусского посла в Вене— Альвенслебена.

¹ Бисмарк Отто, фон (1815—1898) — немецкий политический деятель. Объединитель Германии. Бисмарк напал на Австрию и разгромил ее войска в битве при Садове в 1866 г. Создал Северогерманский союз под гегемонией Пруссии, которая аннексировала Ганновер, Гессен-Кассель и Франкфурт-на-Майне у Австро-Венгерской империи. В 1870 г. Пруссия выступила против Франции. После победы при Седане аннексировала южные земли и завершила объединение Германии, а Вильгельм I провозглашен императором II рейха. Бисмарк стал канцлером Германии.

Маневрируя между сильными державами, предпочтение отдает России. А с какой энергией включился в лоббирование нашего журнала «Инвалид Отечества»! С его подачи западные издания перепечатают хвалебные статьи в наш адрес. Общественное мнение важная штука. Разве это плохо?

— Вашу теорию о стратегической дружбе России и Пруссии в нашем ведомстве прозвали «окриком совести», — загребая деревянной лопаткой выигранные карты, парировал хозяин дома, имея в виду смелое письмо дипломата Николаю Первому, где тот приводил доводы о необходимости укреплять, в противовес Франции, Пруссию.

Существовало и другое мнение, предупреждающее об опасности усиления Германии. Для решения подобной задачи в 1848 году в Праге даже собиралась конференция славянских народов, поддержавшая славян-германцев в борьбе с Австро-Венгерской империей за национальную независимость. О необычайной ловкости талантливого дипломата слышал и Дымов. Именно Горчакову приписывали смелую мысль, высказанную упрямому царю, о бесполезности помощи славянам в освобождении от турок. В период общего панславянского подъема так открыто выражать противоречащие общественному мнению мысли означало рисковать карьерой. Горчаков не боялся. Русские добровольцы воевали в национальных армиях болгар, сербов и считались на Родине героями. Горчаков первый публично поставил под сомнение необходимость такого порыва, считая славян ненадежными и неблагодарными союзниками. В отличие от немцев. Вот и сегодня он высказывал подобные мысли, да еще предрек скорое поражение русской армии в Севастополе.

— С ума сошли! — непринужденно вскрикнул адмирал, смахнув возбужденно часть колоды на пол. — Желаете сказать, после

Крыма пойдут на Берлин, а затем и на Москву? Вы предрекаете наше поражение в Крыму? Безобразие такое слышать от дипломата, посланника царя в Европе! Измена, да и только!

— Послушайте, что придумал этот мальчишка¹ лорд Пальмерстон, — Горчаков умел не отвечать на неудобные вопросы и никогда не выходил из себя.

Зашуршали листы. Раздался звон хрустальных бокалов, после чего дипломат продолжил чтение.

— План англо-французского союза «Сердечное согласие», — вкрадчиво и таинственно зачитывал документ Горчаков, — Османскую Турцию сохранить, как противовес России. Подмять Пруссию и через Берлин начать раздел России: Аландские острова и Финляндию передать Швеции, Прибалтику — Пруссии. Восстановить Польское королевство, как барьер между Германией и Россией. Молдавия и Валахия отходят к Австрии; Крым, Грузия — к Турции; Черкессия станет независимой или передается султану. Граница России на юге устанавливается по линии Кубани и Терека. Для Англии Пальмерстон оставляет Архангельск и Вологду, Дальний Восток и Среднюю Азию.

Князь смотрелся победителем, словно озвучил императорский указ о начале боевых действий. Нервно почесав кончик правого раскрасневшегося уха, продолжил:

— «Как трудно жить на свете, когда с Россией никто не воюет», — именно такими словами заканчивается сей документ, шедевр английского превосходства.

В тишине долгой паузы, после столь важного и пугающего заявления, одиночным выстрелом прозвучал звонкий юношеский голос:

¹ «Мальчишке» Пальмерстону шел тридцать пятый год, в то время он был премьером правительства Великобритании.

— Кто устоит в неравном споре: кичливый лях или верный росс? Славянские ли ручки сольются в русском море? Оно ли иссякнет? — вот вопрос¹.

Раздались веселые хлопки нежных девичьих ладоней. Их поддержали глухо и мощно удары мужских рук. Свидетелями разговора произвольно оказались Николай с Лизой, вышедшие из обеденной комнаты.

Дипломат, не показывая удивления несанкционированному вмешательству, искренне похвалил:

— Bravo, молодой человек! Мой лицейский друг заметил важную проблему цивилизации — выживаемость одних народов за счет других. И «славянский мир» в этом движении ничем не лучше и не хуже народов Египетской и Римской империй. Они знали секрет выживания. Он прост — в единении! Но для этого нужно пройти путь греха, как его прошли Адам с Евой, чтобы слиться для получения потомства. Так и славянским народам не пришло время для объединения. Они должны сначала разойтись, испытать свою гордыню.

Николаю показалось, что олово плавится в глазах дипломата. Ласковым голосом Горчаков дополнил сказанное:

— В котле человеческой жизни всегда есть место подвигу и бесчестию, но любовь к Отечеству, Богу и Императору российскому является основным мерилom нашего предназначения на земле. Потому вы, молодой человек, выбрали совершенно правильную дорогу, стать защитником Отечества!

Любовно отодвинул от себя изрядно похудевшую карточную колоду. Бросил на Николая затвердевший внезапно взгляд, холодной пулей пронзая собеседника.

— Значит, господин унтер-офицер, на днях отправляетесь в действующую армию?

¹ А.С. Пушкин. Клеветникам России.

Не подозревая подвоха, он ответил искренне:

— В Николаев, в штаб Черноморского флота.

Молодой унтер-офицер с трудом скрывал гордость, но стыдился своей несдержанности. В разговор вмешиваться без приглашения по меньшей мере не культурно. Мужчины запросто могли принять стихи за бахвальство. В подтверждение догадки тоносенькие губы князя вытянулись в пренебрежительной улыбке. Коля покраснел и отвел взгляд на канделябр с ровно горящими свечами. Эти были свечи точно такие же, как в батюшкиной усадьбе. Толстые и без запаха. Опасливо посмотрел на Лизу, но девушка одобрительно ему улыбалась. Она таким способом посылала сигналы поддержки. В благодарность ответил таким же необыкновенным взглядом.

Мужчины переглянулись и предупредительно покинули молодых влюбленных, оставив им время для объяснений. Николай понимал важность минуты, но не находил слов. Лиза также молчала, продолжая смотреть широко открытыми глазами. Так смотрят на необычное. Ей казалось странным, как случайный человек может в одно мгновение стать желанным. Николай же похолодел от осознания посетившего сегодня вечером знамения в виде «белых дьявольских облаков». Хорошо знал: именно таким способом Бог посылает человеку подсказку и предупреждение. Лиза казалась ему таким подарком судьбы.

Николай беспричинно вспомнил слова девушки о скоропалительном замужестве Екатерины Ивановны. Восхищался ее решимости следовать за любимым человеком в дремучую тайгу. На подсознательном уровне искал подобного испытания для девушки, как потенциальной матери совместных будущих детей. Он верил в судьбу и не считал случайной встречу с Лизой. Подобное, видимо, произошло между Екатериной Ива-

новной и Геннадием Ивановичем в Иркутске. Встретились два желания, два человека с одинаковыми взглядами.

«Зачем такой подвиг? Почему одни женщины идут на панель, другие в Сибирь за мужьями-декабристами, осужденными в острог? Третьи наравне с мужчинами делят тяготы и нечеловеческие лишения. Ради чего на верную гибель шла восемнадцатилетняя жена лейтенанта Прончищева и немолодая супруга, с кучей детей, командора Беринга? Другие, как его мать, посвящают себя заботе о семье», — так думал Николай, уже не стремясь выгодно показать себя перед девушкой.

Адмирал с важным дипломатом в соседней комнате продолжали общение, забыв о существовании секретов. Невельской не любил закрытых дверей, ограничивающих простор, к которому он привык на Дальнем Востоке. Еще гордился своей прямоотой и честностью, за что не раз незаслуженно был наказан и бит «светской молвой».

— Великий князь Константин доволен вашим участием в судьбе несчастной сиротки, — тихо говорил дипломат. Выпуская дым из чувствительных тоненьких ноздрей, продолжал: — А она хороша! Через год-другой бутон превратится в прекрасную розу! Что с характером? Ведь девушка получила дурную наследственность.

— Мне трудно судить, — поддержал разговор адмирал, — вижу ее третий раз. Пятнадцать лет, самый возраст искать жениха. Красива, приветлива, обходительна. Возможно, честна и горда, как отец.

Собеседник живо подхватил:

— И распутна, как мать! А что капитан Орлов? Он же вам обязан реабилитацией и возвращением в дворянское сословие.

— Скорее не мне, а своему тайному покровителю господину Завойко, — угрюмо парировал адмирал.

— Не обижайтесь, — примирительно, сквозь зубы, держа во рту мундштук, отвечал Горчаков, — не хотел обидеть, да и кто старое помянет, тому глаз вон! К тому же контр-адмиралу Завойко на днях предписано вернуться с Камчатки в Санкт-Петербург. Пришел конец его беспредельному царствованию над огромным краем.

Адмирал с присущей ему прямолинейностью поторопился узнать о судьбе своего недоброжелателя:

— Не командующим ли Балтийским флотом определен сей «доблестный муж»? — язвительно спросив, глубоко затянулся табачным дымом.

— Не угадали. Определен в должности члена морского генерал-аудиториата¹. Государь не забывает старую гвардию и ее заслуг.

— А старая гвардия, как глухарь, слышит через раз, — съязвил в ответ адмирал, с обидой на императора и завистью к бывшим сослуживцам.

— Кстати, — продолжал Горчаков, — Орлов не стремится увидеть детей?

— Нет. Он выполняет условия сделки, — сурово ответил Невельской всезнающему и всем интересующемуся дипломату-разведчику.

Между тем Лиза с Николаем в другой комнате пришли с легкостью к единому мнению. По-другому быть не могло, когда в сердцах разгорается любовь.

— Я вас буду ждать! — с отчаянием проговорила Лиза, прервав долгое молчание.

¹ Аудиториаты и генерал-аудиториаты — до введения военно-судебной реформы 1867 г. образовывали высшие ревизионные военные суды в России. Их было пять, по числу министерств.

Слова прозвучали так искренне, что Николай, от неожиданности не найдя равнозначного ответа, дотронулся губами до теплых кончиков пальцев девушки. Они источали сладкий и густой запах хмельного сула — такого, которое старушка няня процеживала через сито и давала ему первому попробовать. Это была священная память о прекрасном детстве. В ней легко нашлось место незнакомке. Не слыша себя, ответил вопросом:

— Даже если я буду ранен?

Убитым он и не представлял себя. Словно боясь получить отрицательный ответ, не выпускал ее руки. Усилий и не требовалось, Лиза также находилась в легком возбуждении и желала того же — продолжения сегодняшнего вечера. То было не простое любопытство, а зарождение любви!

Лиза на прощание подарила белый узорчатый платок, тот самый, поднятый Николаем на набережной, послуживший предлогом их знакомству. В горле появился спазм, мешавший говорить. Потому не спросил о желтой пчеле, вышитой на носовом платке. Впрочем, такая же пчела была выгравирована на свечном канделябре в прихожей дома адмирала.

«Наверное, пчела — элемент фамильного герба Невельских», — про себя решил влюбленный моряк. Насекомое казалось полезным и безобидным. Зло часто выдает себя за добро.

Дымов находился под впечатлением расставания с девушкой и при выходе из дома не придавал значения письму, которое ему вручил Горчаков.

— Любезный, сей циркуляр найдите возможность передать главнокомандующему армией Михаилу Дмитриевичу Горчакову¹, — сказал, словно отдал приказание, на прощание князь Горчаков.

¹ С 24 февраля 1855 г. командование Крымской армией возложено на генерал-адъютанта князя Михаила Дмитриевича Горчакова.

Оказавшись на улице, Николай засомневался в серьезности полученного задания. Закралось подозрение, что таким простым способом его хотели выпроводить из дома, разлучив с Лизой. Да и срочность доставки была сомнительной: в его положении до Крыма добираться не меньше месяца. Появилась очередная догадка о передаче личной корреспонденции. Возможно, от семьи командующего. Присмотревшись внимательно к конверту, обратил внимание на необычный рисунок на красном сургуче. То была личная печать Александра Второго¹. Совсем недавно Гербовый департамент Сената по заданию молодого царя разработал новый государственный герб империи, отменяющий одиночество двуглавого орла. Вот сегодня впервые увидел новый символ, двуглавого орла, окруженного четырнадцатью щитами с гербами².

От мыслей отвлекла остановившаяся у подъезда дома Невельских богатая карета, запряженная парой черных лошадей. Не обращая на него внимания, человек в тяжелой епископской рясе легко спрыгнул с подножки. Позвякивая массивным крестом с золотой цепью, энергичной походкой направился к уже открывающейся двери. «Владыка Иннокентий!» — услышал радостный возглас старого моряка — привратника. На душе отлегло от открывшегося объяснения причины его скорого выпроваживания. Значит, ради этого гостя и находился ми-

¹ 18 февраля 1855 г. император Николай I скончался. На престол вступил его сын, император Александр II.

² По мнению Николая I, отца Александра II, при составлении гербов губерний, губернских городов в обязательном порядке должны использоваться императорская корона, в гербах уездных городов — городская корона. Русские цари использовали монархическую атрибутику в духе укрепления государственности. В Советском Союзе герб также был в обрамлении территорий с особым статусом, только в виде лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на национальном языке каждой из пятнадцати республик. Государственные гербы имели все союзные республики.

нистр Горчаков у полутставного адмирала! Только странным казался такой визит в поздний вечер, и не походил внешне монах на «аляскинского героя». Скорее здесь готовился заговор! Николай, с опаской оглянувшись по сторонам, спрятал письмо в самый глубокий карман. Ему не хотелось начинать взрослую жизнь пособником революционеров, которых считал изменниками Отечества.

Поздним ночным гостем был вызванный на секретную встречу с молодым императором епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий. Невельскому с Горчаковым не терпелось узнать итоги тайного совещания, касающиеся перспектив развития Русской Америки и Дальнего Востока. Несмотря на войну в Крыму, царь со своим братом великим князем Константином нашли возможность обратить внимание и на дальневосточные владения. Тогда еще никто не догадывался, к чему приведет подобный «интерес».

2

До Харькова доехали за две недели. Труднее всего пришлось в Крыму. За годы российского владения там построили единственную шоссеиную дорогу в 100 верст от села Таушан-Базар до Севастополя. Остальные были грунтовыми и находились «в дурном состоянии». Как только противник перекрыл морской путь, сухопутный стал труднодоступен. Транспортная проблема сразу же сказалась на обеспечении севастопольцев продовольствием и боеприпасами.

Николаев, где находились тыловые службы Черноморского флота, напоминал большой лазарет. На улицах, пока ехал в бричке еще с двумя такими же, как он, «новобранцами», встречали множество гуляющих военных на костылях или пе-

ревязанных свежими бинтами. Тягостное впечатление усиливал медленнодвигающийся перед ними с самого начала города длинный обоз, груженный ранеными.

В штаб прибыли к середине дня. Дежурный пожилой прапорщик моряка принял неласково. Попутчиков-армейцев, наоборот, даже приобнял, словно старых знакомых. Дымова подобное отношение не удивило. Черноморский флот к этому времени лежал на дне Севастопольской бухты, загораживая проход на рейд обороняющегося города вражеской эскадре. На сухопутном фронте требовались другие военные специалисты. Оставшись с ним вдвоем, Николай молча поставил перед прапорщиком бутылку коньяка. Он ее вез от самой столицы, надеясь открыть, представляясь боевым товарищам по случаю своего назначения. Прапорщик с удивлением смотрел не на бутылку, а на унтер-офицера. Искренне не понимал стремления юноши идти на верную гибель, в «севастопольский котел». Для прапорщика столичный коньяк ценности не представлял. Неважно, что пить перед смертью! Сам со дня на день ожидал назначения на передовую.

Взгляд молодого унтер-офицера не просил, а требовал. Попадавший жизнь прапорщик видел одержимых, не отступающих от выбранного пути. С ними лучше не спорить.

В осажденный город Дымов прибыл 26 августа. Как раз к окончанию четвертой бомбардировки.

Успел отметить красоту и величественность местности, где раскинулся сорокатысячный город. Бухта разделяла его на северную и южную части. На южной стороне фактически и располагался основанный в 1784 году Севастополь. Здесь находились здания администрации, управления Черноморским флотом, госпиталь и недавно построенная Графская пристань. Северная часть служила мощной цитаделью, оцетинившись

орудиями в сторону моря. Именно севастопольскому рavelину отводилась основная роль в защите города от кораблей противника, но война проходила на сухопутном фронте. Позади знаменитые, но не остановившие врага сражения: Алмерское и Инкерманское, бои за Сапун-гору и Федюхины высоты.

Штаб находился в северной части города, где не велось активных боевых действий. Он располагался в уютном каменном домике, выкрашенном известкой в белый, самый мирный цвет. По пути пришлось перешагивать через повсюду валявшиеся ядра, обрывки одежды, многочисленные деревянные обломки, оставшиеся от разбитых телег. Разговор с адъютантом командующего, где Николай намеревался получить назначение, невероятно озадачил, — «под обстрелом каждый день гибнет около полка наших солдат, а это порядка трех тысяч». Молоденький лейтенант, в легком, не по уставному расстегнутом на пару верхних пуговиц кителе с опаской смотрел на передаваемый пакет. Усталое принял документ и равнодушно, как оплачивая ничтожную покупку, предложил Николаю остаться в его распоряжении. Дымову показалось, что это сказано для приличия или из жалости к его неопытности и молодости. Нужно было знать Дымова. Его нетерпению не было предела. Рвался из душного города в самое пекло. Туда, где идет настоящий бой, совершаются героические поступки. Наконец, получив желанное предписание, расстегнул одним порывом сразу три верхние пуговицы кителя, с отвагой выпустив воротник белоснежной рубашки. Для Петербурга такое нарушение формы одежды было немыслимо! Лейтенант, только что передавший ему командировочное предписание, одобрительно улыбнулся в жилистый кулак. В отличие от молодого унтер-офицера лейтенант хорошо знал, что такой воротник черноморцы

называют «лисеями». В память о Лазареве¹. Он уже опустил глаза в ворох бумаг, предупреждая об окончании разговора.

Август 1855 года в Крыму выдался жарким. Воюющие стороны особенно страдали от недостатка воды. С Малахова кургана осажденные с нескрываемой ненавистью смотрели, как к окружающим их высотам бесконечными веренищами ползли, словно навьюченные животные, люди с боеприпасами и в первую очередь с водой. Так французы и англичане использовали своих союзников — турок.

К этому времени вице-адмиралы «лазаревцы», бывшие душой обороны города, Корнилов, Истомин и Нахимов, пали на Малаховом кургане. Один за другим.

Николая в общей неразберихе и следуя простой логике, отправили туда, где меньше рвалось на тот момент снарядов. На Малахов курган, в один из его бастионов. Старожилы понимали — именно данное направление является ключевым в обороне, но там пока было тихо. В блиндаже, напоминающем землянку, покрытую бревнами и обрывками почерневших бараньих шкур, казалось безопасно. Ночью над «картонным» потолком укрытия с угрожающим свистом пролетали бесчисленные ядра и рвались в юго-восточной части кургана. Там располагалась некогда самая оживленная часть города, корабельная слобода. От разрывов ядер известковая пыль тяжело, как уставший путник, поднималась к вершине холма. Белым ее налетом покрывалась одежда, скудная растительность, стволы

¹ Лазарев Михаил Петрович (1788—1851) — русский флотоводец и мореплаватель, адмирал. Участвовал в Русско-шведской войне 1808—1809 г. и Отечественной войне 1812 г. В 1827 г., командуя «Азовом», принял участие в Наваринском сражении. Сражаясь с пятью турецкими кораблями, уничтожил их. С 1834 г. командующий Черноморским флотом и командир портов Севастополя и Николаева. Умер в возрасте 63 лет. Похоронен в склепе Владимирского собора г. Севастополь.

орудий. Даже кусок черного подгорелого сухаря, полежав на открытом воздухе с полчаса, приобретал белый цвет. От забивающей нос пыли сильно хотелось пить. На новом месте не спалось. К визгливому гулу ядер Дымов привык быстрее, чем к наступившей под утро тишине. Она рождала подозрительность.

Сквозь худой потолок землянки пробивался первый осторожный лучик рыжего крымского солнца. Попутно прихватил с собой так необходимую струйку свежего воздуха, напоминающего о прохладном море. Вместе со светом Николай увидел оранжевый, в черную крапинку живой клубок. То облепили камень множество божьих коровок, собирающихся перед перелетом на зимовку в огромные колонии. Он не знал об интересной особенности этих солнечных жучков: в августе—сентябре улетать на север. Есть те, кто от суровой зимы не скрывается в теплых краях, а, наоборот, стремится сохранить себя под толщей снега и льда! Насекомые между тем продолжали шевеление. В их сосредоточенном молчании ощущалась надежность. С детским любопытством молодой офицер в еще не проснувшейся тишине наблюдал, как от желто-черной массы отделился крошечный жучок. Не задумываясь о последствиях столь дерзкого шага, смело вполз на его потную ладонь. Остановился в раздумье. «Неужели герой испугался», — разочарованно вздохнул Николай. Но то был отвлекающий маневр. За разведчиком последовали еще две букашки. «Герой не бывает одинок», — только успел подумать, как над потолком землянки раздался мощный взрыв. Люди, ругаясь, поднимались с пола, стряхивая с одежды пыль и мелкие камешки.

Так начался его второй день на войне. Двадцать седьмого августа 1855 года.

Выйдя из землянки, почувствовал надвигающуюся пелену томящего в лощинах горы зноя. Испытывал на себе его рас-

плавляющую силу еще в Николаеве, куда прибыл из Харькова. Суконный китель даже в полевом варианте был неудобен, принося страдания от тесноты и неприспособленности к жаркому климату. Форма создавалась не для войны, а для парадов.

Плеснул в лицо тухлой водой из стоящего у входа в землянку глиняного кувшина. В глаз попала острая соринка. Заученным движением приложил носовой платок к слезившемуся глазу, чтобы потереть к переносице. Быстро наступило облегчение. Встряхнув кружевной платок, бережно сложил, чтобы убрать в нагрудный карман нательной рубахи. На самое сердце. От лизиного подарка шел только им различаемый пленительный запах. Но открывшаяся «картина войны» заставила остановить приятные воспоминания. В метрах пятидесяти от батареи располагался укрепленный участок на месте разрушенной до фундамента каменной башни. Крепости, которую не успели достроить к войне, как и многие другие оборонительные объекты. Глубокие траншеи многочисленными нитями обвивали весь каменный холм, отчего он становился похожим на муравейник. Хаотичность окопов заканчивалась правильной формы площадками с десятком пушек, в чугунных скобах которых торчали толстые морские канаты. То были знаменитые севастопольские бастионы. Николай хорошо видел, куда смотрели пустые глазницы-дула русских орудий, снятых с боевых кораблей. Внизу, у подножья кургана, на расстоянии не менее километра находились точно такие укрепления с многочисленными окопами и площадками осадной артиллерии. Вражеские орудия отличались не только внешне, но и били раза в два дальше. Английские штуцера тоже имели лучшие характеристики по сравнению с кремневыми ружьями русской армии. Защитники Севасто-

поля компенсировали техническое отставание¹ удалью и пренебрежением к собственной жизни.

Николай мечтал попроситься в отряд ночных «охотников», но не знал, к кому обратиться с подобной просьбой. Командованию не был представлен и начинал нервничать, понимая, что здесь не до него. Предчувствуя приближающуюся грозу, поднял голову к солнцу. Там все было спокойно и мирно. Вдруг в небе показался медленно парящий одинокий кавказский сокол. Не боясь копошившихся внизу людей и чувствуя безнаказанность в воздухе, птица величественно приближалась к Севастополю. Хищник нес в когтях добычу. Мышонка. Николай увидел в этом хороший для себя знак. Мертвая мышь приносила ему удачу!

Несмотря на раннее время, артиллеристы, к батарее которых он приписан, копошились у своих орудий. Другие чистили обмундирование и оружие. Рядом запахло подгоревшим хлебом. Кроме него, никто не обратил внимания на парящую в небе над Курганом большую птицу, вспугнутую под Балаклавой движущимися к Севастополю штурмовыми колоннами. А сокол с белой грудью искал место, где можно утолить голод. Время приближалось к обеду. Солнце между тем светило ярче и безжалостнее.

Самочувствие новичка старожилы обороны сравнивали с положением человека, внезапно окаченного водой. Так случилось и с Николаем. Как только он начал выбирать место своего «будущего героического поступка», что-то, словно стриж, пролетело рядом с лицом. Почувствовал дуновение смерти и вслух громко спросил:

¹ Вооружение русской пехоты — гладкоствольное заряжающееся с дула кремневое ружье, стреляющее на дальность до 600 шагов. Нарезных ружей, бьющих до 1200 метров, в русской армии было не более 3 %. Противник их имел до 80 %.

— Что это?

— Пуля, господин офицер, — механически ответил пожилой солдат, отечески посмотрев на юношу.

Дымов снял фуражку и неосознанно перекрестился. Ему стало неудобно перед солдатом за свою неуверенность, и чтобы сгладить происшедшее, он спросил о далеко не самом важном:

— Послушай, почему курган называют Малахов?

Выдержав для большей заинтересованности паузу, старый моряк начал рассказывать:

— Знать, барин, дело недавнее. Годков двадцать назад произошел бунт в севастопольском рабочем экипаже. Взбунтовались, когда объявили власти противочумной карантин. Бунт быстро подавили, а всех офицеров с командиром подполковником Неженцовым разжаловали в рядовые. Только господин Малахов, командовавший там же ротой, в уважение отменной службы, уволен в отставку тем же капитанским чином. Поселился в Корабельной слободе. До самой смерти работал главным надзорным за местным рынком. — Старый солдат посмотрел осторожно на офицера, словно боясь, что его самого заподозрят в участии в бунте, продолжил: — Малахов следил за качеством продуктов, судил обманщиков, а свои справедливые решения оглашал вот на этом самом кургане, который и назвали¹...

Закончить фразу старый солдат не успел. Совсем рядом прозвучал резкий окрик: «Господам офицерам завтракать!» Николай как ни всматривался, не увидел даже малейших признаков походной столовой. Кругом преобладал грязно-белый цвет, напоминающий чехлы в прихожей дома адмирала Невельского, закрывающие мебель от пыли. Из землянки между тем, с осторожностью полевых сусликов, один за другим вы-

¹ «Николаевский вестник». 9 февраля 1868 г. № 11.

ползали офицеры, одетые в несвежие нательные рубахи. Ночной сосед, молодой унтер-офицер с белоснежной улыбкой, приобнял, увлекая в пространство, скрытое под широкой парусиной. Ровный квадрат четыре на четыре метра, обрамленный по периметру небрежно уложенными камнями, служил офицерской полевой столовой. Из мебели — два изломанных стула да пара досок в качестве стола. Пустые кружки и миски лежали тут же, аккуратно сдвинутые к краю. Перед входом два медных котелка, подогревающихся на углях. Офицеры брали кружки с мисками, подходили к солдату, наливавшему им чай из черпака. Затем большой деревянной ложкой аккуратно наполнял другую миску горячей кашей, аппетитно пахнущей бараниной. Не успел выбрать место на плоском камне у стенки землянки, как голосом уставшего адъютанта прозвучала команда: «Господа офицеры!» Николай один подчинился. Привстал, согнувшись вопросительным знаком. В низенькой столовой показался капитан-лейтенант. Николай отметил, только он и вошедший офицер были одеты в кителя. Судя по отданной команде, офицер являлся авторитетным человеком. Высокий рост мешал стоять прямо в низком укрытии. Изыщно наклонил вперед гибкое тело, отчего костистое лицо вытянулось, выдвигая вперед выбритый до синевы подбородок. Всем своим видом он внушал независимость и надежность.

— Капитан-лейтенант Острено Феофан Христофорович¹, — буднично представился вошедший Николаю и протянул для приветствия руку. От растерянности тот выронил миску с кашей, но ответил крепким рукопожатием. Острено улыбнулся, резко и больно сжал его кисть и в то же мгновение легко освободил свою ладонь.

¹ Старший адъютант Нахимова. За Синоп получил капитан-лейтенанта и орден Владимира IV степени с мечами.

Его внимание быстро переключилось с Николая на окружающих.

— Господа, — негромко начал Острено, — слышали последнюю новость?

Легкий одобрительный шумок поддержал рассказчика.

Неторопливо отхлебнул горячего чая. Губами попробовав обжигающую медь кружки, смерил быстрым взглядом южных глаз завтракающих, будничным голосом продолжил:

— Слыхали? Французы собираются домой. Урожай винограда собрали их жены и заквасили вино, а немцы стоят в очереди за право снять первыми дегустацию. Правильно! С их жен.

Нестройный хохоток пролетел ласточкой перед дождем. Все ждали главную шутку, последовавшую тотчас же:

— Непредсказуемо повели себя и англичане. Помните, как бывший главнокомандующий князь Меншиков-Изменщиков, преисполненный гуманизма, выдал главное наше оружие врагу? Показал противнику чумное кладбище! Тогда не обратили внимания на предупреждение, а сегодня ночью, спустя полгода, вспомнили. Посмотрите, как они отползают от нашего кургана. Как от чумки!

Офицеры с недоверием переглянулись, но последовали за Острено на свежий воздух. Действительно, в утренней дымке, предвещающей дневную жару, у подножья холма шло активное приготовление. Бледно-голубые мундиры французских пехотинцев перемешивались с красными шапочками турок. С кургана хорошо просматривалось движение тыловых соединений противника в сторону передовой линии окопов. То был первый бастион, расположенный у Большой бухты, на последней оконечности кургана.

— На бегство точно не похоже, — щурясь от всюду проникающего солнца, высказал мнение пожилой капитан пехотинец.

В его голосе чувствовалась тяжелая усталость, перерастающая в равнодушие. Очередная шутка Острено еще больше привела в уныние:

— Худшее, что нам сегодня грозит, господа офицеры, — закуривать от отрезанной ноги.

Наблюдающие живо представляли картину: после ампутации достаешь папиросу из сапога своей только что отрезанной ноги и спокойно закуриваешь. Лучше быть убитым, чем попасть на операционный стол! Считалось, что врач обязательно отрежет руку или ногу, только попади в госпитальную палатку. Пугала не боль, а последующая жизнь в немощи. В том была гордость за самого себя, стремление активно жить и приносить пользу своему полку. Именно воинское подразделение служило центром, где отмечалась доблесть и его мнением дорожили сильнее собственной жизни. Отсюда и объяснение особой чести русского воинства.

После грустной шутки с тяжелым чувством офицеры направились в сторону своих орудий. Николая остановил Острено.

— Господин унтер-офицер, имеется важное поручение, — таинственно начал капитан-лейтенант.

Уверенный в грядущем зачислении в «охотники», Дымов подался всем телом к Острено. В это самое время с быстротой стрижа, снова, как и утром, пролетели две пули, пробив сетку из ивняка, прикрывающую орудийную бойницу. Глухо вошли в камень рядом с головой командира батареи.

— Ваше благородие, — сказал молодой артиллерист, — отойдите от амбразуры.

На предостережение солдата не обратили внимания, лишь Николай чуть подался в сторону, но спохватившись, что его

маневр примут за трусость, занял прежнее место. Здесь давно не боялись смерти и не бравировали смелостью. Между тем Острено продолжил:

— Сию же минуту, господин унтер-офицер, вместе с Чайковским, — кивнул в сторону средних лет прапорщика, стоявшего особняком, в выцветшей некогда красной рубашке. — Значит, направитесь в распоряжение штаба, в корабельную слободку. Найдете интендантского комиссара и передадите ему список убитых и раненых.

Посмотрев вокруг, обратился к стоящему рядом Чайковскому:

— Якуб Владиславович, списки раненых, оставшихся по доброй воле на позиции, приготовлены?

Прапорщик поначалу замялся, но обменявшись взглядами с Острено, бодро доложил:

— Раненых на позиции человек пятнадцать, из них три офицера¹.

Чайковский обернулся к Дымову, добродушно улыбнулся, показывая широкие, как у лошади, белые зубы. Николаю не оставалось ничего другого, как унять свое тщеславие и приступить к исполнению приказа. Вместе с прапорщиком, используя эполемент² как укрытие, вышли с безопасной стороны, в тыл батарее. Время показывало одиннадцать. До начала последнего штурма оставался час.

По открытой местности, двигаясь по склону холма, следовало пройти порядка двух километров. Внезапно, сначала на середине кургана, а потом и в стороне их батареи начали рваться ядра. Канонада осадных орудий с каждой минутой усиливалась. Зловещий гул приближался с неминуемой очевидно-

¹ Раненым солдатам, оставшимся на позиции, давалось до трех рублей серебром, а офицеры представлялись к награде.

² Земляное закрытие для орудий батарей с фланга.

стью, как грозное облако. Перекивая их вой, прапорщик предложил:

— Давайте вернемся, иначе через пять минут нас накроет.

Множество взрывов по курсу их движения, в корабельной слободке, подняли тучу пепельной пыли. Противник, казалось, решил расстрелять весь боезапас. Уговаривать Николая не пришлось. Посыльные поспешно вернулись под укрытие своей батареи, нырнув в землянку. Прошло некоторое время, пока глаза привыкли к темноте. Теснота усиливала жару. Солдаты, приспособившись к духоте, снимали верхнюю одежду. Разноцветье рубах, запах пота и мочи, казалось, усиливался с каждой порцией разрывов.

Постепенно батарейцы разговорились. Слова и возгласы, смех над шутками вытеснили напряжение. Наконец случилось то, чего боялся Николай: их заметил Острено.

— Не донесли наградные? — спросил он прапорщика. Не дожидаясь ответа, повернулся к затуманенному от пыли выходу землянки, со злостью выкрикнул: — Значит, сегодня праздник у тыловых комиссаров!¹ Каждый покойник для них новая прибыль, посему, господа солдаты, матросы и офицеры, приказываю всем оставаться живыми, дабы не кормить «пиявок».

Шутка оказалась хорошо понятной и вызвала громкий хохот. Дымов видел, как командира батареи подчиненные ува-

¹ Обеспечение армии осуществлялось двумя способами. Первый — гражданскими подрядчиками. Проводились торги, где выбиралась частная компания на условиях, выгодных для казны. Второй способ — комиссионерский, реализовывался специально назначенным для того чиновником (комиссионером). Для него устанавливались пороговые цены, выше которых он не имел права делать закупки. Цена товара, а не его качество, была основным условием для его приобретения комиссионером, который получал 10 % от сэкономленной суммы. Чиновник, производящий закупки для войск, не подчинялся военным тыловикам и всю разницу между рыночной ценой и заплаченной за товар присваивал себе.

жают за отсутствие высокомерия и честность. Чувствовалось, Остроно любит во всем порядок. Казалось, попроси, и приход смерти рассчитает. Комиссары знали эти его качества и побаивались его. Воровали интенданты поголовно, да еще пустили в свое оправдание шутку: «Чем солдат голоднее, тем злее».

Разрывы прекратились, но времени на отдых на войне не запланируешь. Глухо застучала дробь тревожных барабанов, предупреждающих о наступлении противника.

Батарейцы, как один, повыскакивали из укрытия. Опытные воины не нуждались в командах и приказах начальников. Каждый знал свое место в бою. Николай некоторое время растерянно наблюдал за сосредоточенной работой артиллеристов. Выстрел первого, затем второго, третьего, четвертого орудий привел его в чувство. Бросился туда, где нуждались в командире. Для наведения орудия следовало увидеть цель. Именно это незамедлительно и начал выполнять, для чего встал в полный рост, пытаясь заглянуть за бруствер. Увиденное поразило. Совсем рядом, сплошной стеной, надвигалось темное голубое небо. Живая масса французских солдат расползлась, как студень, быстро приближаясь к батарее. Не сразу сообразил, что перед ним враги.

В эту самую минуту, когда готов был инстинктивно спрятаться за каменную насыпь, Николай свалился от взрывной волны. Она не оглушила и даже не испугала. Мозг стал еще четче воспринимать происходящее. Рядом лежал солдат с развороченным до крови лицом, рука валялась неестественно далеко от туловища. Дымов инстинктивно пошевелил всеми пальцами, убедившись в их целостности. Боялся остаться без руки. Перед ним наклонился тот самый седой солдат, рассказывавший историю Малахова кургана. Их взгляды на секунду встретились. Николай увидел одобрение и усилием воли сде-

лал попытку подняться. Стало стыдно за испытанный страх. Обидно за упущенный случай геройства, о котором все это время только и мечтал. Он не мог знать о негласном правиле оборонцев-севастопольцев — не нагибаться при звуке летящего снаряда — и того, что завел эту традицию сам Нахимов. А старый солдат всего лишь хотел убедиться, жив ли он. Дымов поднялся, с трудом опираясь на раненую ногу. Прямо перед ним возникло темно-синее пятно, впереди которого блестел на солнце штык. Представил, как острие войдет в его сердце. Как раз в то место, где его любовь к Лизе. Он не мог позволить так просто ее убить! Схватил попавшийся под руку предмет. Не ощущая его тяжести, с размаху ударил им по штыку французского пехотинца. Картуз¹ послужил ему дубинкой.

Увидел, как от первого удара штык наклонился к земле и прочертил возле его раненой ноги полумесяц. Вторым ударом Николай метился в огромную голову солдата. Попал опять по ружью, которое легко упало на землю. Француз немедля освободившимися руками вцепился в его горло. Николай всеми силами старался удержаться на ногах, но шансов оставалось все меньше. Враг был выше, мощнее, а удар тяжелым картузом не причинил ему вреда. Неожиданно сила его рук ослабла. Противник медленно опустился на землю. Рядом стоял прапорщик Чайковский, с окровавленной саблей, оскалив широкие лошадиные зубы.

Дымов очнулся от сладковатого запаха. Телега, в которой он лежал, стояла рядом с широкой ямой. Вместе с другими ранеными Николай наблюдал, как приготовленных к погребению в братской могиле обходили священник и с десятка солдат похоронной команды. То были артиллеристы. Молодой человек

¹ Картуз — мешочек цилиндрической формы, в котором хранится порох.

знал: по негласному правилу хоронить старались по родам войск. Уложив на дно могилы человек с двадцать, побросали на трупы севастопольской извести. Затем еще партию покойников. И так несколько рядов. Николай, досчитав до семидесяти, бросил пустое занятие. Воспаленный мозг нагромождал конструкции, одна сумасшедшей дугой.

«За войну им всем платили деньги, поощряли льготами и наградами. Месяц службы в Севастополе засчитывался за три! В могиле почести ни к чему. Зачем придумали звания, призы, поощрения? Зачем дурацкие искусственные различия между людьми? Людей хоронят, как укладывают бревна в поленище», — в нервном бессилии протестовал Дымов, наблюдая за солдатами, от жары и пыли похожими на ободранных одичавших псов.

Без сознания его вместе с другими ранеными довели до перевязочного пункта. Пришел в себя от резкой боли в ноге. Испугался именно за ее сохранность. Лежа на животе, увидел перед собой отрезанную кость с обвисшей желтой кожей, похожей на старую бумагу. От безысходности вцепился зубами в кисть руки, громко заплакал. Не мог смириться с потерей ноги в первом же бою. Получалось, молился за сохранность руки, а оторвало ногу. Слишком слабое утешение для восемнадцатилетнего человека. Обреченно открыл глаза, но не смог заставить себя смотреть на то, что осталось от некогда здоровой части тела. Чувствовал левую, шевеля пальцами. Правая нестерпимо болела. Свет заслонило бородатое лицо мужчины. По белой повязке на его голове Дымов понял, что перед ним доктор. На английском языке тот спросил его имя. Николай покорно назвал себя. Врач поднес к его пересохшим губам холодную кружку. Николай не раздумывая выпил. Оказалось — водка, горечь которой совсем не ощущалась.

— Питер Харрис, — в свою очередь, назвалса хирург¹, — рашен, о'кей! Гуд, будет хорошо.

Дымов запомнил имя своего спасителя и особую примету — черные густые брови, сросшиеся у переносицы.

Его переложили со стола на носилки, перевернув с живота на спину. Николай зажмурил глаза, не желая видеть обрубок оторванной ноги. Надежда всегда умирает последней, как и совесть. Но никто не запрещал ожидать чуда. Он знал о необыкновенных гипсовых повязках, изобретенных хирургом Пироговым², способных сохранять обреченные на ампутацию конечности.

Очнулся на улице. Открыл глаза. Вид перевязанной и сохраненной после операции ноги зародил детское волнение, как рождественский подарок. Не скрывая радости, заплакал от счастья. Обе ноги на месте! Николай поклялся запомнить имя своего спасителя Питера Харриса, найти его и отблагодарить.

Главнокомандующий Горчаков остановил коня у перевязочного пункта. Того самого, где у входа, на свежем воздухе лежал на носилках после операции Николай Дымов. Главнокомандующий и никто из свиты, кроме разве что адъютанта, не знал Дымова. Не до генералов было и Николаю, который радовался своему второму рождению. Горчаков направлялся к первым рядам обороны, которая откатилась с высоты Малахова кургана к подножью. Следовало принимать решение о продолжении бойни, в которую превратилась война для обеих сторон.

Главнокомандующий распечатал конверт, доставленный для него из Петербурга. Горчаков не являлся сторонником продолжения обороны южной стороны города. Знал недостатки

¹ Около сотни американских врачей-добровольцев находилось в Севастополе.

² Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — великий русский ученый и общественный деятель, основатель полевой хирургии.

русской армии и предвидел огромные людские потери. Письмо от молодого императора, который в очередной раз убеждал, во что бы то ни стало прорвать осаду Севастополя. Михаил Дмитриевич хорошо понимал мотивы Александра Второго. Ему нужна первая победа, а не поражение. Только победой можно прекратить разговоры о нелегитимном восшествии на престол. Все знали: по правилам наследования царем должен стать брат Константин. Главнокомандующий совсем недавно уже послушался царского совета и 4 августа приказал атаковать французские укрепления на Федюхиных высотах (между Сапунгорой и рекой Черной) и итальянские позиции на горе Гасфорт (высота 217 метров). В заранее обреченном на провал Чернореченском сражении участвовало более тридцати тысяч русских солдат. Погибло около половины. Полегла целая дивизия, около четырех полков¹. Дальнейшее наступление походило бы на безответное избиение младенцев. Подобную ситуацию он видел и сегодня, 27 августа. Несмотря на яростные атаки русских войск, «союзники» не отступали с захваченных позиций. Малахов курган, опорный пункт обороны южной части города потерян. Горчаков располагал резервом и мог направить свежие силы для возвращения высоты. Общая обстановка за сутки боев оставалась для русских нормальной. На всех других оборонительных позициях успешно отбиты атаки врага. Михаил Дмитриевич поразился, как стоны раненых в перевязочном пункте заглушали оружейные залпы. В подтверждение свое-

¹ В русской армии высшим войсковым соединением являлся корпус. Состоял из трех пехотных, кавалерийской и артиллерийской дивизий, саперного батальона. Всего корпусов было 14. Основное структурное подразделение армии — полк, состоящий последовательно из взводов, трех-четырех рот и двух-трех батальонов. В полку служило до трех тысяч солдат. Срок службы — до 25 лет. После 15 лет при хорошей службе увольнялись в бессрочный отпуск. Так формировалась резервная армия, где бывшие солдаты ежегодно на месяц собирались на полевые сборы.

го теперешнего пораженческого настроения и раздражения от письма императора услышал от дежурного офицера число потерь за день. Тринадцать тысяч человек!

Горчаков долго рассматривал захваченное противником укрепление, затем так же внимательно и долго наблюдал за работой похоронной команды. Той самой, которую перед операцией видел и Дымов. Николай оказался невольным свидетелем разговора в генеральском разъезде.

— Вчера передали письмо из дворца, — нарушив молчание, проговорил генерал, — государь просит прорвать осаду.

Чувствовалось, как трудно ему говорить, когда все молчат. Горчаков не относился к гуманистам и был безропотным исполнителем воли царя. Но равнодушным человеком он никогда не был, страдания раненых принял близко к сердцу. Знал, что в его воле остановить безумие убийства и пойти тем самым наперекор мальчишескому тщеславию императора. Сегодня он впервые поступал по своей совести, которая и есть здравый смысл, но часто расценивается как слабость.

— Приказываю организовать отход на северную часть Севастополя. Соединимся с Евпаторийской армией. Там мы будем сильнее, — выдохнув печаль многодневных переживаний, генерал повернул коня назад, к переправе.

Главнокомандующий¹ планировал сосредоточить все силы на северной стороне Большой бухты. Естественная водная преграда в 900 метров шириной лишила бы противника важного преимущества — превосходства в артиллерии.

Эвакуация военного гарнизона из Севастополя состоялась в ночь с 27 на 28 августа 1855 года.

В войсках стоял ропот. Солдаты и моряки открыто выражали недоверие командующему, отдавшему «приказ из-

¹ 1 января 1856 г. Горчаков отбыл в Петербург. С января 1856 г. до самой смерти Михаил Дмитриевич был заместителем Царства Польского и главнокомандующим 1-й армией.

менника». Все знали — атаки отбиты везде, кроме Малахова кургана.

Противник занял южную часть город 29 августа.

3

В одиннадцать часов дня 28 августа с балаклавской возвышенности английский лейтенант Найджел Кингскот рассматривал в подзорную трубу окрестности осажденного города. Лейтенанта-артиллериста перевели с линейного корабля командовать навигационным постом, расположенным на господствующей высоте, над самой Балаклавой¹, древним поселком, с убогими каменными постройками вдоль бухты, похожим на изогнувшееся тело молодой танцовщицы. Здесь находилась база морского снабжения английских войск.

Лейтенант Кингскот неоднократно участвовал в артиллерийских рейдах корабля. За полгода службы в Крыму имел два представления к награде и денежный приз в 15 тысяч фунтов. После окончания войны на эти деньги он планировал купить патент на должность командира фрегата, с которой автоматически присваивалось звание капитана второго ранга и даровались пэрские привилегии². Для сына учителя географии получить такие чины было целью всей жизни и гарантом обеспеченной старости. Лейтенант заботился не только о себе, но и старике отце, маме и больной сестренке. Должность и деньги давали возможность совершить следующий важный шаг — женитьбу. Помнил, как отец напутствовал: «Сынок, мужчине, чтобы стать успешным, нужно две вещи: получить правильное

¹ Сейчас это место называют «бочкой смерти».

² Пэрство — система дворянских титулов в Великобритании. Пять рангов — герцог, маркиз, граф, виконт и барон. Привилегии: право на суд своих же коллег пэров, право не подвергаться гражданскому аресту, право на доступ к суверену.

образование и удачно жениться». Потому свое добровольное участие в войне с русскими лейтенант воспринимал как возможность разбогатеть за счет своей смелости. Его абсолютно не возмущала бездарность начальников, направляющих подчиненных на верную смерть, играя на их тщеславии и выставляя денежные приманки-поощрения. Он хорошо знал свою конечную цель. Другого пути добиться чего-нибудь стоящего, в Англии не существовало. Все продавалось и покупалось, а для обогащения и карьерной безопасности на мало-мальски значимые должности ставились тупые, но верные родственники. Не отставали от «гонки за прибылью» и простые военные. Для увеличения должностных окладов брали с собою жен и невест. Хорошее средство борьбы с сифилисом, но неважное для боевого духа. Война как средство быстрого заработка становилась популярнее веры.

Найджел Кингскот со своего поста следил за обстановкой. На море стоял полный штиль. В небе маленькая тучка напрасно пыталась закрыть солнце. От их борьбы на землю падали короткие тени, отчего рыжие волосы моряка, с пробором посередине, походили на разгорающийся костер.

Он, как и вся осаждающая город армия, за одиннадцать месяцев устал от ожидания смерти, тифа и возможного увечья. Несмотря на тяжелейшие бытовые условия, лейтенант отмечал перемены к лучшему в стане союзников. Снабжение войск значительно улучшилось. Уже не снимали одежду и обувь с убитых русских, только турки продолжали хоронить своих солдат раздетыми. Болезни, безжалостно уничтожавшие солдат, больше чем русские пули, казалось, отступили. Даже регулярно поставляемые газеты, справедливо ругающие командование за неумение руководить войсками, перешли на хвалебный тон. Не напрасно умерший от дизентерии

командующий лорд Раглан¹ не терпел журналистов, считая их бесплатными информаторами русских. Такое мнение было обоснованным. Русская разведка придумала эффективный способ дезинформации противника и выживания необходимых сведений. Задолго до войны, с целью обработки западного общественного мнения, выпускала в Париже якобы антироссийский печатный газетный листок «Инвалид». Журналисты «Инвалида» соревновались с «Таймс» в достоверности событий и, главное, в их сенсационности и оперативности. Западные газеты часто перепечатывали информацию оттуда, выдавая за свою. Именно «Инвалид» первым запустил ставшую популярной у читателей «колонку пишущих с фронта». Но то была обыкновенная дезинформация, состряпанная русской разведкой. «Письма с фронта» британских и французских офицеров производили угнетающее впечатление на соотечественников. «Повсюду беспорядок и неразбериха, — писал гвардейский офицер из-под Севастополя. — Каждый надеется, что за него его обязанности выполнит кто-нибудь другой, и в результате никто не делает ничего. Командующего не видели уже три недели. Ходят слухи, что он отправился зимовать на Мальту».

В войсках ходила шутка, что якобы русский царь так отреагировал на доклады своих генералов об увеличении средств на разведку: «Нам не нужны шпионы. У нас есть газета “Таймс”».

Найдзелу хотелось увидеть очередное грандиозное сражение, но город застилала дымка от многочисленных пожаров и не осевшей пыли от последней бомбардировки. Солнце словно встало на сторону защитников города, светило наступающим в глаза. Но купившие свои должности командиры

¹ Лорд Раглан (Фицрой Джеймс Генри Сомерсет Раглан) родился в 1788 г., умер под Севастополем 28 июня 1855 г.

английских полков¹ обучались быстро. Война не оставляла времени на лень. Охота за деньгами легко могла закончиться смертью. Создавшим свободный рынок подобная борьба за выживание оказалась привычнее и ближе, чем русский морализм и проповедничество.

Он направил подзорную трубу на новую дорогу, построенную турками. Из Балаклавы жирной черной змеей тянулись обозы в сторону далеких позиций. Увеличительное стекло выхватывало коричневые ранцы солдат, тощие крупы лошадей, похожие на лягушек осадные мортиры, телеги, груженные ядрами и бочонками с порохом. С бессильной обидой лейтенант наблюдал, как до тридцати запряженных лошадей по обочине нехотя тащили огромную осадную пушку. Он понимал, что от желания помочь им двигаться быстрее до реального воплощения — непреодолимое расстояние. Тешила лейтенанта одна хорошая мысль: сегодня русские в очередной раз получают за призывы к всепрощенчеству. Именно таким хитрым способом христиане влезли в доверие к римским императорам, а затем изнутри разрушили империю. Второй раз провернуть подобный сценарий не получится. Наблюдая за движущимися войсками, предчувствовал скорое наступление. Оно должно быть внезапным и неожиданным для русских, привыкших к утренним боям. В этот раз штурм назначен на двенадцать, как раз в самый обед.

Вспомнился случай, когда первый раз Кингскот столкнулся с русским. То был пленный солдат, попросивший воды.

¹ «В то время существовал официальный прејскурант на командные должности в армии. Например, чин подполковника в пехотном полку стоил 4500 фунтов стерлингов, в кавалерийском — 6175, в гвардейском кавалерийском — 7250, в гвардейском пехотном — 9 тысяч. Ходили слухи о том, что некоторые полки переходили из рук в руки за 40 тысяч фунтов стерлингов...» (Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана).

Найджел дал отпить из фляжки бренди. Солдат поплелся дальше, бережно придерживая окровавленную раненую руку. Лейтенант еще не убивал людей и с интересом смотрел вслед пленному, походившему на гибрид животного с человеком. Отвращение росло настолько стремительно, что лейтенант, не справившись с враждебностью, выстрелил бедняге в спину.

Неожиданно взгляд привлек плавно парящий над низиной у кромки моря сокол. Он выискивал добычу. Вдруг, слегка зависнув над кустарником, камнем рухнул вниз. Так же быстро оттолкнулся от каменистой земли. Пошел вверх, в привычную воздушную среду, туда, где он полновластный хозяин, без конкуренции людей и страха за свою жизнь. В когтях сокол держал извивающегося мышонка. Найджел попытался сравнить действия хищника с человеком: «Сокол не может без земли, дающей пропитание, укрытие от бури и дождя. И человек не может без общества, где происходит жесткая борьба за блага и богатства, за красивых женщин. Урвав что-то ценное, он пытается уединиться, как эта птица, чтобы потом снова вернуться в кипящий котел общественной жизни».

Между тем людское море неспешно тянулось к осажденному городу. Движение началось с палаточных лагерей, расположенных под его высотой, в Балаклаве. В это время сокол, напуганный людьми, направился в спокойное место, где можно в одиночестве расправиться с добычей. Под ним волнообразно двигались людские потоки, поднимаемые неведомой для него силой. Так, пролетев с два десятка километров, хищник оказался возле батареи Дымова. Именно его и видел Николай утром, за три часа до штурма Малахова кургана. Кавказский сокол так и бросит добычу. Не воспользуются взятием Малахова кургана и победители. После сдачи русскими южной части города особых успехов ни у той, ни у другой стороны не случится. Мир

подпишут в январе 1856 года, но погибшие не станут укором живых из-за своей доблести! Всего погибло за 11 месяцев обороны 83 тысячи человек, у союзников 73 тысячи. Перевес сил в те дни был на стороне союзников: против шестидесятитысячной русской армии сражалось 115 тысяч. А к моменту первой высадки англо-французских войск на крымское побережье точно такой же перевес сил будет у русских. Даже цифры сходятся и угрожающе играют. Людей за числами способны видеть только сами люди. Именно они берегут в своих сердцах память о безвременно ушедших в иной мир. Памятники тому примером, а надписи говорят сами за себя. «Их разъединила победа, а объединила смерть. В этом слава солдат и судьба храбрецов» — такие слова высечены на кресте над братской могилой русских и французских солдат, погибших на Малаховом кургане.

4

Есть на реке Унже красивое, в то же время загадочное место. Называют его Островом. Река здесь несется, словно испуганный зверь. Когда идешь правым, высоким берегом, со стороны Поповской горы, Остров кажется вытянутым и лесистым. Нужно пройти деревню и остановиться у поклонной часовенки. Природа преображается. Длинная полоска земли чудесным образом превращается в огромный круг. Омывая его, вода шумит, притягивает. Остров напоминает в миниатюре таинственный Китеж, когда-то ушедший внезапно под воду.

Апрель в первый послевоенный год¹ радовал необычной для этих северных мест теплотой.

Николай стоял на высоком берегу Поповской горы, наблюдая ледоход. С тяжелыми вздохами набухшие от воды куски

¹ В январе 1856 г. подписан унижающий Россию мирный договор.

посиневшего льда двигались к середине реки. Потом что-то несколько раз громко треснуло. Показалась долго томившаяся темная вода. С шумом, похожим на ружейные залпы, она вырвалась наружу и стремительно закружила обломки льдин.

Дымов проводил в своем имении под Солигаличем последние дни отпуска. Сегодня прощался с малой родиной, как казалось ему, навсегда. Ничто не держало в любимом краю. Николай отписал свою долю родной сестре, в качестве приданого. Прощался с родительскими могилками на деревенском погосте. Как и год назад, после окончания Морского корпуса, впереди неизвестность, позади утрата. Он мечтал продолжить службу в составе морского экипажа Балтийского флота, и к тому имел основания: орден Владимира с мечами четвертой степени за проявленную в бою храбрость. Но прежде следовало навестить знаменитого родственника, адмирала Невельского, состоящего все так же на службе в Морской коллегии, институте бесполезном, но статусном. Николай рассчитывал получить протекцию адмирала, без которой сложно начинать карьеру.

Черед пару недель прапорщик Дымов подходил к коричневому особняку Невельских на улице Воскресенской, недалеко от Таврического дворца. Остановился в том самом месте, где впервые встретил Лизу, у похожего на согнутое колено поворота. Виделся с нею последний раз с полгода назад, когда долечивался в Кронштадтском госпитале. Затем письма и ожидание встречи. Он заранее сообщил Лизе о месте и времени: в полдень, 14 апреля 1856 года.

С Балтийского моря дул колючий свежий ветер. Высокая влажность усиливала холод. Николай уже полчаса ожидал свидания, пряча глаза за поднятым воротником черной шинели. Раненая нога мерзла и деревенела, но он не обращал на неудобства внимания, так не терпелось обнять любимую. На-

конец показался силуэт быстро приближающейся женщины. Он сразу узнал ее энергичную, упругую походку. Страстный поцелуй в губы обжег и мгновенно согрел. Так же как в прошлый раз слуга-матрос открыл плохо поддающуюся тяжелую дверь. Николай попытался помочь, распахнул ее так сильно, что чуть не сорвал с петель. Старый моряк неодобрительно покивал головой. Он же не знал о копившейся все это время, как река подо льдом, внутренней энергии молодого прапорщика. Казалось, сегодня она должна выйти из берегов.

Приняв верхнее платье, старик оставил их одних в сильно натопленной прихожей. Молодые люди не отрывали друг от друга влюбленных глаз. Николай в ту минуту чувствовал необычную решительность. Его уже не интересовала и сама цель прихода к Невельским, как и возможность продолжать военную карьеру. Будущие чины, ордена, имения и премиальные, к чему так стремился только что, оказались совсем не нужны. Сделанное в жаркой прихожей адмиральского дома открытие снимало тяжелый груз забот и, самое главное, необходимость просить за себя. На протяжении всей своей девятнадцатилетней жизни Николай постоянно сталкивался с напоминанием о зависимости от других людей и необходимостью терпеть обстоятельства, покоряться существующим в обществе, в его кругу правилам поведения. Таким способом обеспечивалась жизнь. Возможно, удачная женитьба к годам тридцати пяти, небольшая военная пенсия — и остаток дней доживать в бедном имении с детьми и внуками. Альтернативы для него тогда не существовало.

В этот момент на кисть его правой руки упала капелька горячего воска. Как и в прошлый раз, он с опаской посмотрел на тяжелые подсвечники на стене с «китовыми свечами». Дымов знал, что девушка, сидевшая рядом, изменит его судьбу.

Николай увидел, как энергичной походкой с лестницы второго этажа спускается сам хозяин. Невельской, не скрывая радости, обнял Николая. От него пахло душистым табаком и веяло расположением.

Мужчины сели к окну, в тяжелые кожаные кресла, друг против друга. Женщины удалились на свою половину.

— Чем живет Солигалич? — спросил скорее для приличия адмирал.

Николай ожидал подобного вопроса, потому обстоятельно описал необычно теплую погоду, виденный на Унже ледоход, плачевное состояние санной дороги от Костромы до Петербурга. Обсуждать итоги пораженческого соглашения старательно избегали. Лишь в конце беседы адмирала прорвало:

— Император в 1853 году готовился захватить Константинополь, а не оборонять Севастополь. В этом есть причина нашей неготовности к войне в Крыму. Он просто бредил Босфорской операцией. Даже Нессельроде¹ не сумел уговорить его отказаться от убийственной затеи, ради которой забросил другие более важные дела. Потому император и ставил командовать Морским штабом, Дунайской армией и Черноморским флотом ни на что не способных из-за своей немощи стариков. «Паровоза, — говорил, — не изобретут, зато ничего не ломают»². Стабильность была важнее боеготовности. Молодежь в лице

¹ Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862) — с 1816 г. — министр иностранных дел, с 1845 г. — государственный канцлер Российской империи.

² 11 апреля 1851 году умер от тяжелой болезни строитель Черноморского флота адмирал Лазарев. Назначили на должность командующего семидесятилетнего генерал-лейтенанта Берга. Подписывая указ, царь характеризовал назначенца как бездеятельного, — «паровоза не изобретет, но и не чего не ломает». Главным командиром Севастопольского порта был старик Станюкович. Командующий в Крыму армией Меншиков и дунайской армией Воронцов по возрасту не могли активно заниматься своими обязанностями.

Нахимова, Корнилова и Истомина допустили к руководству, когда стало понятно, что война проигрывается.

Николай не понимал, к чему клонит адмирал. Дабы не обижать заслуженного старика, которому было чуть больше сорока, силился изображать заинтересованный вид. В свою очередь, адмирал никак не мог предполагать, что молодой прапорщик больше не нуждается в его советах. Дымов к этому времени решил связать жизнь с Лизой. Даже вопреки здравому смыслу пожертвовать карьерой. Невельской, понимая, чем обычно заканчиваются подобные визиты родственников, оттягивал главную тему разговора. Лучший способ ухода от чужих проблем — предупредить собеседника о своих. Обделенный вниманием власти, адмирал продолжал выражать недовольство:

— Поделили империю на сферы влияния двух-трех кланов-фамилий. Все у них в руках: земля, недра, войска и власть. А царем крутят и вертят, как хотят. Тот же Нессельроде и «его группа» ничего не делали против англичан. Мою амурскую экспедицию порочили и всячески ей препятствовали через своего ставленника генерал-губернатора Камчатки Завойко. Для них важно сохранить свой чайный путь в Китай через Кяхту, а не приращение к России новых земель¹. В Российско-американской компании ничуть не лучше! Другой клан занимается «интересами государства», в лице великого князя Константина, путая государственный карман с собственными. Посмотрите, 95 процентов ее акций принадлежит правящему семейству! Значит, всегда есть опасность, что личные интересы противопоставят национальным. А борьба с коррупцией! Чем

¹ Торговля чаем приносила доходов намного больше, чем вся промысловая торговля Российско-американской компании. Да и с государством делились за счет таможенных пошлин, а Российско-американская компания в казну приносила мало, пользуясь защитой великого князя.

больше осуждается взяточничество, тем активнее берут взятки на самом верху. Шизофрения! Раздвоение личности!

Невельской остановился, понимая, что наговорил в горячке лишнего. Изрытое оспой желтое лицо походило на перезревший лимон, красные, навывкате глаза обиженно моргали. Нервничал, бессознательно теребя пальцами пуговицы адмиральского мундира. Начищенные до зеркального блеска, желтые орлы на них ловили отблеск от горящих свеч. Медь императорских орлов понемногу краснела, приобретая цвет крови.

На губах адмирала пробежала извиняющаяся улыбка. Закаленный невзгодами сорокапятилетний мужчина, взяв себя в руки, назидательным тоном спросил:

— Где планируете служить, милостивый государь?

Николай не ожидал вопроса. Видя его растерянность, Невельской взял инициативу на себя:

— Учитывая ваше теперешнее положение... — Он смерил собеседника изучающим взглядом, долго глядел на клюшку, с которой последнее время Николай не расставался, и заключил безоговорочно: — Требуется вам место небойкое, скажем у нас в Коллегии, помощником секретаря!

Николай не понял сути выгодного предложения и машинально покачал головой. Адмирал заметил отрицательную реакцию гостя и тоном, не терпящим возражения, продолжил:

— Я бы на вашем месте не отказывался. К тому же орденосец, герой войны! Наверняка проходная кандидатура. Я орден Владимира с мечами получил уже в чине капитана второго ранга. Вам всего девятнадцать лет, герой!

Теплое место передвигать бумаги в Морской коллегии Дымова совсем не прельщало. Он стремился на корабли Балтийского, единственного и главного Военно-морского флота в тогдашней России. Невельской заметил настроение молодого

офицера, который ему начинал нравиться. Воспитанный в крепостнической атмосфере презрения к человеческой жизни, до безрассудства целеустремленный адмирал уважал подобных себе, характерных. Он убедил Дымова занять временно предлагаемую должность, до полного излечения раненой ноги.

Присутствие женщин на корабле, по морскому поверью, приносит несчастье. В других местах его действие сомнительно. На прощание Екатерина Ивановна обратилась к мужу:

— А что если Дымов поедет вместе со мной и Лизой в Прагу? Там хорошие целебные источники в Карловых Варах. С его больной ногой полезно подлечиться. В дороге через неделю. Пригласивший нас князь Горчаков не станет возражать.

Зная властный характер мужа, нежно погладила его плечо. Чувствовалось, как закаленный и грубый вояка от женского прикосновения размякает, словно хлеб в воде.

Для Николая же предложение оказалось неожиданным, как и новая должность. А Лиза, сузив глазки, хитренько улыбалась. Николай отметил, как у обеих женщин появляются одинаковые ямочки на щеках, когда они улыбаются. Сговор был налицо. Невельскому и Дымову оставалось подчиниться женской солидарности.

На прощание адмирал, между прочим, поделился с Николаем своим отношением к браку:

— Николай Александрович, не спешите жениться на юных девах до тех пор, пока не станете богатым, известным и успешным. Я со своей супругой обвенчался в тридцать четыре года, в звании капитан-лейтенанта. Тогда было другое время. Вам, молодым, сегодняшним, не понять нас вчерашних. Наши женщины шли за мужьями на край света из любви и долга. Нынешняя молодежь, начитавшись модных французских писак, ведет себя слишком вольно. Не догадываются про обман Золей

и Мопассанов. У себя на родине они как зеницу ока берегут покой буржуазной семьи и собственности. Нам же навязывают свободные отношения до брака, да и черт-те что. Плюнуть хочется им в рожу.

5

Пока Николай выправлял документы и справки для получения ссуды на заграничное лечение, Лиза с Екатериной Ивановной, не дожидаясь, отправились в Прагу.

Легендарный Пражский град, историческая память о некогда существовавшем славянском государстве в центре Европы, служил символом объединения. Начинался период создания национальных государств, и российские дипломаты объединяли вокруг границ империи союзников по крови, славян. Князь Горчаков как раз в это время готовил в Праге собрание славянских народов. В свою очередь, общественное мнение Европы подогревалось огнем неприятия России. Победительнице Наполеона Бонапарта не простили триумфа 1813 года. Больше всего преуспели в антирусской пропаганде английские газеты. Начинали с откровенного вранья, а заканчивали ненавистью.

Существовала и другая правда, которую увидел Дымов, проезжая юго-западную границу империи. Приграничные города переполнены беженцами — славянами из Болгарии, Сербии, Греции. Они плотными кольцами обступали православные храмы, прося подавание. Их измученные лица, убогие лохмотья говорили о том, что если им не дать милостыню, завтра турки поработят и Россию. Для большинства русских тогда именно Османская империя считалась врагом номер один, в немалой степени по религиозным причинам. Защита православной веры и освобож-

дение святых христианских мест из-под власти мусульманских правителей были основой внешней политики царизма.

Такое отношение османы справедливо заслуживали. Завоеванные народы отличной от их веры не считались за людей. Спорные дела между ними не допускались до суда. Мусульманин был всегда прав перед немусульманином. Бесправие порождало протест, на порабощенных славянских территориях Европы вспыхивали восстания с постоянной регулярностью. Было от чего! Дымов в ходе своего двухнедельного путешествия от Петербурга до Праги встречал многочисленных жертв турецких издевательств. Стариков с изломанными пальцами, молодых женщин с выжженными глазами и с грудным ребенком на руках, полных сил мужчин с обрубленными кистями рук. Однажды, на одной из остановок в болгарском селе, разговорился с десятилетней девочкой. Ее история требовала справедливого отмщения.

— Посмотрите, что они сделали с моим отцом, вставшим на защиту моей мамы, которую захотел изнасиловать турецкий мальчишка перед своей свадьбой¹.

Мужчина, потупив глаза, стоял рядом. Вместо кистей рук торчали у него красные обрубки. Ему было стыдно от беспомощности. Из черных глаз тонкими струйками текли слезы.

Дымов положил в руку ребенка самую крупную купюру, имевшуюся в наличии.

Многие русские тогда в порыве патриотизма записывались в добровольцы и не понимали, почему император не вводит войска в турецкие владения для возмездия врагу и помощи единоверцам. А на базарах народ говорил о новой большой войне с турками и поддерживающим их Западом.

¹ Была такая традиция. Перед свадьбой мусульманин насиловал женщину или девочку иной веры, в первую очередь с целью унижить порабощенных.

В границах Австро-Венгерской империи подобных сцен почти не встречалось. Здесь Дымов наслаждался видом расцветающей природы, радостным щебетанием птиц, пьянящим воздухом плодородных равнин. Этот прекрасный край создан для мирной и счастливой жизни. Напрасны были его потуги объяснить себе причины человеческой жестокости, кровожадности. Он не мог понять, чего людям не хватает для полного счастья, которое у них же в руках.

В начале мая Николай прибыл в Прагу. Снял комнатку в доме возле городской Ратуши. Не успел он разведать окрестности, как принесли записку от Лизы. Завтра их приглашали на вечер музыки в дом известного музыканта Бедржиха Сметаны¹. Лиза подъехала намного раньше назначенного времени. Влюбленные нежно обнялись. Не отводя друг от друга взглядов, пешком направились по узеньким улочкам старого города. Совсем скоро вышли на широкую дорогу, ведущую от Карлова моста к памятнику Святому Вацлаву. Перешли дорогу и оказались в гуще деревьев городского парка. По земляным аллеям гуляли хорошо одетые люди. Дамы в воздушных, словно крылья разноцветных бабочек, кринолиновых платьях и множество военных в голубых мундирах. Николай отметил их праздные и сытые лица. Город служил базой отдыха завоевателям.

— В этом доме Гёте написал своего знаменитого «Фауста», — поделилась познаниями Лиза.

— Посмотри, дорогая, — Николай нежно обнял теплые плечи девушки, — на крыше дома на самом деле сияет огромная

¹ Бедржих Сметана (1824—1884) — чешский композитор, пианист, дирижер и общественный деятель. Написал «Марш студенческого легиона Пражского университета», «Марш национальной гвардии», «Песню свободы», симфонические поэмы «Ричард III», «Лагерь Валленштейна», «Ярл Гакон». Будучи уже полностью глухим, написал оперу «Поцелуй» (пост. 1876) и симфонический цикл «Моя родина» (1874—1879).

дыра, через которую черт прилетел к писателю, рассказав историю, как человек продаёт Мефистофелю свою душу в обмен на мирские удовольствия.

— Жадный черт пролез через трубу, а из дыры в крыше вылетел сам доктор Фауст. Вслед за Мефистофелем, — поправила девушка.

За разговорами не заметили, как подошли к дому композитора, который находился в новом районе, застраиваемом аккуратными, похожими друг на друга особнячками. В мирное время жизнь налаживалась. На удовольствия денег не жалели. Небольшое двухэтажное здание в виде полукруга, с узкими окнами от пола до потолка, создавало впечатление волшебного замка. Небольшой дворик со скульптурными композициями вдоль чугунной оградки. Николай насчитал семь скульптур с разными сюжетами. Поделился с Лизой наблюдениями:

— Посмотри, вроде две одинаковые композиции с полуобнаженными мужчинами и женщинами.

Девушка в ответ пожала плечами, не понимая сути вопроса.

— Везде мужчины значительно старше юных дев, — пояснил Николай.

— Чего же здесь необычного, — сделала равнодушный вид спутница, — в любви возраст не играет никакой роли. Взгляни туда. — Лиза небрежно махнула платком в сторону каменной пожилой женщины, обнимающей обнаженного молодого любовника, подтвердив жест словами. — Любовь ровесников не ищет!

— Ты оправдываешь разницу возраста в браке? — спросил Николай, начиная понимать, зачем на прощание Невельской предупреждал не спешить жениться.

«Значит, Невельские против нашего будущего брака, — с досадой размышлял Николай. — Лиза, вероятно, в курсе его

мнения и пойти против своего приемного отца не сможет или не захочет».

Лиза внимательно разглядывала очередную композицию-историю, где старик обнимал молоденькую девушку. Догадка пришла сама собой — у Николая имеется конкурент в лице пожилого князя. Вот на что намекал и предупреждал адмирал! Тем более Горчаков сейчас свободен, он совсем недавно похоронил жену.

— Дело не в возрасте, а в надежности, — продолжила начатый разговор Лиза, — для женщин сильное плечо, ласковое слово — основа отношений. Впереди рождение ребенка, и состоятельный отец малыша обязан ей помогать в его воспитании и обучении. Женщине важно чувствовать уважение мужчины и быть с ним равноправной.

Возразить на ее практицизм было нечем. Вот только равноправие его не утешало. Николай отметил за собой новую странность — принимать в штыки любые ее слова. Животный эгоизм заставлял его охранять собственность. Другого ценного имущества, кроме этой девушки, у него просто не имелось. Николай осознавал за собой такой грех и пытался мириться с модным увлечением эмансипацией, свободой в выборе профессии. Все что угодно, только не свобода выбора партнера! Выбирать и решать, по его мнению, должен мужчина.

Начинающиеся разногласия прервал Бедржих Сметана, не старый еще человек в модном коричневом сюртуке с ослепительно белым воротником рубашки и зачесанными назад упрямыми седеющими волосами. Он ласково пригласил пару в дом отработанным жестом, каким предупреждают музыкантов о готовности к концерту. Слуга, в красной жилетке, из-под которой выглядывали желтые манжеты, аккуратно открыл массивную дверь. Николай, как в прошлый раз, перед домом Невельских,

сделал попытку облегчить усилия слуги. Тот ответил доброжелательной улыбкой и словами: «позор, позор!»

Лиза заметила удивление жениха и уже в прихожей шепнула:

— Слуга не хотел тебя обидеть. «Позор» на чешском означает «осторожно».

В левом крыле дома, где собрались немногочисленные гости, находился кабинет композитора, представляющий собою просторную и светлую залу. Широкие окна не создавали преград дневному свету. Ощущение витающей здесь необычной энергетики с самого начала не покидало присутствующих. Композитор незаметно сел за фортепьяно и без предупреждения начал мощно играть. Музыка лилась повсюду, молодым вином пьяня сознание. Гости тихо рассаживались на стулья, расположенные полукругом перед композитором и его удивительным музыкальным инструментом.

Лиза провела Николая за руку на свободное место, которое оказалось рядом с Горчаковым. Молодой человек почувствовал прилив ревности. Рассматривая князя, находил черты его лица отталкивающими. Его раздражали эти узенькие, как у суслика, ноздри. Они вздрагивали от повышенной чувствительности, когда тот мельком наблюдал за Лизой. В ходе концерта Горчаков несколько раз смотрел и на Николая. То был совсем другой взгляд: холодным оловом целящийся прямо в сердце. Вместе с предчувствием потери Лизы в душе его поднимался протест против «свободы женщины». То была ревность, совпавшая с ритмами музыки.

Энергия звуков передавалась приглашенным гостям. Их лица сияли в праздном удовольствии. Николай же энергичнее и намного быстрее, чем в обычной обстановке, думал. С обидой на адмирала осознавал, должность помощника секретаря

в Морской коллегии предложена ему неслучайно. Тем самым покупается его отступление от Лизы. Взамен любви! Такова цена предательства. Николай не сомневался в своих чувствах. «Но как поведет себя Лиза, если ей предложено даже больше? А неожиданная поездка на лечение за границу похожа на хорошо режиссированный спектакль. Видит ли Лиза нависшую над нами угрозу?» — лихорадочно думал он, не находя ответов, которые стремился получить немедленно.

Интуитивно ища поддержки, Николай сжал ее пальцы. В это время музыкант перешел к более спокойной композиции — мелодичный венский вальс успокаивал. Внезапно Лиза решительно высвободила руку, бросив на Дымова укоризненный взгляд. Он почувствовал, что его стесняются. Совсем другое выражение лица появилось у девушки, когда она повернулась к Горчакову. Необычно приветливо улыбнулась. Ниточка бескровных губ князя ответила плотоядной ухмылкой — так показалось Дымову.

Женщина быстро отвыкает от некогда любимого мужчины в руках более сильного.

Утро следующего дня для путешественников обещало быть необычайно активным. Главное событие — собрание славянских народов, подготовленное Горчаковым, чтобы объединить славян, союзников России. Мероприятие проводили на маленьком острове на реке Влтаве, который стали называть Славянским после прошедшего в Праге в 1848 году первого съезда славян.

По пути Николай зашел в один из многочисленных пражских костелов. Прямые стены, переходящие в острые конические башенки. На входе — распятый на черном кресте Христос, с прибитыми гвоздем, сложенными внахлест ступнями. В камне, в отличие от православных, изображены католические святые. Они

езде: внутри костела, на его фронтонах. Каменные надзиратели за живыми людьми создавали атмосферу тревожности. Радостные аккорды органной музыки, блеск золотого убранства и умиротворяющий свет сквозь разноцветную мозаику огромных окон-сводов лишь подчеркивали величие церкви рядом с судьбой человека. Зато верующие во время молитвы демократично сидели на деревянных скамьях. Николай чувствовал фальшь, искусственно созданную видимость простоты и раскрепощенности храмовой обстановки. Иначе смотрелись памятники святым на Карловом мосту¹. Одна из «каменных историй» особенно запомнилась. Под ногами грозного святого за тюремной решеткой, согнувшись в три погибели, в оковах еретики. Лица их выражали нечеловеческие мучения. Точно такое же выражение лица он видел в болгарской деревне у мужчины с отрубленными кистями рук. В назидание, в пример другим за непослушание. «Пытками и смертью, — рассуждал Николай, — огнем и мечом прививали святыя отцы свою веру чехам». Подобным образом поступали и турки по отношению к иноверцам.

Николай обратил внимание на человека, читающего книгу. Осторожно заглянул ему через плечо. «Лабиринт света и рай сердца, ясное изображение того, как в этом свете и во всех его предметах нет ничего, кроме суеты и блуждания, сомнений и забот, ослепления и обмана, бедствий и скорбей, наконец, пресыщения всем и разочарования, и как только тот добивается истинного и полного успокоения духа и радости, кто, оставаясь дома в своем сердце, замыкается с одним Господом Богом»², — учил и в то же время успокаивал чужой английский текст.

¹ Карлов мост, соединяющий исторические районы Малая Страна и Старе Место. Изначально назывался Пражским.

² Ян Амос Коменский (1592–1670) — священник, епископ. Стронник идей гуманизма. Призывал людей уйти в себя, удалиться от участия в общественных распрях. Его книга «Дверь языков» адресована чешскому патриоту.

После осмотра костела Дымов нашел на Славянском острове уютный ресторанчик, место встречи с Лизой. Где-то рядом ласково играла скрипка. В лучах солнца, над самой водою медленно скользила дымка испарения. Простенькие картины с полубожаемыми феями призывали многочисленных посетителей увеселительного заведения к истинной ценности жизни — удовлетворение желаний плоти. Николай наблюдал за пышными одеждами чешских красавиц и думал о неистребимом человеческом тщеславии перещеголять в красоте природу. За столиком, покрытым розовой скатертью, мирно беседовали Екатерина Ивановна, Лиза и Горчаков. Князь, вместо приветствия, встретил Дымова шуткой:

— Ну-с, молодой человек, новую службу начинаете с опоздания. Передаю милых дам на ваше попечение, а сам вынужден убыть. Дела-с, — изменив тон на ласковый и услужливый, обратился к женщинам: — Жду всех на славянском собрании. Через час. И вас, молодой человек. Сегодня первое боевое крещение на ниве служения государственной бюрократии. Поручаю вам вести протокол собрания. До скорой встречи!

Есть люди, которые уже своим присутствием раздражают, вызывают чувство опасности. Другие, наоборот, притягивают, располагают. К первым для Николая относился князь Горчаков. Ко вторым, к тем, кто располагает, Лиза и Екатерина Ивановна. Сегодня разговор сразу не заладился, хотя князь и покинул заведение. Женщины увлеклись журналом с картинками дамских туалетов, живо их обсуждая. Николай, обделенный вниманием, с любопытством разглядывал посетителей. Знакомые черты увидел в одном из мужчин: приветливый взгляд на мужественном загорелом лице и сросшиеся черные брови у самой переносицы. Необычный ярко-желтый пиджак само-

го модного покроя подчеркивал его независимость, достаток и широкие плечи. Дымов узнал Питера Харриса, того самого хирурга-американца, оперировавшего в Севастополе его раздробленную осколком ядра ногу.

Извинившись перед дамами, Николай подошел к столику своего спасителя, представившись. Доктор поднялся с шумом, придерживая готовое упасть легкое плетеное кресло. Изучающим взглядом добрых глаз смерил его с головы до ног. Затем хваткой медведя обнял, приподнимая над землей.

Все складывалось удивительно легко и непринужденно. Николай сообщил дамам о неожиданной встрече, обещая самостоятельно прибыть на славянское собрание. Женщины с пониманием отнеслись к непредвиденным обстоятельствам и покинули ресторан. Узнав о цели его прибытия в Прагу, Питер предложил свои услуги врача. Данное обстоятельство облегчало и удешевляло лечение. Их увлеченному разговору постоянно мешал шум за соседним столиком. Трое мужчин и одна женщина громко обсуждали, как понял Николай, предстоящее собрание славянских народов Европы. Его, хорошо знавшего английский язык, насторожил тяжелый акцент соседей. Быстро разобрался, скорее по национальной одежде: двое мужчин — грек и серб, третий — чистокровный англичанин. Женщина болгарка.

— Греческий народ одинаково благодарен в борьбе и Англии, и России. К тому же наша цивилизация от этих стран всегда находилась на равном географическом удалении. Дорогой Найджел Кингскот, мы не можем разделить друзей. Потому не можем игнорировать славянское собрание, — отстаивал свое право выбора один из мужчин, грек по имени Зозимос.

В России с тридцатых годов с сожалением наблюдали, как греки с приобретением независимости откатываются в сво-

их симпатиях к Великобритании. А Республика Ионийских островов в Средиземном море, получившая независимость от французов благодаря русскому флоту во главе с адмиралом Ушаковым в 1799 году, волшебным образом оказалась под протекторатом Англии. Просвещенные люди, к которым конечно же относились Дымов с Харрисом, прекрасно знали такой международный парадокс. Аппетиты английской монархии не имели предела.

Тот, кого называли Кингскотом, отвечал на английском с легким шотландским акцентом:

— Русский царь ничем не отличается от турецкого султана! Взамен одного палача, получите не менее кровожадного. Вспомните, как царизм расправлялся с восставшими поляками? Потопил в крови своих же собратьев славян! Вас ждет та же участь. Только протекторат английской королевы даст греческому народу настоящую свободу. Именно в Англии самые демократические институты власти, а мы вас научим парламентаризму!

Неожиданно Кингскота поддержала делегатка-болгарка:

— Россия снабжает повстанческие отряды плохим и устаревшим оружием. Вы недавно предложили передать нам штуцерные винтовки, организовать в Англии учебу наших командиров.

— Но русские добровольцы вряд ли согласятся воевать под командованием офицеров, получивших военное образование в Англии, — подверг сомнению высказанное предложение молчавший все это время мужчина.

Кингскот моментально отреагировал:

— Тогда мы будем им платить за участие в войне хорошие деньги!

— Русские не наемники и за деньги не воюют, — стоял на своем, несогласный с позицией англичанина, похожий на серба собеседник.

— Деньги не пахнут, — нашелся Кингскот, — в конце концов мы можем сначала оформить финансовую помощь повстанцам, как от третьей стороны. Скажем, от китобойной флотилии, принадлежащей мне. Вчера с моим другом Зозимосом заключили соглашение об участии греческих рыбаков в самом выгодном и денежном бизнесе. Греки войдут в состав моей китобойной флотилии, плавающей в Охотском море. Дадим и вам, сербам, заработать хорошие деньги, на которые можно не только содержать семьи, но и свою национальную армию! Я призываю вас бойкотировать русскую конференцию!

Спорили вызывающе громко, открыто пренебрегая многочисленными посетителями, пришедшими отдохнуть. Рыжий англичанин вел себя особенно нагло. Попытавшегося сделать замечание официанта больно ткнул кулаком в грудь. Униженный таким обращением молодой чех стыдливо ретировался. Первым не выдержал Питер Харрис.

— Представляешь, если бы все сидящие в зале заговорили в полный голос? Какой бы стоял гвалт! — демонстративно громко объявил Питер, так, что мужчины замолчали, а отдыхающие повернулись в его сторону. Умышленно затыкая рот гостям за соседним столиком, доктор продолжил: — Кричать напропалую позволено лишь птицам, — с повадками уличного оратора, готового выставить последний убедительный аргумент — крутые волосатые кулаки — предупреждал буйную компанию американец, — птицы не бояться своих собратьев, а человек боится своего ближнего пуще самого себя. Труслив и одновременно агрессивен. Его поведение похоже на волка. Но зверь верен семье. Никогда не бросит ближнего, не изменит

самке и не побоится защитить потомство ценою собственной жизни.

Наглая компания, поняв предупреждение о возможном применении силы, притихла. Затем англичанин и грек демонстративно поднялись и направились к выходу. Болгарка и серб остались за столиком. Николай обратил внимание на жилистые кулаки Кингскота и массивный перстень на указательном пальце.

Рассказ Питера о своей жизни в Америке так увлек юношу, что славянское собрание прошло без его участия. Он ничего не потерял. Делегаты не смогли договориться о создании славянского союза. Многие не прибыли на собрание, переметнувшись на сторону англичан, активно противодействующих такому объединению. Собравшихся заботило собственное национальное благополучие. Чтобы понять необходимость жить одной семьей, нужно испытать себя в одиночестве.

А Питер Харрис поведал о незнакомой для русского прапорщика жизни, необычных его интересах. Рассказ заинтересовал Николая больше, чем ожидание итогов патриотической конференции. В небольшом портовом городишке Сан-Франциско, на восточном побережье Северной Америки, Питер занимался врачебной практикой и руководил городской политической организацией республиканской партии. Здесь, в Праге, оказался неслучайно. На соседнем курорте Карловы Вары к наступающему летнему сезону открыл лечебный кабинет. Родиной ему служило место, где зарабатывались хорошие деньги. Ко всему выяснилось еще одно интересное увлечение американского доктора: он был поклонником модных идей анархизма.

Николай не мог уехать в Карловы Вары, не объяснившись с Лизой. О чем и предупредил товарища, найдя полное понимание. Встретились там же, в ресторанчике Славянского остро-

ва. Разговор не складывался. На попытки узнать ее мнение об их будущей совместной жизни девушка отвечала равнодушно и односложно. Тогда Николай не знал о важной особенности женской психики — позволить мужчине себя уговорить. Николай, наоборот, был конкретен и полон решимости, но не получил поддержки. Расставание прошло холодно, и сердце каждого плакало от жалости к любимому. Так тлел эгоизм, выступающий последней преградой для зарождения настоящей любви.

6

На следующий день после собрания князь Горчаков проснулся необычно рано. Тревожное состояние, не покидавшее его последнюю неделю, частично оправдалось. Настрой делегатов прояснился. Они не хотели слышать друг друга, а значит, и объединяться. Не помогли принятые на первом панславянском конгрессе в июне 1848 года, проходившем здесь же, славянские атрибуты: принимаемый с восторгом гимн «Гей, славяне!», трехцветное сине-бело-красное знамя. Делегаты в начале выступлений отвешивали дежурные поклоны в сторону «старшего брата». Особенно ярко получалось у сербов: «На небе Бог, а на земле Россия», — не уставали они повторять по любому поводу. В действительности шли «кто в лес, кто по дрова». Греки выступали за вхождение в Греческое королевство Ионийской республики, находящейся под протекторатом Англии, и возвращения острова Крит (провинция Кандия), принадлежавшего Турции. Сербы продвигали проект «Великая Сербия» с объединением южнославянских народов вместе с Болгарией. Словенцы хотели остаться в границах Австро-Венгрии. Поляки, переворачивая российскую инициативу, предлагали себя в качестве лидеров славян.

Князь отодвинул тяжелую штору. Увиденная картина величия и буйства майского утра на некоторое время заставила забыть невеселые мысли. От лучей восходящего солнца волшебными искорками зажигалась река Влтава. В комнате было душно, от чего жалобно ныло сердце. Ставни дубовых окон открылись необычно легко. Мощно ворвался влажный воздух с запахами свежего овощного салата и глухим шумом просыпающегося города.

Весенняя прохлада ускоряла мысли. Горчаков боялся создания новых мелких государств на карте Европы, хорошо понимая, что ладить с ними будет намного сложнее. К тому же поражение в Крымской войне уже запустило механизм дробления государств, которым он и пытался воспользоваться, чтобы создать противовес усилению Англии. Давно вынашивал идею создания государства-буфера на пути англо-французской экспансии. На эту роль лучше всего подходила Пруссия. Прежде славянское государство, растасканное австрийцами и французами на части, как дикими собаками куски мяса. Аргументы в пользу такого союза перевешивали все остальные варианты. Германцы имели давние родственные связи с царским двором. Русские цари из династии Романовых традиционно брали в жены только немок. К их именам прибавляли отчество Федоровна — в честь костромской иконы Федоровской Божией Матери, откуда и был призван на царство первый Романов. По сути, династия Романовых превратилась в Германцевых. Шутники называли ее еще Федоровы. Но вчера делегаты заблокировали оба предложенных Горчаковым от имени России варианта: славянского союза вокруг России и германского союза во главе с Пруссией. Он верил в надежность обоих вариантов, забывая про особенность человеческой психики: завидовать успешному и отсутствие благодарности. Так из зависти рож-

дается тщеславие, а затем и предательство. За добро часто оплачивают злом, как будто мстят за него.

Князь любил одеваться самостоятельно. В этот раз без всякого основания менял третью рубашку. Ему казалось, что кружевные манжеты недостаточно накрахмалены. Белизна не отдавала принятой в мужской моде небесной синевой. Сразу же после окончания съезда обедать рассчитывал с Лизой. Ему нравилась пусть и не отмеченная благородными кровями молоденькая девушка. Ее по-детски вздернутый курносый носик тянуло поцеловать. Округлые плечи с белой чистой кожей волновали сорокапятилетнего мужчину, как отглаженная шелковая рубаха, одетая на голое тело. Хотелось наслаждаться предоставляемым жизнью удовольствиям. Сегодня он предложит девушке стать его любовницей. В дальнейшем возможна и женитьба. Для этого Лизе Игнатовой нужно еще вернуть отнятый когда-то высокой титул графского, равного с ним достоинства. Но девушка не знает своего прошлого. Только он может реализовать подобную сделку. При этой мысли под сердцем приятно разлился дурман в предчувствии скорого свидания. Он верил в свою исключительность и не сомневался в еще одной победе. Гордился честолюбием и часто вспоминал, как в молодости носил при себе яд, угрожая самому себе отравиться, если обойдут местом.

Ветерок принес в его окно сладкий запах дорогих духов. В соседнем номере проживал заместитель начальника Пражского военного гарнизона с молодой женой. Пьянящий запах только обострил желание обладать молодым телом. Он знал, как опасно влюбиться в его положении. Главной жертвой в таком случае становится время, которое он отдает службе Отечеству и, конечно, карьере. Давно вынашивал мечту стать канцлером вместо Нессельроде. Оправдывал уверенность

в предстоящей победе знанием женщин, которых считал еще большими эгоистами, чем он сам. Потому их легко подкупить обещаниями. При ухаживании, на первых порах, он будет использовать испытанное средство — внимание, стихи и подарки. От похоти, как от волшебных чар, отвлекла опять работа. В голову пришла мысль об уже существующей похожей идее: плане англо-французского союза «Сердечное согласие». Именно «союзники» первыми претворили в жизнь «проект государства-буфера», делали все для сохранения Османской Турции как противовеса России. Затем они рассчитывали натравить Пруссию на Россию. Немцам за услугу планировалось отдать Прибалтику. Себе оставить Архангельск и Вологду, Дальний Восток и Среднюю Азию.

Вспомнилось по этой причине услышанное как-то у Невельского пушкинское четверостишие из уст молодого унтер-офицера Дымова: «Кто устоит в неравном споре: кичливый лях или верный росс?..»

«Пушкин, как всякий талантливый человек, заметил важную проблему, о выживаемости одних народов за счет других, — рассуждал Горчаков, — но славянским народам, видимо, не пришло время объединяться. Они должны сначала разойтись».

История со строительством Вавилонской башни повторилась. Никто не хотел жертвовать родным языком ради объединения с другими народами. Наметившийся панславянский¹ диалог внезапно прервался.

¹ Панславизм — идеология, сформировавшаяся в странах, населённых славянскими народами, в основе которой лежат идеи о необходимости славянского национального политического объединения на основе этнической, культурной и языковой общности. Сформировалась в среде славянских народов в конце XVIII — первой половине XIX века.

Неожиданно совсем рядом со стороны улицы прозвучали три выстрела. Один за другим. Горчаков инстинктивно захлопнул окно и задернул шторы. Не понимал, что пулю не остановит стекло. Четвертая, пробив дерево рамы, расплющилась о стальной подсвечник над его кроватью. Внезапно наступила долгая тишина. В темной комнате становилось снова душно, и оттого зануло сердце. Князь испугался. Ему вдруг стало понятно, как мелки все эти споры славянофилов и западников¹ по сравнению с ценностью его собственной жизни, с удивлением обнаружил, что ради ее готов расстаться даже с любимой женщиной! Так сильно хотелось жить.

В чувство привели частые выстрелы за окном, похожие на цокот железных подковок на парадных сапогах военных. В дверь решительно постучали. Сердце забилося учащенно. Понимал, что мишенью террористов является именно он. Его убийство выгодно врагам России. Ругал себя за то, что ввязался в отношения с националистами, от которых справедливо можно было ожидать все что угодно. Они неуправляемы и бескультурны, хамоваты и безродны. Стук повторился. Показалось, бьют прикладом. Первым было желание бежать. Бросился к закрытому им же окну. Второй этаж массивного каменного дома, до земли метра четыре. Прыгать страшно. Убийца наверняка был не один, его поделньики могли ожидать на улице. Снова стук в дверь, долгий и настойчивый. Горчаков на цыпочках приблизился к двери, надеясь услышать находившихся по обратную сторону. Только вкрадчивый голос служителя гостиницы с просьбой впустить положительным образом повлиял на его встревоженную психику.

¹ Славянофилы были сторонниками освобождения славян от османского и австрийского владычества и создания славянской федерации. Противники славянофилов — западники не признавали особой роли России среди славянских народов.

За распахнутой дверью стояли администратор и австрийский офицер с красным потным лицом. Убедившись в его неврежденности, предложили пройти в соседний номер.

Увиденная картина потрясла много повидавшего дипломата. Комната, наполненная желтым светом, источала атмосферу сложившейся удачно жизни. Знакомый нежно-сладкий запах женских духов обострял внимание. Ничто не предвещало трагедии. Прошли через гостиную с резными вензелями на деревянных креслах, обитых желтой материей, белоснежной кружевной скатертью на круглом обеденном столе, с цветами и фруктами. Служащий гостиницы и офицер в молчании шли дальше. В озаренной солнечным светом спальне от белоснежных обоев слепило глаза. Находившиеся здесь люди казались парящими ангелами в белых одеждах. Присмотревшись, с удивлением обнаружил на широкой кровати полураздетую молодую женщину с большой красной родинкой на белоснежной груди. Золотые волосы рассыпались по подушке брошенным небрежно пышным букетом цветов. Казалось, они жили, шевелились, но лицо не выражало чувств. Горчаков откровенно любовался этой женщиной. Вдруг поймал себя на вопросе — зачем он здесь? Явно произошло нечто страшное, необычное.

Князь продолжал с любопытством оглядывать комнату. В открытых, как душа простолюдина, шкафах в беспорядке висели и лежали женские вещи. Он никогда не задумывался ранее, как богат и разнообразен гардероб элегантной женщины. Название их знал, так как подписывал счета за одежду умершей год назад жены. Корсет, кринолин и турнюр, батист, вышивка и кружева, «юбка приличия» и боковка. Корсет из китового уса стоил особенно дорого. Раньше его раздражала тяга жены к вещам, а сегодня он вдруг понял, что это множество есть стремление к индивидуальности. К своему стыду, не за-

мечал, что все безделушки покупались ради мужчин. Слабому полу больше чем кому-либо хотелось любви и внимания.

— Вы слышали выстрелы? — по-немецки обратился к нему сопровождающий офицер. Горчаков не считал нужным отвечать. Не было смысла. Он был раздавлен осознанием смерти женщины, красотой которой минуту назад наслаждался. Она и сейчас походила на спящую принцессу.

Красное пятно, принятое им за нежную симпатичную родинку, оказалось входным отверстием от пули.

В городе ввели комендантский час, и начались облавы. Делегаты славянского съезда, привыкшие к конспирации, разбежались без предупреждения. Их бегство только усилило подозрения властей в адрес славян, учитывая похожую провокацию, случившуюся в ходе первого съезда. Тогда шальной пулей у окна была убита жена командующего пражского военного гарнизона. Начинались волнения. Раздраженный личным горем генерал приказал обстрелять из орудий пару городских кварталов. Протестные настроения чехов, получивших отпор, по обыкновению улетучились. Они вернулись к привычному занятию — обслуживать победителей.

Случайное или спровоцированное убийство ни в чем не повинной молодой женщины поставило крест на славянском союзе. Заработал второй вариант «плана Горчакова», по усилению Пруссии как потенциальной союзницы России. Направляемая сильным политиком Отто фон Бисмарком, она в 1866 году разгромит войска Австро-Венгрии при Садове. На аннексированных территориях создаст Северогерманский союз. Через четыре года очередь платить за интриги дойдет и до Франции. Так будет создан Второй рейх. Таким образом, появятся три мировых державы: «Третий Рим» в лице православной преемницы Византии — Российской империи, Великобритания с замор-

скими колониями, протекторатами, и Пруссия, возмнившая себя продолжательницей Священной Римской империи.

Разыгравшаяся в Праге трагедия положительно скажется и на отношениях Дымова с Лизой. Наметившееся отдаление друг от друга и попытка совращения Горчаковым девушки прервется. Князю будет временно не до любовных интрижек. Так зло уживается с добром. Так временные циклы, подобно временам года, идут один за другим, не останавливаясь. Так люди игнорируют прошлый опыт, забывая предупреждение библейской притчи: «Вот шесть, что ненавидит Господь, даже семь, что мерзость душе Его: глаза гордые, язык лживый и руки, проливающие кровь невинную, сердце, кующее злые замыслы, ноги, быстро бегущие к злодейству, лжесвидетель, наговаривающий ложь и сеющий раздор между братьями». Все это когда-то уже случалось и продолжает происходить.

7

Река выходит из берегов и раз в сто лет меняет свое русло. Так и человек, чтобы изменить ситуацию, совершает поступки. Русло его судьбы зависит только от него самого. Все течет и ничего не меняется.

Питер Харрис всерьез взялся за лечение плохо сгибающегося правого колена русского моряка. Массаж, лечебная гимнастика — основное лекарство, применяемое доктором, привели к хорошим результатам. Через полторы недели Николай ходил без клюшки. Сильно прихрамывал, что его несколько не смущало. За разговорами с Питером, ежедневными лечебными процедурами время летело быстро. Приближался срок возвращения домой. Питер часто рассказывал о своей жизни в Америке, политических воззрениях. От него Николай узнал

о существовании анархической идеи, которая в те времена носила безобидные формы. Борцы национальных движений, наоборот, являлись самыми настоящими террористами в нашем понимании. Питер Харрис приехал в Европу, чтобы помимо частной врачебной практики на дорогом курорте еще и изучить опыт коммун справедливости.

От Питера Дымов узнавал все новые факты удивительных изощрений правителей Европы и Англии, защищающих свою религию и буржуазные ценности. Додумались создать **каталог общественного мнения**, с полезными для тогдашнего государства героями и его врагами. Дымов видел на войне, с каким остервенением бились «союзники» за «свой каталог», вход в который имел цену по прейскуранту. Их патриотизм хорошо оплачивался. Существовала и другая сторона медали. Увеличивалось сопротивление такому образцу государства, росло, как грибы после дождя, число их противников. Николай с интересом прочел первые такие труды, как «Социальная статика» Герберта Спенсера, Джона Стюарта Милля «О свободе»¹. По приглашению Питера побывал в коммуне «Новая Гармония», где пятьсот добровольцев, мужчин и женщин, строили жизнь на принципах солидарности и сотрудничества. Он увидел в бесконечных собраниях, отчетах о проделанной работе подавление личного мнения коллективным. Хотя внешняя свобода притягивала: работали строго по расписанию не перенапрягаясь, читали и обсуждали, ежемесячно открытым голосованием выбирали «президента коммуны», любовь и страсть между мужчиной и женщиной приветствовалась, дети обучались в равенстве, невзирая на пол и национальность. Николай же заподозрил фальшь таких отношений, неискренность. Не нравилось ему, что люди попадали в очередную зависимость.

¹ Позднее из этих идей развился социальный анархизм Бакунина.

В этот раз от самих себя. Утешало одно: положение русского крепостного крестьянина было намного хуже. Сделал для себя открытие: коммуны с крестьянской общиной объединила круговая порука, а с католической инквизицией — нетерпение инакомыслия.

Питер не отставал от европейских коммунаров. На родине, в Сан-Франциско, создал склад продуктов питания и «по справедливости» распределял их между анархистскими коммунарами, поддерживающими республиканцев-северян. Наиболее эффективна его деятельность была на ниве борьбы с коррупцией. Мэры-демократы маленьких городков в штате Калифорния трепетали от его имени.

Дымов восхищался разносторонней деятельностью Питера, но расходился с ним во взглядах на институт семьи и брака. После недавней размолвки с Лизой он стал еще большим приверженцем семейной жизни. Книгу «Любовь, брак и развод» Стефана Эндрюсао теории сексуальной независимости вернул Питеру непрочитанной.

В ходе короткой экскурсии по коммуне не мог не заметить отсутствия энтузиазма в глазах коммунаров. Коллективная порука и подчинение мнению большинства угнетало их. Питер сам убеждал Николая в невозможности человека жить свободным в границах государства. Теперь то же самое Дымов наблюдал в коммунах, которые из островков равенства перерождались в еще худший вариант насилия. Только не государства, а самих членов общества над конкретным человеком. Такое равенство для прапорщика Дымова было неприемлемо. У Прудона он нашел выход из замеченного противоречия — создать промежуточный механизм между коммуной и коллективом, федерацию коммун. «Экономическая жизнь требует простора, а деление по национальному признаку не всегда может обеспе-

чить этот простор», — читал у Прудона¹ и сам мечтал создать справедливую федерацию.

На справедливости тогда все помешались. В то же время каждый ее понимал по-своему!

Как-то за обедом с коммунарами рядом с Дымовым оказалась молодой французский журналист Ансельм Бельгарриг. Ансельм обрадовался, узнав в соседе за столом русского. С ходу принялся его обрабатывать. Обед закончился, а молодые люди болтали о принципах самоуправления муниципалитетов и сельских общин. Царизм обвинялся в сохранении крепостничества, и Николаю стоило труда доказать французу отсутствие взаимосвязи его с рабством. Ансельм убеждал русского офицера: «Ни один человек не должен обладать властью над другим человеком, ибо между суверенными существами могут быть только соглашения, договоры. Власть как социальный базис должна быть заменена договором в качестве социального базиса». Анархисты проповедовали дух ассоциации, федерации, волюнтаризма, справедливости и личной ответственности. Они мечтали о создании мирового социалистического, а затем и коммунистического анархизма. Так Дымов впервые услышал понимание демократии из уст анархиста Бельгаррига.

Одним словом, общественная мысль Европы находилась в естественном поиске самосохранения. Революции, свержение одних и замена их другими, многочисленные войны за утверждение границ и свою национальную исключительность способствовали такому движению умов. Начиналась эра наци-

¹ В 1840 г. вышла работа П.Ж. Прудона «Что такое собственность?», где отвергались собственность и государство. Взамен — создание частного экономического общества, взявшего бы на себя социальные функции государства. Армию, суды и полицию ликвидировать за ненадобностью. (См. также: «О федеративном принципе и необходимости восстановить Партию Революции» (1863) и «О политической способности рабочего класса» (1865).

ональных войн с 1859 по 1871 год¹, названная позже «парадом суверенитетов». В свою очередь, стихийный рынок подогревал рост общественного самосознания трудящихся, вынужденных отстаивать возможность получать за свой труд справедливую заработную плату. Просвещенным умам становилось понятным, что авторитарными методами можно временно добиться послушания, но не сознательности. А посему европейцы начинали борьбу за индивидуализм и называли себя «мирными революционерами». Первых же коммунистов ласково обзывали «гуманистами». До создания Первого интернационала в 1864 году оставалось несколько лет.

8

Николай пытался систематизировать полученные знания, но теория, как известно, расходится с практикой. В его голове созревал план создания устройства общества, отношения к людям. Дымов видел, что Запад переполнен идеями, информацией, а в России активность человека сковывается. Был ли в том злой умысел, он не мог знать, понимая пагубность такой политики. А на Родине продолжал углубляться экономический кризис. Правительство попадало все больше в кредитную кабалу английских банков, так как российские государственные активы традиционно хранились в лондонском государственном финансовом учреждении — Bank of England. Как следствие, обесценивался по отношению к фунту стерлингов золотой российский рубль. Ходили слухи, что мировым финансовым курсом управляли банкиры еврейского происхождения Ротшильды. Раньше валюты двух государств обменивали один

¹ «...Образование самостоятельных национальных государств, есть тенденция всех буржуазно-демократических переворотов» (Ленин В.И. О праве наций на самоопределение).

к двум (за фунт стерлингов давали два рубля), а сейчас рубль подешевел на целых пятьдесят копеек. Рост же общественного самосознания требовал экономических знаний.

Прочитав Адама Смита — «Исследование о природе и причинах богатства народов», опубликованное еще в 1776 году, Николай крепко призадумался. Анархисты и американский республиканец Питер Харрис, оказывается, во многом повторяли Смита. Видели в человеческом эгоизме основу всех поступков, направленных на стремление улучшить свое положение. Обе стороны считали деньги виртуальной ценностью. Дымов не соглашался только с их насмешками над религией. Анархисты ее игнорировали, а Смит называл священника самой легкомысленной профессией на земле.

Случайности не прекращались. В последний день своего пребывания в Карловых Варах Николай зашел попрощаться к Питеру Харрису. Без предупреждения открыл дверь приемного кабинета. Доктор беседовал с очередным больным, который походил на парусник, основательно потрепанный штормом. Сухая кожа обтягивала крупные скулы, говорящие об упрямом и сильном характере пациента.

— Николай, познакомься, — предложил Харрис, — твой земляк. Помнишь, рассказывал о Ипатьевском монастыре, родовом гнезде Романовых? Он тоже из этих мест.

Мужчина с трудом поднялся и сухо представился:

— Капитан-лейтенант императорского флота в отставке по болезни Бошняк Николай Константинович¹.

¹ Бошняк Николай Константинович (1830—1899) — в 1842 г. кадет Морского корпуса, в 1849 г. мичман. В 1851 г. переведен из Санкт-Петербурга в Амурскую экспедицию, в 1856 г. на Балтийский флот. С 1858 по 1860 г. служит на фрегате «Илья Муромец» на Балтийском и Средиземном морях. В 1865 г. в чине капитана 2-го ранга уволен со службы по состоянию здоровья. Умер в 1899 г. в городе Монца (Италия), куда уехал на лечение. Фактически все время после возвращения из экспедиции болел и лишь числился в составе флота.

Вот кого не ожидал здесь увидеть! Бошняка, костромского земляка, соратника по амурской экспедиции адмирала Невельского. О его безрассудном поведении слагали легенды. После завершения экспедиции Бошняк выпал из поля зрения. Вчерашнего героя невозможно было узнать, так сильно он исхудал и до неузнаваемости изменился. На лице остались одни глубокие, как колодцы, выцветшие от страданий глаза. В них время от времени плясали язычки дьявольского огня. На фоне пережитых страданий у лейтенанта возникло психическое заболевание. Он медленно сходил с ума.

Невельской нещадно эксплуатировал подчиненных, а двадцатидвухлетнего Бошняка, пользуясь его преданностью и молодостью, особенно цинично. Часто посылал одного в неизвестные направления, на верную смерть. Лейтенант мужественно преодолевал преграды и делал ценные открытия. Выполняя приказ Невельского исследовать побережье Татарского пролива, впервые нанес на карту залив — Гавань императора Николая I¹. На собачьих упряжках, питаясь вяленой рыбой и полусгнившим тюленьим мясом, неделями скитался он по снежной пустыне, нанося на карту новые открытия.

Земляки без труда сошлись, обрадовавшись неожиданной встрече на чужбине. Дабы не мешать доктору, переместились в соседний скверик. Николаю не терпелось узнать у бывалого человека о загадочном далеком крае. Бошняк с удовольствием делился воспоминаниями.

— Местные народы малочисленны и не имеют письменности. Доверчивы и не воинственны. Языческие поверья заменяют религию. Вспоминаю, как начали копать землю под картофель. Разбежались с испугу, как от медведя. По их версии

¹ В наст.вр. Советская Гавань, одна из удобнейших для стоянки судов.

мы должны были сразу же умереть! Лесной хищник считается божеством, но туземцы не прочь его убить и скушать. Живут бедно, питаются скудно. В основном рыбой.

Для Николая оставалось загадкой, как небольшая экспедиция смогла за короткое время проделать огромную работу, да еще и поучаствовать в отражении нападения англичан и французов. Об этом и спросил Бошняка.

— К осени 1852 года в экспедиции числилось: в Николаевском 25, в Петровском 23 человека. Всего 48. Помощи, если что случится, ждать неоткуда. До Аяна, ближайшей нашей фактории, тысячеверстное пространство. Да послушайте, я пытаюсь записывать воспоминания.

Бошняк раскрыл небольшую папку с исписанным мелкими буквами листом бумаги. Начал читать сбивчиво, сильно окая: «23 мая 1853 года при свежем восточном ветре я подошел к низменному перешейку, перетащил через него лодку и вошел в бухту, которую назвал в честь цесаревича — Александровской. Из этой бухты мы того же числа прибыли в самый залив и расположились за островом на ночлег. Не известный до этого времени никому из европейцев залив Хаджи, названный мной заливом Императора Николая I, опоясан горными отрогами, отделяющимися от хребта, идущего параллельно берегу моря. По склонам обращенных к заливу гор произрастают кедровые леса. Залив этот принимает в себя кроме большого числа маленьких рек две значительные реки — Хаджи и Ми. Первая из них впадает в главную бухту залива, названную мной бухтой императрицы Александры, а вторая — в большую бухту, названную бухтой Великого Князя Константина».

Бошняк замолчал. Дымов видел, как больной устал от столь незначительных усилий. Он принадлежал к числу людей, которые моральные переживания переносят труднее, чем физическую работу.

«К осени пятьдесят третьего года получил задание начать строительство Константиновского поста, на берегу мною открытой гавани. Невельского в прошлом с великим князем Константином связывала одна неизвестная...»

Рассказчик замолчал, используя передышку для поиска подходящего слова. Обтянутые бледной кожей скулы переходили в волевой подбородок. Полуоткрытым ртом, как рыба, выброшенная на берег, медленно-медленно втягивал воздух.

«...Какая-то общая тайна. Мой начальник считал себя обязанным великому князю. По данной причине Невельской присваивал значимым открытиям имя Константина».

Только сейчас Дымов начинал понимать причину дружбы Невельского и Горчакова. Отношения их связаны с великим князем, братом императора. К сфере его влияния относился Дальний Восток и Российско-американская компания на Аляске.

Бошняк продолжал читать свои каракули: «С десятью моряками и казаками начали строительство. Сначала поставили избу и баню. Чуть позже из остатков бревен соорудили подобие склада. К новому 1854 году, когда закончился чай и соль, поняли, о нас забыли. Местное население с побережья ушло на зимовку в глубь материка, а за ним и дикий зверь. С Охотского моря постоянно дул сильный ветер, усиливая влажностью мороз. Не живой души. Впереди зимнее штормовое Охотское море, позади бесконечные снежные сопки. Помощь от Невельского пришла только к весне. Когда в живых оставалось половина состава поста, десять человек. Вот таким мы были грозным оружием, чем и завоевали для России огромные территории».

Двадцатилетнему мужчине, успевшему повоевать и получить серьезное ранение, этот нездоровый человек еще больше

внушал уважение. Смущало одно: как скоро закончилась активная жизнь героических земляков! Как у горбуши, которая, преодолев течение горной реки, отнерестившись, погибает. Выполнив краткосрочную задачу, эти люди были забыты. Словно чья-то роковая рука выжала их, как лимон, до последней капли живительного сока. Другая мысль внесла в его рассуждения оптимизм: на смену прежним приходят новые герои. Он им обязательно станет. Его не пугала участь забытого и больного Бошняка, недооцененного при жизни Невельского. Молодости свойственна смелость и вера в бесконечную жизнь!

С другой стороны, Дымову была понятна жертвенность и покорность Бошняка. Точно так же и он был воспитан по отношению к воинскому долгу, беспрекословному подчинению командирам, старшим. Даже не было в мыслях осуждать Невельского, так жестоко обращавшегося с подчиненными. С детства внушалось: «Народ является средством для достижения цели». Хотя, при ближайшем рассмотрении, Невельского вел обыкновенный расчет. Любому начальнику хочется быть уверенным в подчиненных. Дабы не тратить времени на их обучение, надо сколотить верную команду, мобилизовать под свои задачи бедных родственников, неимущих и когда-то перед кем-то проштрафившихся. Они как женщины — главное им пообещать. Конкуренция обеспечена, потому как стремление улучшить свою жизнь неистребимо.

— Скажите, вас адмирал навещает, помогает? — спросил Николай. В нем росло отчуждение по отношению к Невельскому, но совсем другого свойства, чем к Горчакову. Невельской родной, солигаличский. Из своей дворянско-офицерской касты.

— Не держу зла на его забывчивость. Я слабый и больной, только досаждаю своей немощью вам, здоровым. Он успешен,

богат, имеет жену и детей. У меня всего этого нет и никогда не будет. Но я счастлив дружбой с незаурядным командиром. Злани на кого не смею держать. Дай и вам и всем Бог здоровья!

Осталось поблагодарить императора и прикрыть свою неуспешность патриотизмом и заботой о Родине...

Дымов с нарастающим раздражением слушал ненужные и унижающие героя оправдания. Отметил, люди часто, когда другие средства исчерпаны, используют безотказный термин «патриотизм», на ура принимаемый русским народом. Вспомнил и откровенные насмешки анархистов над его попытками говорить о любви к Родине. Тогда и прозвучала убийственная фраза, которой он сегодня находил подтверждение в лице Бошняка: «Патриотизм, — говорил французский журналист, — это пристанище идиотов».

Бошняк, покопавшись в своих листах, отложил папку, продолжив монолог: «Двигало нами в то время желание выжить, коль уж оказались на краю земли. — Взгляд его постепенно приобретал осознанность и спокойную уверенность. — Сами себя убеждали в бескорыстной службе Отечеству, а обижались кровно, когда обходили орденами и званиями».

Дымов помнил о наградах героя: два ордена, святого Владимира IV степени и святой Анны III степени, пенсия в 350 рублей годовых. Император не слишком высоко оценил его услуги Отечеству. Хороший врач получал около полутора тысяч рублей в год, а губернатор до пяти тысяч.

— Смешанные чувства двигали нами, — продолжал Бошняк, — хотелось и славы первооткрывателя, достойной награды за труд. Любви и счастья в достатке. Я тогда не думал об итогах экспедиции и несправедливой оценке моих заслуг. Впервые обиделся, когда узнал о нехорошем поступке человека, которому безгранично верил. Он не раз спасал мне жизнь.

Особенно осенью, когда в устье Амура сел на мель наш баркас, затем перевернувшийся от волны. Одного меня выбрал из шестерых тонущих, дотащил в ледяной воде до берега. Остальные погибли. Когда же я заболел, Невельской убедил поделиться с Орловым и частью открытий. Как оказалось, прапорщик Орлов раньше посетил описанные нами на картах места. Догадываюсь, от прапорщика узнал адмирал о главном своем открытии — судоходности амурского лимана. С благодарностью переписал заслугу в описании части Татарского пролива, Тугурского залива и я. Через полгода вышел императорский указ о награждении его орденом Владимира IV степени, присвоения капитана и пенсия пожизненная. Мы получили равные почести. Ну да Бог с ним, пускай живет. У него жена, трое ребятшек. Мне сейчас и орден и деньги ни к чему. Но есть в нем большое черное пятно.

Николаю вспомнилось восклицание, с неназванной фамилией произнесенное князем Горчаковым в разговоре с Невельским. Он хорошо запомнил этот недосказанный обрывок, так как речь шла о связи этого имени с Лизой, потому его интерес к рассказу об Орлове удвоился. Бошняк, отдышавшись, продолжал:

— Прибыл он в Охотск в звании прапорщика-штурмана. Влюбился в жену местного полицейского Игнатова. Двое детишек от него родилось. Девочка и мальчик. Закончилась любовь печально.

Бошняк устал, но не мог остановиться. Его лицо ожило, глаза взволнованно блестели. Вдохнув в себя очередную порцию воздуха, продолжил:

— С год я начальствовал над Константиновским постом. Ввиду начала войны и ожидаемой англо-французской эскадры, приказано сжечь постройки, с таким трудом нами воз-

веденные. С одной пушкой и гарнизоном из десяти солдат обороняться бессмысленно. Наше командование стягивало все силы с побережья к посту Николаевское, что на Амуре. Мы на вельботе двинулись в сторону фактории Аян, на соединение с силами, прибывшими с Камчатки для дальнейшего пути в глубь материка. Из-за шторма на пару суток укрылись в Тугурском заливе. Изумительное место по защищенности от ветров. Единственный недостаток — двухметровые приливы и отливы. В устье речки Тугур расположили стоянку. Наспех устроившись, по обыкновению собрался провести описания местности. В сопровождении тунгуса на шлюпке поднялись до скалистого мыса Малый Ларгангд. Там же, в Тугурской бухте. Вышли на берег, где по крутому склону проследовали к горному перевалу. Он называл его Яблоневоый. Неслучайно уговорил меня. Двигало им желание отмщения американцам или англичанам, забравшим его четырнадцатилетнюю дочь. В наше время иностранные китобои часто посещали побережье Охотского моря. Похищали женщин, вырубали леса, вытапливали на огромных кострах ворвань¹. За спирт выменивали у местных племен шкурки пушного зверя. Какая-то их компания часто посещала Тугурскую бухту. Они и заложили клад, забрать который по какой-то причине не получилось. В самом начале Яблоневого перевала, у двух вековых сосен, сросшихся вместе. Я оставил еще одну приметку: пирамидку из камней у входа в пещеру. Даст Бог вам оказаться в тех местах, найдите перевал. Воспользуйтесь деньгами. Покажите, на что способен русский человек, имея свободу и средства. Купите китобойные суда. Обещаю, этот промысел не в конкуренции с любым другим предпринимательским делом. Только выполните мой

¹ Ворвань — жидкий жир, добываемый из сала морских млекопитающих (китов, тюленей, белух, моржей, дельфинов).

наказ: отдайте заработанные деньги, сколько не жалко, на лечение таких же больных, как я. Инвалидов войн, калек, жить в своем унижении не желающих. Вот если бы построить для них город с больницами, пригласить лучших врачей, создать условия для активной жизни. Верю, у вас получится. Не своруйте и не потратьте на себя, не прогуляйте.

Бошняк начинал заговариваться. Губы посинели, из носа пошла кровь. Покорно закинул голову назад, попытался остановить ее испачканным носовым платком. Николай с удивлением заметил на платке тот же, что и на Лизином подарке, силуэт золотистой пчелы. Канделябры в гостиной адмирала, два носовых платка с одной и той же пчелой не насторожили молодого человека и в этот раз! Напрасно!

Успокоившись, Бошняк продолжил монолог:

— До встречи с вами планировал отдать карту Екатерине Ивановне. Полюбил ее всем сердцем. Тогда, в самую стужу, метель. Я же и копал мерзлую амурскую землю для ее умершей в экспедиции девочки! Не хочу, чтобы кладом воспользовался ее муж. Хватит ему меня одного.

Дымов чувствовал в его словах плохо скрываемую обиду. Еще показалось странным воспоминание об умершем чужом ребенке. Говорил, как про свое дитя!

Бошняк опустил непокорный воспаленный взгляд себе под ноги. Так они долго сидели: один — охлаждая возбуждение от воспоминаний, другой — не в состоянии понять услышанное. Наконец Бошняк торопливо передал Дымову мятый конверт.

— Там вы найдете средство показать себя в предпринимательстве, не хуже англичан и американцев. Создайте отличительную медаль с денежной премией «За Честность и Справедливость». Будьте осмотрительны, место нахождения клада

известно Орлову! С ним он думал сбежать в Гонолулу¹ и жить там припеваючи. Не воспользовался тогда и сейчас вряд ли. На его имя наложено проклятие!

Дымов принял карту с местом расположения таинственного клада. Долго сжимал холодную, удивительно крепкую руку больного моряка. Так прощаются навсегда. Николай возвращался на Родину.

В искренности Бошняка он не сомневался. Подтверждение продолжающихся отношений с женой Невельского Николай получил, выходя из здания клиники, после прощания с Питером. Женщина, в которой он узнал Екатерину Ивановну, не замечая его, зашла в кабинет его друга Харриса. Там все еще находился Бошняк: Николай с интересом наблюдал за происходящим на противоположной стороне улицы. Ожидания оправдались. Бошняк и Невельская вместе покинули клинику его товарища. Для Дымова явились открытием существующие до сих пор между ними теплые отношения.

Прапорщик Дымов уезжал на Родину вооруженный, а не развращенный приобретенными в Европе знаниями и наблюдениями. Он верил в свои силы. С Лизой еще раз встретились в Праге, опять не придя к согласию. Ее просьба принять предложение Невельского и согласиться на должность в Морской коллегии только увеличивали подозрения в сговоре адмирала с Горчаковым. Таким способом, как он думал, покупалась его измена Лизе. Попытки убедить себя в существующем заговоре приводили к еще большему непониманию отношений с любимой. Рассказанная история о трагичной любви Орлова окончательно укрепила его в готовности идти самостоятельным курсом.

¹ Гонолулу — город, порт и столица Гавайских островов, являющихся особой «территорией» США и расположенных в восточной части Тихого океана. Во времена Невельского это был главный город тогда независимого государства Гавайи.

— Не потерплю наговоров на благотворителей, ставших мне отцом и матерью, — между тем жестко выговаривала Лиза, не желая слушать жениха.

Николаю привиделась ненависть в ее взгляде, раньше им не замеченная. Присмотревшись, понял: отчаянность, с которой она защищала названных родителей, не отталкивала, а заворачивала. Щеки девушки покраснелись, кончик курносого носа, как и нежная мочка левого уха, показавшаяся из-под шляпки, предательски побелели. Эти приметы искренности говорили о ее непонимании происходящего и о прямом и честном характере. Так же прямолинейно и упрямо поступил Николай.

— Сделаем паузу в наших отношениях, — с сожалением, но твердо подвел он черту, — отказываюсь от должности в Морской коллегии. Напишу рапорт о направлении на Дальний Восток, штурманом в сибирскую военную флотилию. Время нас рассудит!

Влюбленный юноша не понимал, что таким образом девушка сдаст последние позиции.

Весны в их отношениях не наступило. Они охладели на время, как бывает, когда утренний заморозок превращает рыхлый снег в крепкий наст. Но природа имеет свой неумолимый цикл. И снегу суждено когда-то растаять.

Часть вторая

1859—1864 ГОДЫ.

КИТОБОЙ

9

Удивляет, как «великий народ» не в состоянии разглядеть обмана своих вождей и их прихлебателей! Малочисленные управляющие, как лилипуты Гулливера, опутывают народ тонкими нитями. Вбивают ему в уши слова о своем величии. Он спит до поры, как погребенный Лазарь, и восстановит неожиданную справедливость и мир, как вернувшийся на землю Христос. Потому-то в великих словах, повторяемых православными раз в год, на Пасху, скрыта настоящая истина их величия над властвующими «лилипутами»: вера в победу Царства Небесного, со словами «Христос воскрес», а в ответ — «Воистину воскрес!» Это и есть код надежды на обязательное пробуждение русского народа!

А пока герои те, кто умеет безнаказанно воровать, презирает принятые ими же законы и предлагает женщинам не семью, а сожительство. Армия развалена многократным переодеванием и унижением крымского поражения. Россия 1859 года походила на человека, которому порезали без всякого повода ножом руку. Он смотрит на выступившую кровь и не верит в произошедшее.

Прапорщик Дымов получил назначение на винтовую шхуну «Восток», что базировалась в фактории Аян. Служба как служба. Полтора года пробежали незаметно и увлекательно. Обследование и описание акватории Японского и Охотского морей. Была и обратная сторона у этой почетной медали. Герой обороны Севастополя хорошо понимал дальнейшую бесперспективность военной карьеры. В строевые офицеры штурмана не допускались. Дослужиться возможно только до звания подполковника, которое по должности носил старший штурман сибирской военной флотилии. На пятьдесят дальневосточных штурманов он был один, а желающих предостаточно. Таковы существующие правила, не менявшиеся со времен Петра Первого¹. Подобными мерами искусственно поддерживали разделение на сословия. Правящий класс с помощью запретительных барьеров старался не допустить попадания в свои ряды соотечественников из другого класса и инородцев. Исключением являлись случаи особых личных заслуг перед государством или «протекция». Прапорщику шел двадцать третий год. Он спешил жить, нарушая созданные правила, как часто бывает в молодости с активными людьми. Данное в Карловых Варах Бошняку обещание лишь подталкивало к действиям. Случай, дающийся каждому, желающему изменений, скоро представился. Дымов не упустил возможности им воспользоваться. Он еще не догадывался о коварстве случая, который, как женщина и погода, непостоянен.

Все суда тогда находились в подчинении военного губернатора Приморской области Восточной Сибири, капитана первого ранга Казакевича. Он же являлся по совместитель-

¹ Петр Первый отметил их известным изречением: «Штурмана хоть звания и холопского, до вина и баб охочи, но в навигацких науках сведущи, а посему их всяко поощрять и в кают-компанию допускать».

ству командиром сибирской флотилии и портов Восточного океана. На руководящие должности губернатор¹ предлагал императору кандидатуры, которые согласовывались в Петербурге. Таким образом, через год в лучшем случае происходили кадровые решения. Предстоящие назначения часто держались в тайне. Нечестность гласности всегда боится! Дело в том, что даже незначительная должность в льготном районе рассматривалась, как высокое поощрение. Ради дополнительного дохода люди были готовы на все, не брезговали связями, доносами, взятками. В свою очередь, несправедливость вызывала озлобленность, направленную в сторону власти, государственного строя.

Прибыв на зимовку в Аян, офицерский состав «Востока» с удивлением узнал новость о назначении начальником порта прапорщика Аксенова. До этого Аксенов служил штурманом на клипере «Оливуца», выполнявшем задачи по охране прибрежных вод от иностранных браконьеров. Дымов хорошо знал вчерашнего однокашника по Морскому корпусу, не выделявшегося талантами и родословной. После учебы направили служить на Дальний Восток. Пикантность ситуации заключалась даже не в самом назначении, а в присвоении ему одновременно воинского звания капитан-лейтенанта. Штатная должность начальника порта предусматривала «потолок» до капитана второго ранга. Сразу огорошить из ряда вон выходящим назначением местных офицеров в Петербурге побоялись, но компромисс все равно оказался неудачен. Справедливость в глазах офицерского сообщества, до которого на самом деле

¹ В конце 1856 г. утверждена Приморская область Восточной Сибири в составе Камчатской области, Удского и Приамурского края. Ставкой военного губернатора стал Николаевский пост, переименованный в город Николаевск-на-Амуре. Учреждением этой области Нижнеамурский край официально присоединился к русским владениям в Азии.

и не было дела, в очередной раз была попорана. Причина стремительной карьеры Аксенова объяснялась примитивно: удачная женитьба на племяннице бывшего генерал-губернатора Камчатки Завойко. Данное решение принималось еще в его бытность, но ходило по инстанциям с год. В результате Аксенов от унтер-офицера до капитан-лейтенанта без подвигов и заслуг прошагал за четыре года.

— Сам губернатор подобным путем делал еще более стремительную карьеру, — делились осведомленностью офицеры в кают-компании шхуны «Восток» после сытного ужина в январе 1859 года.

Всезнающий первый вахтенный офицер, тридцатилетний лейтенант Попов, рассказывал:

— Завойко¹ в 1840 году женился на племяннице председателя главного правления Российско-американской компании. Помните барона Врангеля? Увидев в родстве толкового офицера, кстати, штурмана — прапорщика бота «Николай», барон дальновидно начал закреплять свои позиции на Дальнем Востоке. Так сказать, на будущую перспективу. Жизнь не беспредельна, успеть заложить на стапелях еще один вельботик. Кто знает, при хорошей погоде пойдет бригантиной! Так оно и вышло. Завойко оказался, подобно своему богатому родственнику, авантюрным и не робким. Сами знаете, как барон строил дорогу от Охотска до Якутска, которой до сих пор как не было, так и нет. А денег освоено, у-ух! Сказать страшно! Завойко с не

¹ Завойко Василий Степанович (1809—1898) — в 1827 г. в чине мичмана участвовал в Наваринском сражении. В 1840 г. правитель Охотской фактории Российско-американской компании. В 1849 г. камчатский военный губернатор и командир Петропавловского порта. Отразил нападение англо-французской эскадры с 17 по 24 августа 1854 г. В начале 1855 г. перенес военный порт из Петропавловска в устье Амура, в Николаевск. В 1856 г. переведен на Балтийский флот. В 1861 г. вице-адмирал, в 1874 г. адмирал. Прожил 88 лет!

меньшим размахом до недавнего времени строил другую «потемкинскую» трассу, Аян — Якутск. Заметьте, за счет государства. Только от охотской дороги отказались. Бессмысленно! Подобное произойдет и с Аянской трассой! Не может долго длиться очевидное безобразие.

— Где же связь Завойко с Аксеновым? С досрочным присвоением звания, — попытался уточнить Дымов, не понимая связи воровства дорожных фондов с неожиданным повышением его однокурсника.

— Как где? — откинулся в деревянном плетеном кресле-качалке лейтенант Попов. — Завойко уже в столице. Главный военно-морской судья. От него зависит, кого судить, а кого миловать! Вот и оставил за себя родственничка осваивать средства с недостроенной дороги.

— Дались вам эти дороги, — в сердцах поддержал Дымова командир шхуны лейтенант Овсянкин, покорно сидевший на должности в ожидании льготного восьмилетнего срока, после которого желал выйти на пенсию. Год здесь шел за три, как на войне.

Лейтенант Попов все же сообразил, о чем пытается узнать штурман:

— Связь интересна. Оба наши карьериста прошли через одинаковое назначение с присвоением высоких званий. Получили в качестве приданого по населенному пункту со статусом командира порта. Прапорщика Завойко сразу же после женитьбы в 1840 году по протекции барона назначают начальником Охотской фактории (порта Аян тогда не существовало) с присвоением звания капитан второго ранга. Суть та же, только Охотский порт стал в нашем случае Аянским. Вот вам, милейший государь, и связь времен и народов! Бессмысленность строительства дороги от Аяна была очевидна, как и самого

Аяна. В первую очередь Аянская бухта не выполняет задачу укрытия судов от сильнейших зимних ветров. Сами знаете. От Якутска до Аяна более тысячи двухсот километров. Ну, от Охотска на сотню побольше. Похоже, его и закладывали как механизм освоения государственных средств. Да и в Аян вбухали — мало не покажется. Только кушаем мы, господя, на корабле, и желания сходить на берег, где даже закрытых туалетов не имеется, не испытываем. Я раз выпившим шел там и за пень у дома начальника фактории запнулся. Руку сломал.

Разговор в кают-компании не прошел бесследно. Дымов серьезно задумался. Он не рассуждал о справедливости, но именно сегодня почувствовал всю глубину пожелания Бошняка о создании некой отличительной медали с денежной премией «За Честность и Справедливость». В назидание несправедливости.

Альтернативы не существовало. Оставалось, как лейтенанту Овсянкину, ждать окончания восьмилетнего срока дальневосточной службы и увольняться с двухсотрублевой военной пенсией. За год. Былые подвиги в карьере не перевешивали родственных отношений. К тому же среди героев на Дальнем Востоке он был не самым первым. Здесь имелась своя летопись боевых действий. От возможности жениться по расчету Дымов отказался два года назад. С тех пор с Лизой велась переписка, в которой молодые люди строили планы на встречу и делились сокровенным. Восемнадцатилетней девушке пришло время выходить замуж. Влюбленные хорошо понимали опасность затягивания отношений. Свято место пусто не бывает. Природу не обманешь. Николая не отпускали в отпуск, да и жениться без разрешения командира не допускалось. Встреча могла состояться в том случае, если Лиза приедет к нему. Путь по суше занимал полгода, а по морю — два-три месяца. Далеко не

каждая девушка решится на подобный шаг, но Лиза обещала в этом году приехать. Николай, как всякий честный человек, с нетерпением ждал и строил планы семейной жизни. Прозябать в должности штурмана шхуны «Восток» больше не желал, но и возвращаться на малую солигаличскую родину не имел возможности. Имение отписал сестре. Оставалось одно — строить свою жизнь с Лизой в этом диком краю. Главное, что она дала согласие.

В то же время Дымов понимал, какие трудности ожидают их на пути. Забытый всеми вчерашний герой капитан-лейтенант Бошняк, умирающий вдалеке от Родины, являлся живым укором противоречивого течения жизни, где короткая радость победы омрачена длительным и часто безысходным, неоцененным трудом.

Зимним январским вечером 1859 года Николай написал рапорт с просьбой об увольнении с военной службы. Перед тем как передать командиру, пожелал встретиться со старыми знакомыми, китобоями. Их суда тоже встали на зимовку в скованной льдами аянской бухте. На встречу шел с единственной целью: убедить промысловиков объединиться, создать свою китобойную флотилию. Расчет был прост: Российско-финляндская китобойная компания, просуществовав лет восемь, обанкротилась. Точнее, ее разорили американцы, с которыми она пыталась конкурировать. Американцы заключили с английскими китобоями, тогдашними монополистами этого бизнеса, соглашение по противодействию русским, начинающееся словом «запрещается». Запрет распространялся на покупку готового китового жира, продажу средств добычи китов, работу в русских командах гарпунеров. Николай знал о существующей проблеме. Проведенные долгими зимними вечерами расчеты убедили его в выгодности заниматься китобойным

делом, а переданная Бошняком карта Тугурского залива с находящимся там кладом сыграла решающую роль в его решении уволиться со службы.

Дымов шел по льду к невысокому аянскому берегу. Сильный морской ветер дул в спину, помогая ускорять шаг. Кожаные подошвы сапог, касаясь отполированной морозом земли, скользили, затрудняя подъем. Выйдя к постройкам поселка, Дымов провалился в занесенную снегом яму, оказавшуюся обыкновенной помойкой. Их никогда не закрывали досками и в теплую-то погоду. Сейчас же мороз и ветер надежно укрыли отбросы человеческой деятельности.

По единственной улице гуляла снежная поземка. Из труб поднимались столбики коричневого дыма. В воздухе от сырых дров стоял запах жженой шерсти. С трудом открыл Николай перекошенную от сырости и заледеневшую входную дверь длинного сарая — трактира «Аян». Полумрак. Человеческие голоса слились в мерное жужжание, как в улье. Над соломенным полом стелилась дымка пара и ядреного табачного дыма.

— Дымов! Брат ты мой, — окликнул его человек, выходя навстречу из сизого тумана.

Несоразмерно большой для низкого помещения мужчина в куртке из нерпичьего меха. В нос ударил запах водки, как будто плеснули на грудь из стакана. Николай увидел широкие, как у лошади, зубы. Их обладателем мог быть только один человек, севастьяпольский прапорщик Якуб Чайковский. Тот, с которым попали под обстрел на Малахове кургане и не выполнили приказа Острено о передаче в тыл списка раненых батарейцев. От неожиданности Николай не сумел даже задать вопрос Чайковскому: «Откуда в этой глуши ты взялся?»

Широкие белые зубы радостно поблескивали огоньками свечных огарков. Наконец бывшие сослуживцы присели за

длинный дощатый стол, заполненный полупустыми мисками, огромными жестяными кружками. Среди скромной закуски, посередине стола, возвышалась надломанная краюха черного хлеба. Хлеб здесь был дороже водки! За пуд муки платили 4 рубля, а за бутылку водки 2. Пшеницу везли двумя способами: на вьючных лошадях из Якутска и морским путем из Калифорнии. К удовольствию Николая, за общим столом он увидел Онни Маттенена, к которому и шел на встречу.

Онни был одним из акционеров только что обанкротившейся Российско-финляндской компании, работавшей в крае с 1850 года. Дымов дорожил знакомством с известным китобоем и мнением человека, начавшего «бизнес» с бродяжнической артели, собирателей выброшенных штормом на берег китовых плавников. Маттенену потребовалось полтора года, чтобы доказать способность русских успешно заниматься китобойным промыслом. Российско-американская компания, напротив, не стремилась по ряду причин поддерживать это прибыльное дело, боялась вступить в жесткую конкурентную борьбу с английскими и американскими китобоями. Им хватало денег жить на государственных дотациях и промыслом пушнины. Николай Дымов задумал исправить неудавшийся опыт русских китобоев во главе с Онни Маттененом. Создать свою артель на особых принципах работы.

Представлять военного моряка компании не требовалось. Они хорошо знали друг друга. Китобои с почтением относились к миссии шхуны «Восток» по охране побережья от иностранных браконьеров. К сожалению, силы, что называется, были неравны, и проку от такой охраны было мало.

Не ожидая того, Николай стал случайным участником разговора, тема которого была ему очень близка. Именно это пос-

ле сыграло самую положительную роль в быстром согласии моряков с его предложением.

— Человек русский не может нарушить закон, потому и скована его инициатива, а энергия уходит в пьянство, — размеренно объяснял седой, но крепкий старик, обращаясь к полдюжине подвыпивших китобоев.

— У англичан не менее строгие законы, — со знанием дела отвечал молодой, с рыжей копной давно не мытых длинных волос юноша. Дымов видел в нем своего сверстника. Рыжий парень для большей убедительности добавил: — Как что не так, казнят человека. А еще у них шахматы считаются азартной игрой. Штрафуют.

Бражники моментально притихли, видимо, от испуга за свои немалые преступления. Угрюмые лица не смогла развеселить даже хорошая порция водки.

— Их государство заботится о предпринимательстве, которое, как курочка ряба, приносит в казну золотые яйца. А у нас воруют — и все тут. Возьмите Аян, дорогу до Якутска. Где она? А сколько деньжищ вбухали в тундру! Горы огромные! Слышал, сто семей переселили из России. Дома им поставили вдоль Маянской трассы. Земельку возделывайте, растите нам пшеницу, коровенок нате вам! Бесплатно! Ну и где это богатство? Коровенок порезали на мясо, земля не родит, не воронежский чернозем! Разбежались да померли переселенцы. Все до одного! — возмущался пожилой китобой, с шапкой покрытых словно инеем, седых волос. Николаю показалось его лицо знакомым. Да и на многие вещи, на многих людей он сегодня смотрел и воспринимал их не как раньше. Вот и поляк Чайковский, коренастый, полный достоинства седой старик, надежный финн Онни, рыжий разумный парень, которого все зовут Отто. Грубая компания приняла его

сразу, без предварительной проверки. Так, словно он давно жил рядом с ними.

— Мы, китобои отечественные, можно сказать, для императора стараемся, деньги в казну приносим, территорию русскую заселяем. А оказалось, в Петербурге до нас нет никому дела! Отлучил нас царь от своей милости по причине неполучения налога, — чертил свое благообразный седой старик, имея в виду выход Российско-американской компании из уставного капитала Российско-финляндской компании, созданной как дочернее предприятие, — ни власти, ни контроля за местными казнокрадами нету. Потому и справедливость в России не для нас!

— Верно! — поддержал Чайковский. — Чем строже законы, тем меньше свободы!

Дымову не нравились смутьянские речи простого народа, но здесь каждый имел свое мнение, и с ним, как и с этим стариком, считались.

— Нос не дышит, глаза слезятся от смрада костров, что жгут браконьеры по всему охотскому побережью, вытапливая жир китовый, — хлестал правду-матку седой старик, — а пограничную стражу не создают. А как себя ведут в наших портах английские китобои? Словно они здесь хозяева. А почему?

— Знамо дело, — нашелся один их китобоев, — у них доллары, которыми оплачивают свое спокойствие нашим же комендантам портов.

— Не удивлюсь, когда перебьют всех китов, а потом американцам с англичанами продадут Аляску с Камчаткой, — съязвил старик смутьян, — слушайте отчет в газете английской.

Дымов увидел, как сильные жилистые руки старика достают из-за ворота рубахи клочок бумаги.

«С такими кулачищами не газеты разворачивать, а быков убивать одним ударом», — с уважением думал Дымов. Догадка росла, как выползающее из-за сопки восходящее солнце.

«Наверное, беглый каторжник, — подумал он, — от такого лучше подальше. Хотя умение держать себя с достоинством... непохож на преступника. Те пришибленнее. Познавшие унижение редко остаются храбрыми».

В тусклом свете услужливо придвинутых свечных огарков над столом белела седая голова старика.

— «Американские китобои за 1847—1859 годы получили продукции из добытых в русских водах китов на сумму 800 миллионов долларов», — со злобой прочитал, а затем присвистнул старик, — вот где золотое дно! Прямо под форштевнями наших кораблей!

При этом лицо его сникло и сморщилось, как жареный помидор.

Дымов воочию наблюдал результаты хищнического истребления китов. Иностранцы с уловом приставали к любому близкому побережью для вытапливания ворвани и разделки добычи. На китобойном судне такую работу проделать сложнее. К тому же на берегу можно без зазрения совести использовать бесплатный труд туземцев. Плата едина — бутылка виски! Им было выгодно забить бочками с жиром трюмы судов, чтобы продолжить улов. Огромные скелеты, похожие на выброшенные морем остовы кораблей, гнили по всему охотскому побережью и на Курильских островах. Клипер «Оливуца» и их «Восток» лишь предупреждали своим присутствием о принадлежности этих земель России. Наказать штрафом или арестом хорошо вооруженных людей было бы себе дороже. За полтора года своей охранной службы на «Востоке» Дымов был свиде-

телем всего двух арестов браконьерских судов под американским флагом. Через сутки портовое начальство отпустило их без особых взысканий. Николай объяснял такие действия берегового начальства союзническим отношением к американцам. Они так же, как русские, боролись с агрессией Великобритании.

— От нашей ругани «Раку»¹ ни холодно ни жарко, — заговорил все это время молчавший Онни Маттенен.

Народ за столом примолк, как после предупреждения в суде о необходимости «говорить одну только правду и ничего, кроме правды».

— Нет на Дальнем Востоке фигуры, подобной авторитетному купцу Шелихову². Сегодняшнее руководство компании создало свои правила, выгодные еще и американцам. Живут по принципу «ни войны ни мира». Поделили промысел, себе пушного зверя, а супостатам кита. Потому и кинули нашу китобойную флотилию.

— Потому и морскую охрану не создают, — поддержал Маттенена рыжий парень Отто.

— Обязали меня сдавать компании в виде налога в сезон промысла двух китов по 300 рублей. Я им в ответ... — Маттенен набычился, покраснел. Было видно, как тяжело давались воспоминания о недавнем крахе компании, который он воспринимал как личную трагедию.— Ус с одного кита стоит не менее 700 рублей, а сам-то млекопитающий до тридцати тысяч долларов! Смеются, мол, не хочешь, у тунгусов всего кита бу-

¹ Насмешливое название Российско-американской компании.

² Частная компания Г.И. Шелихова действовала на Аляске с 1782 г. В 1794 г. вошла в состав Российско-американской компании, учрежденной государством. Все население региона объявлялось на службе компании: добычка должна сдаваться на фактории компании. Район ее действий распространялся от Курильских островов до Аляски, Алеутских островов, а также на весь Север.

дем покупать за тридцать рублей, а за остальное возьмут кожными деньгами¹.

Дымов с интересом слушал отчаявшихся китобоев и мысленно строил грандиозный план по коммерческому освоению края. «Первым делом, — рассуждал Николай, — поставлю жироплавильный цех в устье реки Кутын, впадающей в устье другой, Тугур. Здесь глубина до трех метров, означающая возможность заходить морским судам. Домики для работников, небольшой цех для консервирования китового мяса». По его мнению, следовало использовать все производственные остатки от переработки кита, в том числе кости, плавники. Для этого рассчитывал поставить дробильную паровую машину по измельчению костей в удобрения. Получалось безотходное производство. С опытным Маттеном разделить сферы влияния: промысел за финном, производство и последующий сбыт продукции оставить за собой. Откладывать разговор не имело смысла. Рапорт о досрочном увольнении передаст лично Острено, для чего собрался в ставку губернатора Николаевска-Амуре. Терять в его положении нечего. Оставалось всего два пути: уехать в Россию, в неопределенность, или остаться вольнонаемным чиновником в Российско-американской компании, занимаясь поставками продовольствия. Ни одно из направлений его не интересовало. Выбор пал на частное предпринимательство. Дымов захотел стать не просто китобоем, как сидящие напротив охотники за деньгами, а хозяином своего дела, включающего промысел, производство и продажу произведенной продукции. Примером оборотистости служили американцы, без усталости истребляя поголовье китов в прибрежных водах, заботясь о личной выгоде и желая жить лучше других.

¹ Кожаные деньги использовала Российско-американская компания ввиду трудностей с подвозом медных монет.

Николай, собравшись с духом и приводя в порядок собственные мысли, решился придать гласности свое предложение. Маттенен, с которым он предварительно обсудил новое дело, поднял предупредительно руку, призывая шумную компанию к порядку.

— Бродяги! — обратился Онни к товарищам. — Послушайте умные мысли, если свои отсутствуют или пропиты.

В необычной для моряков тишине Дымов изложил коротко свое намерение, которое смог бы осуществить только с их помощью. Последнее вызвало особый прилив активности. Первый взнос в новую компанию внес финн Онни в виде судна для китового промысла. Водоизмещение корабля составляло более ста тонн. Еще три небольших шхуны и четыре вельбота внесли остальные трое компаньонов: седой смутьян-старик, оказавшийся ссыльным старовером Семеном Тарбеевым, якутский купец и бывший прапорщик-севастополец Якуб Чайковский. Последний три года назад перевелся на Дальний Восток. Сразу же ушел в отставку, воспользовавшись циркуляром, ограничивающим поляков в получении офицерских званий. Быстро стал своим в среде китобоев и разбогачел. Особое место в китобойной компании отводилось гарпунерам, которые были на привилегированном положении. Именно от их профессионализма зависел улов. Имена их следует запомнить особо: оба молодые, финны двадцати лет от роду — рыжий Отто Линдгольм, недоучившийся студент Александровского университета из Гельсингфорса (Хельсинки) и Фридольф Фабиан Гек, маленький крепыш с огромной силой в руках. Дымов взял на себя финансовую сторону обеспечения экспедиции. Общее руководство новой компанией доверили также Николаю. Решили единогласно, без условий. Так было сильно доверие к двадцатичетырехлетнему флотскому прапорщику, герою

севастопольской обороны у этих простых, непохожих друг на друга рыбаков-авантюристов.

Согласившись на добровольное объединение с трудом накопленных средств, эти люди хорошо понимали невозможность заниматься промыслом в одиночку в обстановке тотальной американо-английской монополии на этот вид деятельности. Особенно непросто приходилось гарпунерам. «Международная морская Лига гарпунеров» запрещала наниматься на русские суда. Нарушители получали «желтую карточку изгоя» и навсегда лишались возможности заниматься высокооплачиваемой профессией. Сложную обязанность возложил на себя и Дымов — обойти оптовых закупщиков. Он задумал сдавать продукцию японским рыбакам. Прямо в море и не за доллары, а за рис, который он намеревался продать в Корее. Япония, как и Корея, оберегала всячески свой рынок от вмешательства иностранцев и их валют. Торговля продуктами питания служила исключением в политике самоизоляции этих государств. Расчет в данном случае шел на доллары, которые уже становились третьей после фунта стерлингов и рубля международной валютой. Доллар покупался за рубль тридцать копеек, а фунт стерлингов за два рубля шестьдесят копеек. Организации придавался статус международной за счет американского страховщика, в банке которого Николай планировал держать основной капитал. Таким образом, Дымов рассчитывал обойти созданную против его страны систему несправедливого ограничения в международной экономической деятельности, которую еще называют эмбарго.

Друзья скрепили подписями договор и таким образом оформили товарищество для ведения промысла в Тихом океане. Назвали его в честь места расположения будущей базы «Тугур».

В результате Дымов стал чем-то вроде командующего китобойной флотилией, состоящей из трех судов, с командой до шестидесяти моряков. Учитывая малонаселенность территории, где в факториях компании редко проживало более пятидесяти вольнонаемных русских, это была еще солидная вооруженная сила. На каждом судне имелось по небольшой пушке и арсенал стрелкового оружия. В конце марта 1859 года экспедиция планировала выйти на свой первый промысел в Охотском море.

В столицу Приморской области Восточной Сибири ехать не пришлось. Острено прибыл в Аян собственной персоной.

10

Вчерашние дети, взрослея, уходят в новую жизнь. Так же старые ветки со временем засыхают, уступая место молодым побегам. Лизе, не помнящей родительской ласки и отчего дома, расстаться с чужой семьей не составляло труда. В трехлетнем возрасте ее забрали из иркутской тюрьмы после смерти матери. До девяти лет прожила в семье губернатора Камчатки Завойко. Затем неожиданная для безродной сироты учеба в столичном Смольном институте благородных девиц. На попечении Невельского. С Дымовым познакомилась накануне своего пятнадцатилетия и скорого выпуска из учебного заведения. Хорошо понимала: следующим этапом ее жизненного пути будет удачное замужество или преподавательская практика. Девушка видела желание Невельских поскорее выдать ее замуж и таким простым способом избавиться от необходимости тратить на ее содержание семейный бюджет. Лучшего кандидата в женихи, чем успешный сорокатрехлетний вдовец Горчаков, трудно было найти. Но встреча с унтер-офицером Дымовым изменила тщательно составленные планы ее на-

званных родителей. Лиза влюбилась в молодого офицера. Оба знали, что чувства взаимны. Екатерина Ивановна Невельская отнеслась к первой любви с пониманием и не мешала молодым. Она надеялась на здравый смысл и женский эгоизм. Эти качества, если они есть, помогут молодой девушке правильно выбрать партнера. Иначе повел себя адмирал — он и слышать не хотел о самостоятельном поведении девушки. С Горчаковым стоворились заранее о венчании через полгода, когда Лиза станет совершеннолетней. В ту пору это был вполне равный брак, потому как устраивал обе стороны. Лизе обеспечивался достаток, а Невельским «родственные связи» с одним из самых влиятельных министров царского правительства. Только хитрый Горчаков надежно скрывал свой интерес! Происходил обычный торг с «богатым купцом и достойным товаром». И венчание непременно состоялось бы, если бы Геннадий Иванович в порыве прямолинейной откровенности не бросил Лизе в лицо обидную фразу:

— У дурных родителей дети всегда неблагодарны, безнравственны.

Так он отреагировал на нежелание девушки идти под венец со старым князем. Лиза к этому времени из обрывочных рассказов Екатерины Ивановны знала, что ее мать попала в тюрьму за убийство. Отказывая в свадьбе, девушка тайно надеялась на невозможность обряда венчания по причине своего недворянского происхождения. Безусловно, она догадывалась о некоей тайне своего рождения, иначе зачем незнакомым людям проявлять к безродной сироте пристальное внимание и навязчивую заботу.

Девушка не знала, что ради замужества с влиятельным вдовцом уже готовится указ, возвращающий ее покойным родителям, а значит, и их детям, отобранное ранее дворянское

звание. «Понятная польза», вот негласное имя законам, которые сами для себя принимают находящиеся у власти.

К тому времени Дымов приступил к службе в далеком Охотске штурманом на корабле береговой охраны «Восток». Молодые люди часто писали друг другу, получая послания с запозданием в полгода. Но для влюбленных расстояния не существует, а разлука лишь укрепляет настоящие чувства. Лиза надеялась на возможный перевод Николая обратно в Россию, но с каждым его письмом понимала бесполезность ожидания. В них чувствовалось стремление моряка своими силами добиться успеха. Девушка решала точно такую же задачу. Так совпадают желания. Так формируются великие реки, принимая в себя ручьи, текущие к морю.

Ускорил отъезд в Охотск необычный разговор с Екатериной Ивановной. Начался он с безобидного вопроса о «золотой пчеле». К этому времени Лиза, окончив институт, снимала комнату и давала частные уроки английского языка. У Невельских бывала редко, избегая встречи с хозяином дома, но от этого дружба с Екатериной Ивановной только окрепла.

— Лиза, твоя догадка о тайном значении пчелы на носовом платке верна, — старательно подбирая слова, доверительно начала рассказ Екатерина Ивановна.

Ее глаза затуманились от нахлынувших воспоминаний. Девушка обратила внимание, что ее руки нервно перебирали длинные кисточки шерстяного платка, накинутого на плечи. В комнате было сыро и зябко. Женщина, справившись с волнением, продолжила:

— По тому, как тебя устроили в престижное учебное заведение, определили в нашу семью, а перед этим в семью губернатора Камчатки, можно сделать вывод о непростом ребенке. Ты умная девочка и давно обратила на это внимание. Но я не знаю

всей твоей тайны. Решимость, с какой ты вступаешь во взрослую жизнь, напоминает мне мою собственную.

Лиза понимала жену адмирала. Когда-то двадцатилетняя выпускница Смольного монастыря решала ту же проблему первой любви. Сегодня Екатерина Ивановна не походила ни на жертву, ни на героя. Напротив Лизы сидела грустная тридцатилетняя женщина, еще не утратившая привлекательности. Но жалости не было в ее глазах. Их объединяла похожая судьба. Только в одном случае жизнь состоялась, а в другом началась.

— Муж говорил о пчеле как о ключе к разгадке. В число посвященных входят Завойко с Муравьевым, Геннадий Иванович с Николаем Васильевичем Буссе. Сегодняшний губернатор Амурской области, в прошлом соратник мужа по амурской экспедиции. Каждый из них знает лишь часть истории. Полной информацией обладает кто-то один.

Подумав, добавила еще одно имя:

— Владыка Иннокентий, архиепископ Камчатский, Курильский и Аляскинский. Самый активный участник амурской экспедиции лейтенант Бошняк. Последнего ты видела больным в Карловых Варах. Он мне рассказывал о людях, объединенных этим таинственным знаком, за которым стоит якобы спрятанный ценный клад. Название местности странное — Тугур. Твои покойные родители имели самое прямое отношение к этому таинственному кладу. Хотя я и не верю полностью в рассказы тронутого умом Бошняка, но они не лишены смысла. Скорее речь идет о найденных природных залежах золота. И еще. Будто бы жив твой младший брат!

Екатерина Ивановна снова замолчала. Худые пальцы нервно теребили кисти платка. Лиза же спокойно и жадно слушала, откинув на спинку кресла голову с заостренным подбородком.

— Знаю человека, способного тебе помочь, — продолжила женщина, — это капитан Орлов, хорошо знавший твоих родителей!

— Где он живет? — не выдержала Лиза.

Екатерина Ивановна, мимолетом заглянув девушке в глаза, словно проверяя ее решимость, буднично отвечала:

— В Охотске. Я ему напишу письмо с просьбой оказать тебе всяческую помощь. Уверена — не откажет. Передашь лично в руки! Такое же письмо напишу и Буссе. Отправлю сама. Бог тебе в помощь!

С этими словами Екатерина Ивановна прижала Лизу к груди, как мать, расстающаяся с ребенком. Она медлила, сомневаясь, сказать ли о самом главном. Наконец энергично отодвинула от себя девушку. Лицо ее покраснело, во взгляде пропало смирение, голос изменился, зазвучав резко и громко:

— По слухам, за всей этой историей скрывается брат царя, великий князь Константин. Вполне вероятно. Он представляет Романовых в руководстве Российско-американской компании и курирует Российскую Америку. С его участием происходят важные события. Где пересеклись интересы твоих родителей и царского брата, мне неизвестно. Когда люди заняты одним делом, возникают трения, интриги, вспыхивает любовь и ненависть. Преследует нас и зависть, и тщеславие. Не бывает ровной дороги, так устроена жизнь. Случилось двадцать лет назад обыкновенное человеческое чувство. Я его со стороны наблюдала и иногда к нему прикасалась. Страстью называется. Когда тебя несет поток, крутит, не отпускает. Вырваться из его объятий нет сил и желания. Это как в храме, после двухчасовой службы, открывается второе дыхание, пропадает усталость. Приходит ложное ощущение вечного счастья. Берегись обмануть саму себя!

Лиза с удивлением наблюдала за волшебным превращением: оказалось, в этой женщине уживались два разных человека. Один замкнутый и скрытный, другой смелый и пылкий. Лиза еще в Карловых Варах обратила внимание на особые отношения Екатерины Ивановны с Бошняком. «Неужели сейчас вспоминает свою вторую любовь, называя ее страстью», — думала девушка, открывая для себя неизвестную страницу жизни безупречной жены известного человека.

— Когда умер мой первенец, он копал мерзлую амурскую землю для могилки, — неожиданно продолжила откровения Екатерина Ивановна, — ободрял и поддерживал. В промозглой землянке, кишевшей крысами и вшами, я оставалась одна. Геннадий Иванович, муж мой, в постоянных разъездах. Моя роль — быть где-то рядом, мои проблемы всегда вторичны. Главное — обеспечить ему роль первооткрывателя. Никогда не роптала. Но тогда, после похорон первенца, вдруг заметила, что нужна не только мужу. Другой мужчина, оказывается, тайно любит меня. Скрытое всегда становится явным. Невельской заметил, сначала ревновал, а потом начал третировать молодого офицера. Все в итоге случилось так, как случилось. Я с мужем в тепле и уюте, а он в нищете и унижении... Будь бдительна, мужчины ревнивы и мстительны. Это тебе предупреждение насчет Горчакова. Своим отказом ты его не обидела, а унизила. Простить можно даже измену, но не унижение.

Ее скорый отъезд походил на бегство, так скрытно и поспешно собиралась девушка в дорогу. Перед посадкой на борт отплывающего судна Лиза так торопилась сообщить о своем решении любимому, что отправила на адрес Дымова письменное сообщение, вложив в него и письмо для Орлова. Рассчитывала, что Николай подготовит Орлова к откровенному разговору. Вышло же намного хуже, чем она могла предполагать.

Предстояло тяжелое трехмесячное плавание из Санкт-Петербурга в Охотск.

11

Начальник порта Аян капитан-лейтенант Аксенов Николай Григорьевич три дня неважно себя чувствовал. На четвертый жена Машенька, племянница Завойко, настояла на постельном режиме. К вечеру жар усилился, больнойпил горький клюквенный морс. Маша пыталась облегчить мужу страдания, обернула его мокрой простынею и наглухо укутала двумя тулупами. Николай Григорьевич, выпив холодной воды, почувствовал, как покрывается испариной, впадая в тяжелый сон. Маша с трудом растолкала мужа. Заставила переодеться в сухое белье и выпить теплого чая из бузиновых и липовых цветов.

Ночью Аксенова бросало то в жар, то в холод. Жена не отходила от постели. К утру горячка отступила. Аксенов заснул чутким нездоровым сном. Слышал, как в избу заходили люди, хлопая дверью. Морозный воздух, ворвавшись в тепло жилища, припадал к деревянному полу. Больному чудился похожий на испуг шепот посторонних, дающий повод думать об ухудшении его здоровья. И, странное дело, Машенька не выгоняла людей. Аксенов понимал, что так быть не должно. Больной нуждается в покое. Перед забытьем осенило: дело не в нем, а что-то произошло, о чем ему из-за болезни не докладывают. Чутье не подвело. Пришло сообщение о скором прибытии в Аян инспектора над портами Восточного океана капитана первого ранга Острено Феофана Христофоровича. Того самого адъютанта Нахимова, получившего капитан-лейтенанта и ор-

ден Владимира IV степени с мечами за Синопское сражение, участника обороны Севастополя.

Аксенова новость о прибытии в Аян инспектора, славящегося прямолинейной честностью, не на шутку встревожила. Тунгус, передавший письмо, сообщил о его прибытии в течение трех дней.

— Негоже чиновнику такого ранга трястись на собачьих упряжках по снежной тайге, — подбадривала мужа Машенька, — думала, ушло время моего дяди, в пургу и распутицу объехавшего все камчатские владения. Сегодняшние начальники для передвижения используют морской транспорт. Нам нечего переживать, у нас не воруют, а служат.

Николай Григорьевич, еще не окрепший после простуды, в ответ бережно обнимал свою Машеньку и благодарно целовал в пахнущее молоком полненькое лицо. Жена находилась на седьмом месяце беременности.

Он хорошо понимал несправедливость своего назначения. Имелись более опытные и заслуженные. Даже стеснялся перед подчиненными и никогда не повышал голоса. Кто первый раз с ним встречался, поражались его внешней скромности, трепетному отношению к семье, набожности. Высокий и статный, с черной аккуратной бородкой — таких жгучих брюнетов любят женщины. Но внешний облик часто бывает обманчив. Так и у Николая Григорьевича за мягкой бородкой скрывались безжалостные и злопамятные уголки обидчивых губ, за набожным взглядом — жадность и тщеславие. Сам он знал свое двуличие и считал его качеством, данным Богом. Никто не знает истинной правды и справедливости, потому и предупреждают: «не судите, да несудимы будете». Оправдание своим двуличным поступкам находил в жизни царя Давида, того самого, который предал своего благодетеля Саула и совершил еще много

непристойных деяний. В конце жизни, раскаявшись, писал он нравоучения, псалмы. Первый псалом Давида говорит в утешение и в угрозу: «посему не восстанут нечестивые на суде и грешники в собрании праведных. Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет». Николай Григорьевич проповедовал взгляды царя Давида о главенстве выгоды над порядочностью. «Господь со временем и без нас разберется, кто прав, а кто виноват», — рассуждал Аксенов, принимая то или иное решение, преследуя свою выгоду.

Сегодня его заботила судьба наказа Завойко о направлении отчета военному губернатору о списании довольно большой суммы, выделенной на дорогу до Якутска. Обговорили с адмиралом заранее: следовало списать строительный лес, якобы сгоревший от пожара в тайге, и закупленную пшеницу с рисом, подмоченную наводнением. Трехлетний стратегический запас, завозившийся в факторию в течение пяти лет вьючным транспортом от Якутска и морским путем из Калифорнии. На тяжелые природные условия списать можно все что угодно, но особую тревогу вызывали государственные дотации на развитие сельского хозяйства в долине реки Мая и поощрительные выплаты переселенцам из России на пути их расселения между Нельканом и Аяном. Деньги ежегодно поступали на счет фактории, только переселенцев уже не было в живых. Несмотря на крах предприятия по оживлению глухих дальневосточных мест, «мертвые души» исправно подавались в отчетах как успешно работающие и весело живущие. На их деньги не менее успешно кормился ряд местных чиновников и закрывающие глаза на реальность столичные вельможи. Круговая порука — надежная вещь до появления одного честного. Но и тогда лжецы чудесным образом становятся праведниками!

Аксенов нуждался в дельном совете и велел позвать Орлова. Завойко приставил пятидесятипятiletнего капитана, вытасченного с самого дна сахалинской каторги, присматривать за молодым назначенцем. Орлов верой и правдой служил благодетелю, однажды поверившему оступившемуся человеку.

Изба капитана стояла по соседству, но он не спешил исполнить приказание. С полчаса сидел за столом в ожидании ужина. Жена разрывалась между тремя детьми, успокаивая одного, прикрикнув на другого, бежала к печи. Потом опять отвлекалась на плач самого маленького пятилетнего мальчика. Наконец, закончив ритуальные танцы у обеденного стола, поставила возле мужа в чугушке дымящийся кусок оленины. Орлов с укором посмотрел на нее, скорбно вздохнул. Выпив залпом рюмку холодной водки, руками разломил горячий кусок мяса. Лишь понюхал его, разложив в четыре пустых тарелки, предназначавшиеся детям. Он давно перестал жалеть себя. «Любви и взаимопонимания с этой женщиной не было и не будет», — скорбно думал он о тяжелой, как ноша путника, своей жизни. Еще он знал, что испытывавший счастье любви всю последующую жизнь будет мерить по ней свои отношения с противоположным полом. Редко кто сумеет повторить счастье, которое, как и настоящая любовь, приходит к человеку только единожды. Сегодня с особой жалостью наблюдал Орлов за самым маленьким. Пятилетний Сережа стоял посередине комнаты, плакал от боли. Застуженные ноги распухли и покраснели. Орлов предчувствовал, что не доживет до взросления сына. Где-то совсем рядом пряталась его смерть. Ее признаки, бесконечная усталость и безразличие к окружающим и самому себе, уже захватили его. Домашние не замечали его состояния, и капитан все больше раздражался от их безразличия. Жизнь бурная и стремительная, как горный поток, заканчивалась, вливаясь

в огромное море. Однажды смерть уже приближалась к нему. Семнадцать лет назад, когда отпущенный с каторги на вольное поселение умирал от голода. Русские поселенцы думали, что это беглый, и не пускали в дома, не давали пищи. Приходилось ловить руками рыбу и есть сырой, собирать ягоды и корни. От голодной смерти и холода спасла кочевавшая на оленях семья тунгусов. Затем Завойко, прослышав о его страданиях, дал надежду: включил в свой штат и поставил на довольствие. Он с лихвой оправдал доверие, став самым преданным его подчиненным. Но злость на людей не прошла. Одиночество стало спасением его души.

Начальник порта не удивил Орлова новостью, о которой уже знал весь поселок.

— Да не беспокойтесь, Николай Григорьевич, бумаги в порядке, отчет, как обычно, без сучка без задоринки. Если надумает проверить несуществующие деревни, скатертью ему дорога. Отсюда верст триста, поспеет к ледоходу. Природа сама не даст ему в те места проехать. Запасной вариант продумаем. Избы-то остались, поселим в них бродяг. Да хоть и с китобойных судов. Их целых три штуки в порту, с командами. Все равно ихняя Российско-финляндская компания обанкротилась. Деваться некуда, возьмутся за любую работу. Немного и заплатим.

Аксенов с благодарностью слушал старого проходимца. С его словами росла и уверенность в себе. Страх перед инспектором прошел, а вера в Завойко укрепилась еще больше, он же теперь главный военно-морской судья. Они неподсудны! Главное не прогнуться, не изменить и не струсить. Круговая порука стальным кольцом связывала присутствующих. Деньги, большие деньги служили ее крепостью.

Рано утром следующего дня три собачьих упряжки, в пару и визге, остановились возле дома начальника аянского порта.

День выдался теплым и солнечным. В воздухе чувствовалась мягкость и особая свежесть. 22 января отмечался День святого Феодосия. Весняк, так ласково называют его верующие, предсказывал короткую зиму.

Инспектора и сопровождавших его четырех казаков помыли в бане, предоставили возможные услуги, показывая радушие и гостеприимство. Завтра в девять утра Острено объявил «большой сбор» для всех береговых и войсковых начальников, а также купцов, оказавшихся по торговым делам в Аяне.

Лейтенант Овсянкин, командир шхуны «Восток», взял с собою и Дымова. Надеялся передать Острено рапорт подчиненного с просьбой об увольнении со службы. К тому же Дымову хотелось увидеться с однополчанином по севастопольской обороне. Как-никак на войне Острено был его первым командиром. Боевое братство всегда в цене!

С раннего утра человек двенадцать приглашенных на совещание топтало снег у крыльца. Без приглашения не входили. Дымов встретил здесь и Онни Маттенена. Товарищи крепко пожали руки, в очередной раз уверившись в правильности принятого решения. Многие курили на свежем морозце, зная, что в доме не позволено.

Утепленная медвежьей шкурой дверь отворилась. Облако теплого воздуха, как пороховой заряд, обдало туманом людей. Народ, медленно стряхивая уже много раз очищенные от снега валенки и шапки, заходил внутрь избы.

Совещание началось так же внезапно, как прибытие проверяющего. В углу, под образами, сидел Острено без мундира, в обычном платье и огромных белых валенках. Широкая одежда не скрывала его подтянутости и бравой военной выправки, которой он всегда отличался. Подбородок выбрит до того тщательно, что выступали голубые прожилки. Под острым

прямым носом аккуратно закрученные на концах кавалерийские усы. Дымов, дабы не смущать начальника, сел подальше, в противоположный угол. С ним рядом пожилой капитан. Шестое чувство подсказывало Николаю, что это и есть тот самый Орлов. Знакомиться было неудобно, да и помнил предостережение Бошняка «держаться подальше от этого человека». Аксенов по всей форме, с капитан-лейтенантскими погонами и кортиком на поясе, торжественно стоял за спиной Острено. По шутливому приветствию Дымов понял — не изменился его командир. Грозно сообщил:

— Худшее, что вам сегодня грозит, господа офицеры и благородные купцы, закуривать от отрезанной ноги!

Собравшиеся сразу съежились, притихли. Многие восприняли шутку как угрозу в свой адрес. Другие, отставной китобой Маттенен и несколько корабельных офицеров, злорадно заулыбались. Они много знали, но не воровали. Дымов вспомнил шутку Острено в импровизированной офицерской столовой, на Севастопольской батарее. После такого предупреждения хотелось быть убитым в бою, а не попасть на операционный стол. На шутку отреагировала и раненая нога Дымова. Ее тянуло, выворачивало. В таких случаях местные жители научили обматывать больное место собачьей шкурой. Помогало, но сделать перевязку сейчас было нельзя. Острено продолжал вести собрание:

— Честным чиновникам разоблачений бояться не следует, а ворье должно быть опозорено, — вбивал, словно гвозди в головы, резкие слова. Сделав паузу, внимательно обвел обвинительным взглядом присутствующих.

В это время на пол, под всеобщий смех, грохнулся один из купцов. Маттенен в шутку толкнул его коленом под зад.

— Молодцы, — живо откликнулся Острено, — сдаются без следствия.

Последовал взрыв хохота. На этом разделительный барьер миновали обе стороны. Страшный начальник оказался не чужд юмору.

— Служба, что военная, что купеческая, в тяжелых краях непростая. Говорить нечего, — продолжал инспектор, — я ехал сюда с целью проверить переселенцев в долине реки Мая.

Он замолчал, и эта секундная передышка Аксенову с Орловым показалась вечностью.

— Не обнаружил я никаких деревень и вообще следа проживания людей. Как понимать? — обратился Острено к Аксенову.

Начальник порта вытянулся, как перед генералом, принимающим парад, покраснел и вдруг выпалил:

— Никак нет, ваше высокоблагородие!

— Что «никак нет»? — передразнил Острено. — Правду я увидел. Все эти годы вы получали государственные дотации на мертвые души?

— Никак нет, ваше высокоблагородие! — прокричал, словно заведенный, Аксенов.

— Разрешите доложить, господин капитан первого ранга, — уверенно проговорил рядом сидящий капитан.

Острено жестом пригласил его высказаться.

— Капитан Орлов, — представился пожилой и уставший офицер, — деревеньки с переселенцами находятся по правую сторону реки, в глубине долины, на берегу одного из ее притоков. Вы же, скорее всего, ехали по льду реки и посему не могли их наблюдать. Предлагаю, господин капитан первого ранга, сопроводить вас лично, показать деревни и людей, там проживающих.

Орлов говорил так убедительно, что даже и те, кто знал об обмане, готовы были поверить капитану на слово.

— Через неделю и выезжаем. Посмотрим, правду ли говорите, — согласился Острено, — перейдем к самой дороге. Я ее так же не увидел. Может быть, ехал не по тому берегу? Что скажете?

— Никак нет, ваше высокоблагородие! — прокричал красный, как вареный рак, Аксенов.

Острено безнадежно махнул в его сторону рукой.

За начальника порта вступился толстый мужик, с потным, лоснящимся от жира лицом:

— Выгодность порта Аян реально существует, — сжимая кисти рук в волнении, продолжал купец. Его внимательно слушали. — Смотрите, закупленные в Ханькоу 500 пудов чаю в навигацию доставляю в Аян, а затем зимним путем на оленях с Аяна в Нелькан. По вскрытии рек груз по Мае, Алдану и Лене сплавливаю на карбасах¹ до Якутска. Доставка пуда груза с Ханькоу обойдется в 4 рубля 40 копеек, а через Иркутск, то есть через Кяхту, в 7—8 рублей. При этом на транспортных расходах экономлю с пуда от 2 рублей 15 копеек до 3 рублей 15 копеек. Выгода очевидна. Одним словом, выгоднее мне путь через море и далее сушей от Аяна до Якутска, чем через Иркутск!

Опять подал голос капитан Орлов:

— Неслучайно в 1844 году Российско-американская компания проложила путь через перевал Казенный на Джугджурском хребте. Строительство дороги не завершили, но попытка упростить снабжение свидетельствует о думающих головах.

— Убеждаете в невозможности, — живо откликнулся Острено, — продолжайте настаивать на своем обмане. Я уже не поверю. Собственное мнение о «мертвых душах» и существующих только на бумагах пудах выращенной пшеницы доложу запи-

¹ Карбас — парусно-гребное промысловое судно, беспалубное. Вёсел от 3 до 10, два паруса. Предназначалось для хождения по рекам и в море, на промыслы.

ской императору, как особое мнение. Оно вам не понравится. Это еще полбеды, вы не знаете главного. Источнику вашего обогащения, похоже, приходит конец. — Хладнокровно бросив взгляд в сторону якутского купца, добавил: — Вы угрожаете нам повторением истории с «чайной революцией», как в Северной Америке?¹

Толстый купец, беспрестанно моргая, стирал льющийся ручьем пот рукавом шерстяного кафтана. Его узкие глазки, заплывшие жиром, бегали от Орлова к Аксенову и обратно. Он не верил в возможность краха десятками лет отлаженной аферы, а напоминание о «чайной революции» выбило его из равновесия. Он не хотел революций, означающих в его понимании отъем бизнеса.

— Живете в своей берлоге и не ведаете, что принято решение переориентировать направление развития края к Приморью. Там найдена незамерзающая бухта, названная Золотой Рог. Именно с поста Владивосток будет проложен новый путь к центру России, через Амур к Иркутску. Ваш Якутск с Аяном и Охотском остается на обочине.

Острено опять обратился к купцу, только что доказывающему выгодность пути из Аяна в Якутск.

— Милостивый государь, интересы личного обогащения не должны идти во вред пользы обществу. Правильно я говорю, господа?

¹ Американская революция началась с акции протеста американских колонистов 16 декабря 1773 г. против уничтожения королевским губернатором Томасом Хатчинсоном в Бостоне груза чая. «Бостонское чаепитие» против «Чайного закона», принятого английским парламентом, по которому торговля чаем монополизировалась в руках одной «Английской Ост-Индской компании». Повышенный налог, тариф, двойное налогообложение заставляло заниматься контрабандой чая. Введенный американским правительством в 1789 году налог на чай составлял 2 % всех федеральных доходов и приносил в казну около 10 миллионов долларов в год.

Новость, озвученная Острено, окончательно внесла ясность в планы правительства по развитию края. Стало понятно, что проект и второй дороги от Аян к Якутску признали провалившимся. Здравый смысл преодолел интересы чайного лобби. Расчет был прост: расстояние в километрах от Москвы через Якутск до Аяна более 11 тысяч, а по новому маршруту от Москвы через Иркутск до Владивостока не более 9 тысяч. Амур, как водная магистраль, ускорял движение.

Совещание закончилось. Лейтенант Овсянкин и прапорщик Дымов задержались в доме Аксенова. Командир «Востока» для передачи рапорта Дымова об увольнении с военной службы, Николай — для личного разговора. Острено не сразу узнал возмужавшего однополчанина. Когда-то безусый юноша отпустил теперь голландскую бородку, раздвинулся в плечах. Движения его были уверенны, а серые глаза тлели дремлющим вулканом, столько в них было энергии и желания действовать. После теплых приветствий Острено пригласил моряков на чай. Николай радовался, с какой легкостью тот наложил согласительную визу на его рапорт и дал слово оформить через губернатора его скорое увольнение. Разгадка такой покладистости объяснилась, когда инспектор зачитал письмо морского офицера В. Збышевского к вице-адмиралу Путятину: «С 1847 года китам Охотского моря не было ни одного года отдыха: янки брали с нашего моря дань ежегодно, они истребляли их эскадрами в двести судов. За 12 лет, с 1847 по 1859 год, вывезено жира и уса на 130 миллионов долларов. Отдельные капитаны добывали до 4 тысяч бочек жира и привозили его в Гонолулу. Цены на жир составляли 30—40 долларов за бочонок (баррель) и 70 центов за фунт уса. У Шантарских островов (о-в Феоктистова) флот из 60 кораблей убивал до 50 китов в день... С кита

добывали от 100 до 250 бочонков жира (бочонок-баррель = 10 пудов)».

— Вот почему благословляю тебя, прапорщик Дымов, на богоугодное и полезное для Родины дело, создать русский китобойный флот и доказать варягам наши способности в производстве, промысле и торговле. Пользуясь правом инспектора и начальника всех Восточных портов, передаю в созданную тобою китобойную компанию восьмидесятитонное судно, конфискованное у английских разбойников за нарушение правил лова рыбы у российских берегов. С обязательным условием: не только бить китов, но и бороться с иностранным браконьерством. Вот тебе на этот счет соответствующая инструкция.

«Наблюдать, чтобы никто из иностранных китоловов не входил в бухты и заливы и не подходил ближе 3 миль к нашему берегу», — написал на бумаге короткий приказ Острено.

От свалившейся на него удачи Дымов какое-то время не мог прийти в себя. Инспектор, видя растерянность молодого офицера, подбодрил его самым простым способом — крепко обнял за плечи. В завершение передал письмо от Лизы. Радости Николая не было предела.

Невеста сообщала о планируемом убытии из Петербурга на Дальний Восток морским путем. Странно звучала ее просьба найти капитана Орлова и передать ему второе письмо, адресованное ему женой Невельского, Екатериной Ивановной. Николай вспомнил рассказанную Бошняком историю преступной любви и предостережения насчет этого незаурядного человека, предчувствие опасности, исходившей от него, когда рядом сидели на недавнем совещании. Участие Невельского в этом мутном деле не предвещало ничего хорошего. «Хватит с него Бошняка! — рассуждал Николай. — Впутать меня в его темные козни не получится». Он не обратил внимания, что это

письмо от женщины, а не от адмирала. По этой причине Николай ограничился передачей письма строго по назначению, из рук в руки. Орлов принял его недружелюбно, не пригласив даже в прихожую. Лишь пробубнил что-то несвязное и закрыл дверь.

Инспектор на следующий день убыл в ставку губернатора Николаевск-на-Амуре. Проверять несуществующие деревни он и не собирался, слишком понятна была очевидность закрученной еще до него аферы. Напоследок, к прискорбию начальника порта Аксенова, случился громкий конфуз. Острено, подойдя к восьмиметровой стене заготовленных для строительства дороги бревен, ткнул в них палкой. Грандиозная бревенчатая поленница рассыпалась, как карточный домик, накрыв поселок толстым слоем опилок и древесной струхи. Сгнившие бревна превратились в пыль. Их восемь лет складировали для виду и имитации бурного, грандиозного строительства.

В том не было ничего удивительного. Образцом тогдашней бюрократии считалась длившаяся двадцать два года переписка между губернаторами Камчатки и петербургскими ведомствами по согласованию постройки госпиталя¹. Подобные действия уничтожали всякую энергию в самых усердных и благонамеренных начальниках.

Орлов же, прочитав письмо Невельской, сказался больным и не выходил из дома с неделю. Он уже не хотел бороться. Жизнь ушла, словно морская вода в вязкую прибрежную глину. Умер Орлов дома, объявив сам себе голодовку. Письма от Екатерины Невельской никто больше не видел.

Дымов был знаком с ходившей среди «аянского высшего общества» легендой о прапорщике Орлове, вместе с любов-

¹ Начал переписку губернатор Камчатки Петр Иванович Рикорд в 1810 г., а пришло разрешение в 1832-м.

ницей отравившем ее мужа, главного полицмейстера Охотска. Великое время рождает не менее великих злодеев!

По-своему рассказал эту историю всезнающий Семен Тарбеев зимним вечером в аянском трактире.

— Преступление раскрыть по горячим следам не получилось. Любовница с детьми уехала к родственникам в Иркутск и писала бывшему сожителю покаянные письма. Охотский почтальон их регулярно вскрывал и создал досье преступления в деталях, о котором сами любовники и рассказывали. Зачем раскрывали друг другу детали убийства в письмах? Непонятно! Почтальон, накопив неопровержимых доказательств, попытался шантажировать Орлова. Не на того напал. Прaporщик был не простого и даже не дворянского рода. Начальники наши принимали его с почтением. Говорили, прибыл из столицы с тайной миссией. Часто пропадал в столице Гавайского государства, в порту Гонолулу. Чем он там занимался, не знал никто. Самозванец-детектив не утерпел и за малое вознаграждение передал досье на преступников начальнику охотской фактории. Тот оценил информацию и попытался получить наибольшую выгоду. Приписал раскрытие преступления пятилетней давности себе в заслугу. Уж очень хотелось ему получить досрочно звание капитана второго ранга! Не хватало признания самих преступников. Одна в Иркутске, другой в Гонолулу. Выманил он как-то Орлова в Охотск и уговорил вину переложить за убийство на любовницу, у которой было от него двое детей. Но Орлов пошел на сотрудничество со следствием, только когда в Охотск приехал какой-то начальник из Петербурга.

— Сдал, значит, паршивец жену, детей и, главное, любовь предал! — возмущались нетрезвые китобои.

— Жена полицмейстера заслужила наказание, — рокотали за столом, — при хорошей жене и браниться грех, а при дурной

запить впору! Ну да без горя и печалей, что без греха, и жизнь не мила!

В слюдяное окно ударил снежный заряд, от чего потухла свеча на столе. В темноте, ожидая огня, молчали.

— Этот паршивец еще много чего наделал! — возмутился тот же мужчина. — Служил, говорят, негласным осведомителем камчатского губернатора Завойко.

— А что ему оставалось, — продолжил Семен Тарбеев, — его лишили дворянства, разжаловали в матросы и отправили на каторгу. Здесь же, в Охотске. Завойко его подобрал больного, голодного. Все от него отвернулись, как от собаки безродной. А Завойко ему поверил и добился отсрочки наказания. Дал работу у себя в конторе, восемьсот рублей в год положил оклада. Он, по поручению Завойко, и исследовал Аянскую бухту, местность, где сейчас стоит наша фактория. За съёмки дороги Аян — Якутск получил коллежского регистратора. Потом работал в экспедиции Невельского по исследованию Амура. Получил прапорщика. Говорят, именно он, а не Невельской, открыл в 1855 году Татарский пролив, доказав, что Сахалин — остров. Показал Невельскому вход в Амурский лиман. А ему за подвиги, которые передавал другим, возвращали отобранное звание, дворянство, Анну третьей степени, две пенсии. Слышал, перед смертью представление ушло на очередное звание, капитана второго ранга.

На Аксенова смерть Орлова повлияла самым неожиданным образом. Правильно говорят: «у страха глаза велики». Оставшись без помощника, проявил чудеса изворотливости. Написал на Остроено и Дымова донос с целью отвести от себя угрозу следствия. Первого обвинил в превышении должностных полномочий за передачу судна в частную компанию Дымова. Второго — за предпринимательство во время военной

службы. Официальной отставки Дымов на самом деле не дождался. По мнению Аксенова, подобные преступления перевешивали на чаше правосудия его «мелкое» мздоимство. Донос дойдет по назначению через полгода, а его результаты скажутся позднее. Аксенов защищался, первым нанося удар. Остроено тоже сдержал слово, написав «особое мнение» об увиденных беспорядках в Аяне, но его справка осела в архивах канцелярии губернатора края Казакевича. То было время, когда правильные законы использовали для сведения счетов или отъема имущества. Побеждал наиболее циничный и ловкий. Нормой были плутовство и коварство.

12

После этого члены вновь созданного китобойного товарищества «Тугур» собирались не раз в прокуренном аянском трактире. Все понимали: после разбирательства с Аксеновым спокойной жизни здесь уже не будет. Государственные субсидии на развитие края пойдут на строительство новой стратегической для империи точки развития по направлению Иркутск — Николаевск-на-Амуре — бухта Золотой Рог. Аянским мздоимцам придется искать новые источники дохода. Потому базу компании решили из Аяна перенести подальше от чиновников-казнокрадов. Онни Маттенен предложил место рядом с бухтой Золотой Рог. Там, где на берегу незамерзающей бухты расположился китайский поселок Тафуин. Покрутили, посудачили товарищи и отказались. Выбрали скрытное место, вдали от чужих глаз — Тугурский залив. В 310 километрах от Аяна, в южной части Охотского моря. Из множества бухт выбрали самую удобную, в устье двух горных речек Кутыни и Тугура. А в Тафуине совсем скоро их

последователи создадут мощную китобойную базу, и имя ей будет Гайдамак¹.

Создание китобойной фактории в Тугурской бухте считалось делом решенным. Переданное Острено конфискованное у англичан судно водоизмещением в 80 тонн назвали «Лейтенант Бошняк» — в честь исследователя Амура и завещателя создания китобойной фактории. Именно в Тугуре. Судно считалось для китобоя неплохо вооруженным: с носовым и кормовым орудием.

Перед выходом в море Онни Маттенен устроил на флагманском судне «Лейтенант Бошняк» смотр гарпунеров. Все четверо, включая рыжего парня Отто Линдгольма и второго выходца из Финляндии Фридольфа Гека, прибыли с остро отточенными лезвиями — ножами. Онни осматривал их наточку опытным взглядом. Проведя инструктаж, предложил снять с гарпунов деревянные ручки. В полые наконечники налил каждому водки. Проводил напутствием: «Запомните, сынки, гарпунщик, как штурман в военном флоте, является средним между матросом и офицером».

Флотилия под командованием Дымова из четырех небольших судов ранним мартовским утром вышла из порта Аян в Охотское море. Ветер весело играл новенькими пеньковыми линьками, наполняя коричневые паруса свежим бризом. Дозорный на топ-мачте покачивался в такт волнам, ловя ледяные брызги холодного Охотского моря. От его внимательности, как от меткого броска гарпуна, зависит удача.

Первого кита увидел дозорный с судна «Лейтенант Бошняк», которым командовал Дымов. Он шел наперерез кораблю с явной целью таранить его. За кого он принял деревянное суд-

¹ Гайдамак — небольшая бухта на западном берегу залива Восток в Уссурийском заливе. Названа в 1861 г. экипажем клипера «Гайдамак» в честь своего корабля.

но? С упорством обреченного на смерть надвигался многотонным корпусом на корабль. Дымов знал: кит имеет громадную силу. Двадцать шесть метров в длину, при весе в сто пятьдесят тонн запросто отправит на дно восьмидесятитонное судно. Да еще при своей крейсерской скорости двадцать миль в час подденет, как бык матадора.

Вспомнил и случай, как раненный гарпуном кит несколько миль тащил за собой корабль. Предпочитая не рисковать судном, отдал команду: «Спустить на воду вельбот».

Вельбот приближался к киту, а гарпунщик Отто Линдгольм, широко расставив ноги, искал точку опоры. Он попытался балансировать тяжелым металлическим копьём, левой рукой лова воздух. Потом медленно опустился на колени.

Серые волны с белыми барашками, прямо по курсу лодки, превратились в большое белое пятно. На его месте показалась спина огромного млекопитающего. Из воды вынырнул похожий на огромный кузнечный молот черный его хвост, лениво шевельнулся и скрылся в белой пене. В каюте Дымова висела картина, изображающая голубенького китенка. Он вспомнил, как ласковым зверьком изображали кита и жители старой Праги, помещая его игрушечное изображение вместо номера дома, над входной дверью. Мило смотрелись бронзовые китята, подвешенные за хвостик, вместо дверного молоточка.

Представление жителей земли не соответствовало действительности.

— Не припомню, что бы хоть одно государство в качестве герба использовало символ кита, — шёпотом проговорил гарпунщик Отто Линдгольм, словно боясь спугнуть огромное животное.

— Герб предупреждает врагов о силе государства, а кит беспомощен перед человеком, — не задумываясь ответил Дымов,

вспомнив сургучную печать с императорским гербом на письме, которое вез в Севастополь.

— Кит в море — как лев на земле, — с восхищением наблюдая за исполином, проговорил Отто.

— Лев хищник, как и сам человек, — ответил Дымов, продолжая наблюдать за неохотно убегающим от вельбота китом.

— Кровь у кита теплая, как у человека, — подсказал молчавший все это время Якуб Чайковский, который помогал гарпунеру, был его временным «оруженосцем».

— Вот-вот, — живо откликнулся Отто, — люди его презирают как раз за миролюбие! Обидно нам, теплокровным человечкам, иметь конкурента по праведной жизни, да еще в виде безобидной жирной туши. Вот страшное и жестокое чудовище нам больше по нраву. Потому как человек преклоняется перед силой, только Иисуса Христа почитаем, потому как признаем собственный сволочный характер.

— Сердце у тебя ожесточилось от стремления к богатству! — убедительно отвечал на такую исповедь Дымов.

— Ожесточилось, да не от богатства, а как раз от бедности, — смиренно поправил товарища Чайковский.

Бывший севастопольский прапорщик оказался в компании китобоев по той же причине, что и молодой недоучившийся студент рыжий Отто. По бедности и естественному желанию заработать. Принадлежащий к когда-то знатному роду мелкопоместной шляхты Якуб Чайковский не оставлял планов возвращения на родину. Как раз с 1859 года в польских землях, входивших в состав Австрии, Пруссии и России, снова ожидалось национально-освободительное движение. Якуб переписывался с земляками и был хорошо осведомлен о текущих событиях. Его приглашали принять участие в подготовке восстания, идеи которого он полностью разделял: восстановления

Польского государства в границах 1772 года, с включением литовских, белорусских и украинских земель. Чайковский считал разумным не выходить из состава Российской империи, но строить отношения в форме унии, то есть федерации.

— Киту ум не нужен, — невпопад, думая о своем, силясь перекричать ветер, выкрикнул гарпунер.

Он готовился к ответственному моменту. Вдохнув полной грудью воздух, задержал его на минуту, после чего с силой метнул железное копьё. Его выдох совпал со свистящим звуком разматывающегося пенькового линя, следующего за гарпуном. Дымову звук показался слишком знакомым. Как завывание баб, оплакивающих покойника. Кита никто не собирался оплакивать, наоборот, его гибель воспримут с радостью. Дымов считал и стелание женщины по покойному неправдивым, ложным. Не понимал, зачем убиваться по несуществующему человеку, да еще при чужих людях. Видел в этом ханжество: «Вот выплачусь, выговорюсь и сброшу память о мужчине, чтобы лечь под следующего».

Рыжий Отто с удовлетворением посмотрел на кадку, где только что был аккуратно уложенный линь. Именно он представлял наибольшую опасность для гребцов в шлюпке. В петли разматывающегося линя могут попасть руки гребцов. Человека вырывает с лавки и бросает в море.

Вельбот между тем покорно следовал за смертельно раненым китом — вытащить гарпун могли только после его смерти. Струйки по огромным бокам набухали и превращались в ручьи крови. Кит остановился, лениво двигая по воде хвостом.

— Предсмертные судороги, сейчас и дух испустит, — пожалел загребной. Заметили и на судне развязку. Вот уже обмякшую тушу, намного превышавшую вес судна, крепили железными цепями к деревянному борту. Сразу же, без предупреждения,

команда из пятнадцати человек бросилась на разделку добычи. Стоя по пояс в крови и студенистом желтом жире, моряки длинными полосами резали толстую шкуру и поднимали с помощью лебедки большие куски на палубу. Другие рабочие опускали их в «ворванную камеру».

Работали без перерыва на обед. К вечеру с волчьим аппетитом, обжигаясь, похватали зажаренный на сковородке и обваленный в муке деликатес — китовые мозги, по вкусу напоминающие молодую телятину.

С наступлением темноты работа продолжалась при свете факелов. Торопились разделать тушу, чтобы освободить место для следующей добычи. Семен Тарбеев и Якуб Чайковский, будучи хозяевами своих судов, работали наравне со всеми. В первом рейсе флотилии они помогали Дымову и находились с ним на «Лейтенанте Бошняке».

Рядом с Семеном трудился Чайковский. Сосланный на срок военной службы в Охотск уклонист-духобор Тарбеев не любил поляка. Основной причиной тому была заносчивость последнего, хвастовство своим офицерским и шляхетским прошлым. Чайковский же и не думал обращать внимания на недовольство человека из низшего сословия. В то же время объединяло их желание бороться с царским режимом, отстаивая свои ценности.

Тарбеев стоял на скользком позвоночнике кита, осторожно отделяя фленшерной лопатой куски мяса от кости. Работающий рядом Чайковский, нетерпеливый и быстрый, решил поторопить товарища. Легонько толкнул локтем. Тарбеев плавно завалился на бок, погружаясь лицом в кроваво-желтую трясины жира. Якуб тут же занял его место, ощутив под ногами твердую опору в виде плотного куска мяса. Тарбеев не спеша поднялся, выставив острие своей лопаты вперед. Грозное оружие не понадобилось. Поляк ударил словом:

— Ум у тебя, Тарбеев, как глазок китовый, маленький и дурной!

Семен воткнул лопату в китовое мясо, подыскивая ответ. Рядом на цепях лебедкой поднимали огромную китовую голову с кровоточащей вмятиной вместо носа.

— Отойди, бунтующее племя, — указав поляку на окровавленную голову кита, прокричал в ответ Тарбеев, — разобью в кровь дыхало.

После очередной порции ругани инцидент завершился молчаливым примирением. Каждый остался при своем.

Огромные куски жира на лебедках поднимали на палубу судна, где горела маслотопка, представляющая собой кирпичный куб с двумя котлами. Между палубой и печкой, чтобы ничего не загорелось, циркулировала морская вода.

— Для чего создан человек? — мечтательно глядя в морскую даль, вслух проговорил рыжий гарпунщик Отто.

Чайковский философски ответил:

— Говорят, чтобы мучился и страдал при жизни, боролся со страстями. Удовольствия обещаны в раю. Кто-то сказал, что мы есть решето, через которое просачиваются души.

— Скорее китовое масло в топке. Сами себя сжигаем, — сильно окая, внес лепту в рассуждения о вечном Семен Тарбеев.

Море на время успокоилось, словно прислушивалось к беседе людей на маленьком суденышке. Притворялось ласковым и безобидным. Как только люди закончили разговор, поднялись волны.

Промысловая весна принесла хороший улов. Четыре судна добыли в общей сложности десять гладких китов. Часть успели обработать и перетопить жир в бочки прямо в море, на палубе в маслотопках. Остальных буксировали к острову Хоккай-

до, где планировали сдать японцам за рис. Вытопленный жир и японский рис продать за доллары в Корею, правительство которой стремилось избавляться от иностранной валюты.

Дымов имел при себе от Острено письмо губернатору японского остова Хоккайдо с просьбой о содействии в торговле. Японское правительство старалось не допускать иностранцев на острова, которые стремились расширить рынки сбыта своей продукции. Первыми заключить торговый договор с Японией удалось США, в 1858 году¹ — только после того, как в 1853 году адмирал Перси пригрозил захватом порта Симода. Игра стоила свеч: пошлины на импортные и экспортные товары не могли изменяться без согласия США.

Послание помогло. За весь «китовый товар» в необработанном виде и вытопленный в бочках жир японцы заплатили в долларах. Японские купцы попросту сбрасывали доллары, так как на внутреннем рынке хождение иностранной валюты еще запрещалось. О Корее пришлось на время забыть.

В связи с неожиданно изменившимися обстоятельствами капитаны прибыли на совещание, на флагманское судно «Лейтенант Бошняк». Решали, что делать дальше. Вырученные деньги собрались потратить на оснастку старых и покупку новых двух судов. Против выступил Дымов. Приняли его доводы о незамедлительном создании базы для переработки китовых туш. Общие расчеты показали, что ввиду высокой конкуренции со стороны американцев и англичан перерабатывать улов на своей территории безопаснее и выгоднее. Торговая война за

¹ Такие попытки делались Россией с 1739 г. второй экспедицией Беринга, в 1792–1793 гг. на Хоккайдо прибыл посланник Лаксман, в 1804 г. посольство Резанова. Первый русско-японский договор заключен в Симода 7 февраля 1855 г. русским посланником вице-адмиралом Е.В. Путятиным. По его условиям почти все Курильские острова признаны русским владением, но Япония отказалась признать права России на Сахалин.

сырье и рынки сбыта на Дальнем Востоке разгоралась с новой силой. Фазу самых активных действий они ощутили вскоре и на собственной шкуре. Но пока капитаны-предприниматели, открыв рты, с интересом слушали выкладки, расчеты и планы своего командующего.

Дымов предложил продолжить промысел без него. Дабы не терять время, с выручкой от первой продажи в сумме 100 тысяч американских долларов (примерно по пятнадцать тысяч за одного кита заплатили японцы), он планировал убыть в США для закупки многолитровых котлов и другой производственной техники для оборудования базы. Оставшиеся 70 тысяч долларов — на покупку потрепанной в штормах оснастки судов, для расчета с командой. Особый проект — покупка электростанции, работающей за счет силы приливов и отливов. С ее помощью Дымов планировал запустить механический конвейер по приготовлению китового мяса и упаковки его в консервы. То было новым шагом в сбыте продукции. Именно на консервах Николай планировал заработать основную прибыль, учитывая их большой срок хранения.

Дымов мечтал заняться еще и устройством справедливых отношений между работниками: создать федерацию равного труда. Эту идею он позаимствовал у социал-анархистов Германии: передать в собственность всем работникам предприятия-коммуны специальные акции. Предприимчивый китобой сообщил компаньонам и морякам о своем намерении выпустить такие акции — бумажки, заверенные нотариусом, под которые ссужались деньги, а взамен владелец такой бумаги мог бы получать свою долю, процент от суммы вложенных им средств. Удачно проведенная китовая путина делала держателей акций состоятельными людьми. Продать и передать акции без разрешения основных акцио-

неров — Дымова, Маттенена, Тарбеева и Чайковского — никто не имел права. Для придания международного статуса и надежности акциям предприятия требовалась гарантия известной компании. В условиях эмбарго получить такую поддержку русскому предпринимателю практически невозможно. Дымов уже обратился за помощью к Питеру Харрису, своему доктору-спасителю, в поиске американской компании, которая стала бы гарантом бумажных обязательств. Там же, где будет находиться страховая компания, он планировал держать капитал «Тугура». Таким оригинальным способом он уходил от международных санкций против российских предпринимателей.

Флотилия под командованием Онни Маттенена двинулась на летний промысел к берегам Камчатки, а Дымов на шхуне «Лейтенант Бошняк» — к побережью Калифорнии. Небо в этот день затянулось светло-серой пеленой дыма от громадного лесного пожара, колыхающегося на материке. Так пакостили их тугурской фактории конкуренты-американцы.

13

Без приключений прибыли в американский порт Сан-Франциско. В небольшом городке, расположенном в удобном заливе, среди покрытых густой растительностью гор, Дымов рассчитывал встретиться с Питером Харрисом.

Швартуясь к железному причалу, русские китобои не представляли истинной обстановки в городке. Она была накалена до предела борьбой за власть между ирландскими и немецкими переселенцами. Дело все чаще доходило до уличной поножовщины.

Дымов сошел на берег вместе с Семеном Тарбеевым — рассчитывал на недюжинную физическую силу и деловую хватку старообрядца.

Город напоминал большой цех с нагромождением одноэтажных деревянных сараев. В них размещались мастерские, так или иначе связанные с переработкой китовых туш. Воздух, пропахший горелой кожей, казался наэлектризованным. Атмосфера легкой наживы, подобно магнитному полю, притягивала людей к «свободной стране». Им казалось, что деньги возможно заработать одним способом — убить кита!

Дома людей, работающих в сараях-складах, такие же длинные, барачные. Даже любовь превращалась здесь в производство новых работников. Николай, наблюдая с возвышенности, заметил в середине почерневших от непогоды и старости крыш единственные каменные строения: одноэтажный банк с костелом, похожим острой крышей на клык акулы. То было жалкое подобие величественного пражского костела.

Моряки следовали к центру города, намереваясь найти Питера. Казалось, именно там, возле важных каменных домов, есть место, способное вместить всех жителей. Для поддержания благостного настроения на пустынной площади росло несколько пышных кленов, которые могли бы укрыть часть обитателей своими кронами от непогоды. Шли молча. Ничего особенного здесь не наблюдали. Разве что белую пыль известняка, поднимаемую тяжелыми телегами, которые медленно тащили косматые крупные лошади. Такую же белесую пыль Дымов видел в блиндаже севастопольской батареи. Нагнулся, поднимая мелкий камешек. Помял его пальцами. Вспомнил братскую могилу, когда раненым из телеги смотрел на укладываемых, как дрова в поленницу, убитых солдат. Их забрасывали именно такой каменной крошкой. Он отметил еще одно поразительное сходство: красное, как кровь, солнце заходило за темный горизонт океана точно так же, как в Севастополе. Величественно, медленно и вечно. Оно было одно

на всех! Потому и видели его люди в разных уголках земли одинаково.

Путники оказались в центре города к вечеру, когда население, подобно убегающим защитникам крепости, устремилось в свои бараки-дома. Одноэтажное здание городской администрации, где по их представлениям работал Питер, оказалось закрытым на огромный замок. Деваться было некуда, только ждать в незнакомом городе утра и возобновить поиски американского товарища. На корабль возвращаться по чужому городу в ночное время не решились. У первого встречного спросили о месте, где возможно перекусить и получить ночлег. Видимо, еще не отошедший от работы, угрюмый неопределенного возраста мужчина махнул рукой куда-то в сторону площади. Николай обернулся к костелу. Вспомнил родину, где рыбаки с Галичского озера на свои средства построили рыбацкую церковь. Свою, как говорится, домовую. Здесь, видимо, поступили так же, сообща. Значит, и здесь люди умеют договариваться, соблюдая главное условие мирного сосуществования.

У Николая закружилась голова от запаха жареного мяса. Скоро перед путешественниками показалась вывеска «Ирландская пивная». Сюда они и зашли. Пивная представляла собой одну большую квадратную комнату, тесно заполненную длинными деревянными столами с такими же длинными скамейками. Комната быстро наполнялась посетителями. Чем больше приходило рабочих, тем кислее становился воздух от их не мытых и перепотевших за трудовой день тел.

Моряки с удовольствием выпили по две кружки пенного ирландского пива, утолив голод сытными свинными рульками. Казалось, на них не обращают внимания, потому они с любопытством наблюдали за трактирной публикой. Рядом с Николаем пил пиво похожий на рыжего гарпунера Отто молодой

ирландец. После каждого глотка он пытался локтем толкнуть Дымова. Николай понимал, что парень задирается. Заметил поведение беспокойного соседа и Тарбеев. Человек пять ирландцев с интересом наблюдали за происходящим.

— Если сейчас встанем и попытаемся уйти, — наклонившись к уху Николая, подсказал Тарбеев, — сочтут за трусость и выйдут следом на улицу. В темноте драться сложнее.

— Что же делать? — спросил Дымов, предчувствуя скорую развязку.

— погоди, не взвзвудывай! Сам жеребец проявится, — намекая на молодость парня, хитро подмигнул Семен.

Рыжий молодец продолжал медленно отхлебывать из кружки пиво. Дымов пододвинул свою. Парень, не моргнув глазом, выпил ее одним залпом. Николай, пытаясь погасить нарастающую агрессию соседа, подвинул другую, с остатком хмельного напитка. Под одобрительные взгляды соплеменников тот выпил и ее. Жестко поставил на деревянный стол, от чего расплескалось пиво в соседних кружках. Неожиданно и подло толкнул локтем в лицо Николая. Он не успел увернуться. Удар оказался такой силы, что Дымов свалился со скамьи, а из разбитого носа пошла кровь. Видел, как Тарбеев легко удерживал качающегося от хмеля парня, не подпуская его к поверженному. Соседи угрожающе загудели. Правила пьяных компаний, несмотря на национальность, всегда схожи. Для Дымова существовал единственный способ выйти из ситуации — победить в кулачном бою. Только таким образом возможно завоевать уважение. Один на один. Николай видел слабые места свои и противника: у него текла из носа кровь, которая подбадривает врага, но парень был нетрезв, что замедляло его реакцию. Благодаря короткому вмешательству Тарбеева Николай успел встать на ноги. Рыжий попытался нанести очередной удар, от

которого Дымов легко увернулся. Не медля, нанес ответный. Дымовский кулак поддел противника за костистый подбородок так ловко, что тот подрубленной сосной завалился на бок и в одно мгновение оказался на полу. Все произошло по правилам, и дальнейшей драки не последовало. Рыжего парня подняли и посадили снова за стол, уже рядом с Тарбеевым. Парень пьяно тыкался в широкое плечо Семена, который по-отечески иногда поглаживал его взлохмаченные волосы.

Ирландцы оказались такими же, как и они, китобоями. А в порту их суда стояли по соседству. Данное обстоятельство способствовало доверию. Расставались моряки друзьями.

В трактирной каморке, где путешественники расположились на ночлег, ничто не предвещало подвоха. Затушили свечу и с быстротой ныряльщика провалились в бессознательный сон, но тревожная жизнь обитателей американского портового городка не могла обойти стороной наших путников. Среди ночи первым проснулся Николай от нестерпимого и монотонного зуда по всему телу. Особенно неприятно чесалось за ушами. Первая мысль — комары. Несколько раз шлепнул себя, почувствовал резкий коньячный запах. Догадка не заставила долго ждать. Клопы! Тело нестерпимо чесалось, а запах коньяка перерос в запах досок от свежеструганного гроба.

Заснуть он больше не мог в отличие от товарища, оглашающего каморку устойчивым храпом.

Встали по привычке рано, в пять утра. За нехитрым завтраком, состоявшим из поставленной на стол сковородки с яичницей, с сожалением вспомнили вчерашнюю драку.

— Ничего вашвыскоблагородие, — утешал Семен Тарбеев, — шрамы и синяки украшают мужчину, а до свадьбы, знамо дело, заживет, как на собаке.

— Ты, Семен, порядки трактирные, видно, хорошо знаешь, что так легко уладил дело.

— Не совсем, капитан, — доверительно отвечал старообрядец, — повидал на своем веку всякого. Да все одно и то же, люди имеют похожие правила, что в тюрьме, что в хоромах.

— А что, бывал и в остроге?

— Куда же от него денешься. Бывал, знамо дело! Я же свободный сибиряк. Старообрядцы мы, духоборы. По нашей вере с оружием в руках идти на человека никак нельзя! Зверя убить можно, скотину какую, но не человека. Он представитель Бога на земле! Бог нам жизнь дает, он ее и забирает. В острог попал именно за веру. За отказ от военной службы. Осудили на срок службы в восемнадцать лет, на вольное поселение сначала в Якутск, а затем в Охотск. Община предлагала за меня денежный откуп¹. Деньги-то взяли, но и меня забрали. Хорошо хоть не на каторгу! Так оказался в Аяне, среди китобоев. Сила есть, умом не обижен. Хочу стать богатым! Не обвесок я в поле какой, самый закудышный.

Путники отправились к городской мэрии, где надеялись встретить Питера Харриса. В этот раз им повезло. Питер кормил голубей прямо с деревянного крыльца аккуратненького домика администрации. Будто предчувствуя приход товарища, в это утро он пришел на работу намного раньше обычного.

Друзья крепко обнялись, затем проследовали за Питером в здание. В большой и светлой комнате стояли деревянные

¹ «Рекрутский устав 1831 г. ввёл порядок набора рекрутов с учётом рабочей силы каждой семьи, а в 1838—1854 гг. для государственных крестьян и мещан была введена жеребьёвка. На службу стали призываться мужчины с 21 года: сначала из семей, имевших много работников. Единственный работник в семье освобождался от рекрутской повинности. С 1840-х гг. допускалась замена рекрутов другими лицами, наём охотников и денежные откупы» (Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ).

скамейки, а на стене, под полосато-звездным флагом, висел портрет основателя государства — Джорджа Вашингтона.

Питер широким жестом пригласил гостей присесть. Демонстрируя превосходство, остался стоять. Удовлетворившись произведенным на гостей впечатлением, заговорил:

— Именно в этом месте делается история Соединенных Штатов Америки!

Было видно, как ему нравилось выступать перед публикой. Харрис театрально развел руками, намекая на объем и значимость своей работы:

— Здесь, в городском собрании представителей народа, от лица республиканской партии, добиваемся справедливости и порядка. Заботимся о соблюдении прав каждого, проживающего в нашей стране. Боремся за равноправие и отмену рабства в Южных Штатах. Меня выбрали представлять интересы республиканцев в Сан-Франциско, и надеюсь... — Питер замолчал, почтительно посмотрев на портрет отца-основателя. — Уверен, в мае следующего 1860 года президентом страны станет наш кандидат. Республиканец. Я назову вам его имя.

Он победоносно, сверху вниз, бросил взгляд на ничего не соображающих в американской политике русских моряков. Значение слова «выборы» для Семена Тарбеева было просто неизвестно.

— Президентом станет представитель Иллинойса Авраам Линкольн¹. Самый честный политик, разоблачающий коррупцию демократической администрации Бьюкенена. Именно борьба с этим позорным явлением станет вскоре нашей национальной идеей. Мы за свободу слова, так как патриотизм

¹ На выборах Президента США в 1860 г. Линкольн получит большинство в 17 свободных штатах, Брекинридж — в 11 рабовладельческих, Белл — в 3 рабовладельческих штатах, Дуглас — в 1 рабовладельческом штате.

означает возможность говорить правду! Линкольн человек из народа, «кандидат дровосеков»! Мы сегодня решаем тяжелейший вопрос: какая из экономических систем должна погибнуть: с наёмным трудом на Севере или рабским — на Юге? Решим, даже ценой Гражданской войны!

Николай видел, что Питер не только не отошел от идей справедливого устройства общества, но и далеко продвинулся в этом направлении — создал городской комитет по борьбе с коррупцией чиновников. Оказалось, мэром городка был южанин, потому борьба Питера носила явный политический характер. Доктор был рьяным противником рабства, тогда как южане, жившие в основном за счет выращивания и продажи хлопка, считали северян, с их миром фабрик и заводов, примитивными городскими бандитами. От истины они были недалеко. Пока Питер пафосно вещал перед изумленными русскими китобоями, прохаживаясь по широкой комнате, подошло еще двое молодых американцев.

— Прошло 86 лет после Первого Континентального конгресса с участием 55 представителей всех колоний Великобритании в Северной Америке, — между тем продолжал Питер.

— За исключением Джорджии, — поправил оратора пузатый мужчина средних лет в золотых очках на мясистом лице.

— Гельмут, наш будущий мэр, — панибратски, но вежливо представил Питер толстяка, продолжив монолог, меняя на ходу тему: — Переселенцы тогда впервые почувствовали возможность уйти от власти метрополии, объединившись. Англия к тому времени превратилась в «мастерскую мира», получая отовсюду сырье, а вывозила готовые товары. Доходило до того, что нам запрещалось покупать сделанное не в Англии. Даже пуговицы и иголки, произведенные на фабрике отца моего друга Гельмута, были под запретом. Конференция призвала граждан

Америки бойкотировать английские товары, а производить и покупать отечественные. Англия в ответ поступила обычным способом, применив силу. Потеряв примерно по восемь тысяч человек убитыми, 3 сентября 1783 года Великобритания признала независимость Соединенных Штатов Америки! С этого дня прошло 77 лет. Государство взрослело и набиралось опыта. Многонациональная и многоконфессиональная страна признана, и Россия это сделала в числе первых. К сожалению, Север движется стремительно вперед, а Южные Штаты не успевают. Сегодня всякому здравомыслящему человеку ясно, что так дальше продолжаться не может! Мы боролись за независимость, а на нашем Юге процветает рабство! Выбранное правительство плохо справляется с обязанностями. На примере Сан-Франциско наблюдаем все язвы общества: бесконтрольную миграцию, дорогую медицину, слабую армию, полицию и коррумпированные суды.

Дымов осознал, что оказался в сердце грандиозных событий. На себе ощутил, как бал правила сила и наглость, сплоченность мигрантов. В Сан-Франциско немецкие переселенцы, к сторонникам которых относился и Питер Харрис, не на жизнь, а на смерть воевали с городским большинством, ирландцами. За немцами стояли деньги и знания, а за ирландцами — количественный перевес. Вот через немецкую колонию Дымов и рассчитывал получить необходимую технику для оборудования китобойной базы в Тутуре.

Между тем Америка уже стояла на пороге Гражданской войны.

— Питер, возможно, я ошибаюсь, — недоуменно спросил Дымов, — ты в Праге отстаивал идеи анархизма и выступал против государства как формы подавления личности, а сегодня?

— Дорогой русский друг! В твердой центральной власти наша безопасность перед внешним и внутренним врагом. Я за сильное демократическое государство!

Николай, положив ладони на колени, неуверенно спросил товарища:

— А как же опыт коммуны «Новая Гармония», которую ты показывал мне? Я еще критиковал существующие там порядки. Помнишь? Мне не нравилась тотальная зависимость человека от коллектива! Российская империя с бесправием сословий, крепостным правом, коррупцией снизу доверху — цветочки перед такой коллективной демократией. Следует искать гармонию отношений в обществе, жить с верой в Бога, в разумной достаточности.

— Милый друг, — покровительственно прервал его Питер, — понахватались по вершкам идей, и получился поповский социализм. Живете, русские, в царстве веры, а нужно жить в истине! Проповедовать принципы разумной достаточности вредно! Иначе остановится научно-технический прогресс, рухнет создаваемая нами потребительская экономика. Помните Адама Смита: «человеком движет желание жить лучше»!

Дискуссия закончилась распитием кофе и обсуждением дымовских проблем. С Гельмутом быстро договорились о поставках в Тугур необходимых станков, технических средств обеспечения китобойной базы. Сумма сделки и сроки устраивали обе стороны. Немец подписался под договором, где значилось время поставки техники, май 1860 года. Когда речь зашла о банковских гарантиях под акции русской китобойной компании, дело пришлось иметь с молодым человеком.

Питер успокоил Дымова:

— Несмотря на молодость, двадцать два года, Джон Рокфеллер является надежным исполнителем и моим доверенным лицом. Его имя вы еще услышите!

Николай осматривал Рокфеллера со вниманием покупателя. Ничего примечательного, кроме сильной худобы и исключительной гибкости, как в теле, так и в мыслях.

Дымов платил наличными, поэтому часть техники, в том числе большой железный винт для приливной электростанции, работающей по принципу турбины, в тот же день загрузили на судно. Когда все приготовления и дела закончили, Дымов внес и свой личный взнос в Комитет города по борьбе с коррупцией. Не догадывался, какую роль добровольный взнос в две тысячи долларов сыграет в его дальнейшей судьбе.

Неожиданно нагрянула беда. На «Лейтенант Бошняк» пришли судебские исполнители с решением городского суда вернуть ранее конфискованное русскими властями имущество прежнему владельцу. Им оказался глава американско-английской китобойной компании Найджел Кингскот, бывший лейтенант флота Ее Величества, участник осады Севастополя. Он так и не смог накопить денег, чтобы купить себе патент командира военного корабля, зато удачно вложил их в китобойное судно. За короткое время Кингскот становится главой китобойной компании, состоящей из восьми судов. Местом базирования он изначально, по причине минимальных налогов, выбрал маленький порт Сан-Франциско, имеющий статус порто-франко¹.

Казалось, ничто уже не могло помочь оказавшимся в беде русским китобоям. Ко всем неприятностям прибавилось решение «Международной лиги гарпунеров» по изъятию орудий промысла с русского судна. «Судебные исполнители скоро

¹ На положении порто-франко объявлялись экономически слабо-развитые порты, города и крупные районы. Ввозимые иностранные товары освобождались от уплаты таможенных пошлин. Правительство рассчитывало таким образом оживить торговлю и промышленность. В России статус порто-франко в разное время имели Одесса, Владивосток и Приморская область.

придут снимать промысловые снасти», — горестно предупредил Питер Харрис, посоветовав лишь одно — бегство. С вечера команда «Лейтенанта Бошняка» не сомкнула глаз, готовясь к отплытию. Отвлечь выставленную на судне полицейскую охрану взялся Семен Тарбеев. Договорился с рыжим ирландцем. Тем самым, участником драки с Дымовым в трактире. Они подружились и по вечерам часто ужинали с его друзьями.

Русские китобои связали троих охранников, находящихся на судне, и переправили их на берег. Человек шесть ирландцев, вместе с Тарбеевым, снимали с пирса заведенные с корабля пеньковые тросы. Корма медленно начала отдаляться от берега. У Тарбеева оставалась последняя возможность запрыгнуть на родное судно.

В это время Найджел Кингскот вышел покурить на палубу своего китобоя, стоящего рядом с русским. Ночь была душной, и Кингскоту не спалось. Прodelанной работой по возвращению собственности он справедливо гордился, что пришлось кстати: его авторитет в последнее время оказался подмоченным. Флотилия потеряла за промысловый сезон одно судно и три вельбота. Десяток моряков получили увечья. За все приходилось расплачиваться владельцу. Раньше он с легкостью вышвыривал получивших ранения моряков на берег, семьям погибших не выдавал пособия. Но с образованием Комитета по борьбе с коррупцией приходилось соблюдать «права рабочих», если они являлись гражданами США. Новоявленный борец за справедливость Питер Харрис был неподкупен, как Иисус Христос. Кингскот думал, пуская кольцами дым, сразу после возвращения судна взяться за Харриса. Нашел и способ, как заткнуть ему рот: нанять убийцу среди ненавидящих немцев ирландцев. Он и раньше пользовался этим безотказным приемом — использовать конфликт и противоречия. Считал,

что сам прогресс основан на недовольстве. В это время его внимание привлек шум на русском судне. Вглядевшись в темноту, Кингскот отчетливо увидел, как на пирсе копошатся люди, а корма судна отдалается от причала.

Шестизарядный капсульный револьвер «Ремингтон» всегда был под рукой. Хладнокровный англичанин, не раздумывая, прицелился в ближнего к нему человека и выстрелил. Так же, как когда-то под Севастополем, — подло, в спину пленному русскому солдату.

Именно в это время Семен Тарбеев приготовился запрыгнуть на отдаляющийся борт своего корабля. Пуля, выпущенная Кингскотом, сделала его усилия напрасными. Семен почувствовал под правой лопаткой сильный удар. Сразу же пропало желание двигаться. В бессилии он опустился на железный пирс сан-францисского порта. Мысли его взлетели, подобно пичужке, устремляющейся вверх от шороха в траве. Но птичка бежит от испуга за свою жизнь, а он не боится с нею расстаться. «Будь что будет, — решил Семен, — Бог определит мою судьбу». Он понимал, что остается на чужом берегу, раненый, без друзей и помощи. Сегодня он навсегда прощался со старой жизнью, которая, как бывшая жена, продолжала зазывать обратно.

«Лейтенант Бошняк» покинул порт, потеряв единственного члена экипажа, отважного моряка и одного из четырех акционеров русской китобойной компании «Тугур» Семена Тарбеева.

14

Прошло три года. Николай Дымов смотрел с вершины сопки в синеву моря, обрамленного коричнево-зеленой полоской гор. Тугурский залив напоминал огромное блюдо, заполненное водой.

Приморская погода переменчива. Внезапно заморосил дождь и так же быстро закончился. Остатки тумана таяли сахаром в горячем чае. Не растерявшее еще тепло сентябрьское солнце заиграло бликами на воде, приближая спрятанные ранее туманом правые крутые скалистые берега. На левом берегу открылась взору песчаная коса, переходящая в лесистую возвышенность. Там, в устье речек Кутын и Тугур, отчетливо просматривались немногочисленные постройки поселка китобоев. Коричневыми вагонами издалека смотрелись два цеха-сарая, где находились работающие круглосуточно на электричестве машины. Они приводили в движение конвейер по производству консервных банок, различной величины ножи по механической разделке китового мяса. В другом цеху стояли дробильные машины для превращения костей в удобрения и два огромных котла для вытапливания ворвани.

Свежий ветерок с Тугурского залива волновал воображение. Николай вспоминал, как всего три года назад, в марте 1860 года, выгрузил первую партию закупленных в Сан-Франциско материалов для устройства базы. Немногочисленные местные племена, возвращающие с зимовок из глубины материка к побережью, без уговоров включились в необычную для них работу, благодаря чему в рекордно короткие сроки, за два месяца, поставили под крышу дома и цеха. В мае из Сан-Франциско прибыла основная партия закупленной техники. В июне в канале реки установили трехметровый железный винт. Он работал по принципу турбины, на силе приливов и отливов, вырабатывая электрический ток.

Первая продукция отгружена на судно, следующее в Гонконг к концу июля. Много событий произошло за эти три года. Самое знаменательное из них — прибытие Лизы. С тех пор они неразлучны.

Вот и сегодня, когда пришло время вспомнить о карте Бошняка, они вдвоем отправились на поиски указанного в ней клада. Горы от поселка находились на значительном удалении. Для сокращения и облегчения пути использовали шлюпку под парусом. У мыса Малый Ларгангд они высадились на берег, покрытый бурыми валунами. Помогая друг другу, тяжело преодолели обрыв, за которым начинались пологие горы, покрытые лесом.

На скальном камне молодые люди сделали короткий привал. Прямо под ними, в воде залива, открывалось удивительное по красоте зрелище. В пяти метрах от берега группами до десяти рыбин, фыркающая как моржи, шли белухи¹. В зеленоватой воде их спины походили на стальные лезвия длинных ножей. Неожиданно, на поверхности, рядом с белухами показались черные плавники касаток. Хищники с ходу врезались в колонны рыб, рвали их стройные ряды. Затем, так же неожиданно, как и появились, повернули в открытое море.

Ошеломленные разыгравшейся на их глазах кровавой трагедией, мужчина и женщина крепче обнялись.

— Милый, никогда не думала о жестокости окружающего нас мира. Даже собравшиеся в стаю рыбы не смогли дать отпор врагам. Я не хочу погибнуть! Мне еще нужно родить от тебя ребенка!

— Лиза, Бог нас соединил вместе, — успокаивал Николай, — не затем, чтобы погибнуть, а чтобы дать новую жизнь будущему человечку. Поверь, ничего страшного не случится. Судьба нас благодарит за перенесенные испытания. Вспомни, как ты три месяца добиралась на торговом корабле до Тугура! Как мы не поддались на искушения Горчакова с Невельским, как я не

¹ Вид зубатых китов, достигающих в длину до 6 м. Особи старше трех лет белые.

принял теплого местечка в Морской коллегии, а ты не пошла за старого и богатого чиновника!

Николай не очень-то и верил больному воображению исследователя с его мифическим кладом, но упрямый характер требовал ясности. Обходя сопку с круглой вершиной, он подумал мечтательно о мощной крепости, созданной самой природой. «Вот бы перенести сюда базу, где полная безопасность от внешних врагов. — Дымов всматривался в отшлифованные непогодой огромные валуны, похожие на крепостные стены. — Но без воды и пищи, снабжения долго не продержишься. Полной защиты не существует».

Белые камни, вычищенные дождем и солнцем, громоздились друг на друга, переходя постепенно в вершину таких же хаотичных нагромождений. Кое-где зеленые лишайники цеплялись за их гладкие спины. Осенняя листва предательски скрывала опасность, таящуюся в серых камнях, пересыщенных влагой. Ноги в таких ловушках скользили, как по стеклу. Наконец последняя остановка. Кладоискатели стояли перед указанным на карте знаком — скалой, похожей на сломанный зуб. Оставалось найти сложенную из камня пирамиду и две сосны, сросшиеся вместе.

— Николай! — испуганно воскликнула Лиза.

Он повернулся в ее сторону. От резкого движения нога соскользнула с серого камня. Инстинктивно присел, но все равно его немного протащило по склону. Дымов почувствовал боль в ноге. Тяжело поднялся. Старая рана не позволяла забывать об осторожности.

Лиза показывала рукой в сторону моря, где расстилалась сизая дымка. Хорошо просматривалась лишь узкая линия прибрежной долины, где был поселок. А за их спинами взору

открывался совсем иной вид: горный перевал, уходящий в зеленую дымку бесконечной дали.

— Начинается Яблонево хребет, — объяснил Николай, — местные народы все горные перевалы называют Яблота-даба, значит яблонево, потому как за ними, возможно, находится счастье. Мы же его нашли!

Дымов в отличие от жены не забывал о цели своего маршрута, и красота здешних мест его мало интересовала. Внезапное открытие заставило забыть про боль в ноге: сероватого цвета почва указывала на присутствие серого золота, богатого серебром¹. Здесь же, под корнями двух сросшихся сосен, находился неглубокий шурф, означающий работу золотоискателей. Открытие обрадовало и подтверждало догадку о «золотом кладе капитана Бошняка». Вскоре нашлась и пирамидка, сложенная из камня, а за нею лаз в пещеру. С великим волнением зашли внутрь, предварительно подняв зажженный факел. Обдало холодом. Каменные своды, покрытые коркой льда, быстро поднялись в высоту до трех метров. Ледяная пещера оказалась естественным углублением в скале, похожим на небольшую комнату. Она была полна грязно-желтых кристаллов разной величины, от которых исходил запах свежей травы после дождя. Именно так пахли благовония в комнате, где когда-то Невельской с Горчаковым играли в карты.

Поиски золота оказались напрасны. Взяв несколько образцов величиной с голову ребенка, Дымов вынес их на дневной свет. При ближайшем рассмотрении таинственный «клад Бошняка» оказался китовой отрыжкой, называемой амбра².

¹ В сером золоте высока доля серебра, которое на поверхности со временем превращается в хлорид, разлагающийся на свету с выделением микрочастиц серебра, придающих поверхности почвы сероватую окраску.

² В кишках и внутренностях кита находится «янтарный жир», или амбра. Продукт очень ценился как стабилизатор запахов.

Разочарованию Лизы не было предела! Приходилось только удивляться трудолюбию чудака, сумевшего поднять на сопку, как ему казалось, абсолютно бесполезный груз, имеющий сомнительную ценность.

— Милый, — ласково поддержала мужа Лиза, быстро отойдя от первоначального разочарования, — может быть, мы сегодня стали богачами!

Николая удивило ее необычное возбужденное состояние. Он знал, конечно, об использовании амбры в парфюмерии для сохранения запахов. Но по сравнению с настоящим мужским делом — промыслом китов — торговля «китовой блевотиной» вызывала отвращение.

Николай, прихватив образцы, понуро поплелся вниз к долине, не подозревая, что стал с этого момента сказочно богатым.

О чем думают женщины, знает лишь черт!

Спуск с гор не менее трудное занятие, чем подъем. Приходилось двигаться медленно. Ушибленная нога опухла и ныла. Опираясь на хрупкое женское плечо, Дымов с трудом спустился к морю, где их ждала шлюпка.

Впрочем, из-за пустого клада и боли в ноге Николай не расстроился. Он нашел свое главное богатство — взаимность в любви!

Пока шли под парусом к устью реки Кутын, где располагался поселок, Николай всматривался в беспокойные волны залива. Думал о взаимосвязи человека с природой, о зависимости людей от происходящих в мире событий. Последние годы подтверждали такой вывод: в 1860-м постройка базы и первая продукция, в 1861-м отменили крепостное право, в 1862-м началась Гражданская война в США. А еще в 1863 году правительственный комитет по улучшению воспитательных мер,

применяемых к осужденным преступникам, предложил организовать «отдаленную колонию» на острове Сахалин¹. В текущем, 1863-м, пора подводить итоги трехлетней деятельности китобойной флотилии. Пришло время заняться обустройством семейного очага.

Сделано было уже многое: создали финансовые отношения с работниками компании, начиная с введения личных акций. Местные жители поначалу с недоверием приняли очередные бумажки, считая их тем же фантиками, что и «кожаные деньги» Российско-американской компании. Когда Дымов выдал первые проценты, по желанию рубли или доллары, люди в Тугур потянулись из Охотска, Новоархангельска и Аяна. Получалось подобие народного предприятия, когда владельцами акций становились портовые мастера, вдовы моряков и сторожа. Именно они первыми и ставили свечки в церкви за удачное возвращение из путины. От дивидентов морского предприятия рос и поселок Тугур, выгодно отличавшийся от соседнего Аяна удобствами проживания. Деревянные срубы старого поселка на берегу Охотского моря, врытые по самые окна в землю, больше походили на легкие укрепления, а не на дома, где живут постоянно люди. Крыши их покрывала солома и содранная с деревьев кора. Тугурские же дома стояли на закладных камнях, с дощатыми крышами. Свежий морской ветер проветривал их бревна, выгоняя гниль и сырость. На каждые три дома в Тугуре ималась одна баня и деревянный выносной туалет. В Аяне люди отправляли свои естественные надобности где попало. От единственной мусорной ямы там несло зловонием, которое накрывало поселок в безветренную погоду, как тучи таежных комаров в летнюю ночь.

¹ В 1869 г. Александр II подписал указ о превращении Сахалина в место каторги (История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия. Южно-Сахалинск, 2008).

Дымов верно рассчитал психологию бедных и бесправных людей. В Тугуре появились первые добровольцы из числа разбежавшихся крестьян-переселенцев, отставных военных и вышедших на вольное поселение каторжников. Несмотря на существующий запрет международных морских организаций иметь дело с русскими китобоями и искусственно создаваемую им дурную славу, американцы активно нанимались на суда флотилии. Всему причиной особенность английского и американского китобойного промысла, где жалованья не платили: каждый член экипажа имел долю от пойманной добычи в зависимости от роли в охоте. Дымов отменил эту традицию. Он ввел систему ежемесячного жалованья, чтобы моряки держались своего судна в период пребывания в порту, а в качестве поощрения предлагал членам экипажей китобойных судов именные специальные акции. Идею ему подсказал Питер Харрис, а молодой страховщик Джон Рокфеллер предложил механизм реализации. Владелец акции получал приличные вознаграждения по окончании контракта, но обязан часть прибыли оставлять в казне судна. Общие корабельные деньги шли на лечение, питание, жалованье и помощь семьям погибших. Подобный социализм, усвоенный Дымовым в коммуне анархистов, удачно прижился в китобойной компании. Уверенность в завтрашнем дне и социальная ответственность членов команды служили хорошим стимулом в работе моряков. Они платили в ответ верностью хозяину, старались улучшить производственные показатели. Так, в среде китобоев считалось успешным в месяц промысла взять два кита одним судном, тогда как китобои Дымова приводили к пирсу своей базы до шести.

В заводе-поселке Тугур тушу разделявали и превращали в бочки с жиром и тонны консервов китового мяса. В путину

Дымов с каждого судна имел пятнадцать тысяч долларов в месяц чистой прибыли, тогда как конкуренты от четырех до шести тысяч. Успех предприятия был налицо. Дымов уже придумал, как сократить время на разделывание туши и спроектировал специальное судно для первичной разделки кита в море, своего рода плавучий рыбный завод. Когда он просчитал первый месяц его работы, получалась экономия времени в целых три месяца. Значит, каждое судно за счет сохранения времени добудет еще до пятнадцати китов в месяц. Получались огромные деньги за счет всего лишь правильного распределения сил и средств. Николаю нравилась такая работа. Он представлял себя командующим военной эскадрой, которая ушла в самостоятельное плавание от родных берегов на долгие годы. Единственным уставом для командира была его совесть. Так продолжалось до тех пор, пока не мешали свои же российские чиновники. Судьба его берегла, но всему когда-нибудь приходит конец. Беда пришла, когда ее не ждали.

24 января 1864 года на День святого Феодосия Весняка погода выдалась необычно морозной. По приметам, к затяжной зиме, означающей в этих краях позднюю навигацию. Не в апреле, а к середине мая. В эту зиму вся флотилия, состоящая уже из восьми китобойных судов, зимовала в Тугуре. Поселок прирастал новыми строениями, а количество жителей с экипажами судов было больше, чем во взятых вместе Охотске с Аяном. Полиция, суды и другие атрибуты государства здесь отсутствовали. Поселком управляла выбранная администрация из трех человек, а ее главу назначал лично Дымов. Остроено от губернатора добился для русской компании особых льгот, заключающихся в освобождении от налогов и таможенных пошлин в течение пяти лет. В условиях порто-франко особенно бурно начала развиваться торговля, которую взял под свой

контроль их же акционер, якутский купец. Самодостаточность не для всех оказалась удобной.

Дымов планировал пригласить Маттенена, Чайковского и купца как равноправных хозяев бизнеса, обсудить перспективы успешно развивающегося дела. Но встреча отложилась: на оленях прибыл начальник аянской фактории капитан-лейтенант Аксенов в сопровождении полицейского. Дымов за делами успел позабыть о самом существовании однокашника по штурманскому классу Морского корпуса, да и тот за три последних года не напоминал о себе, несмотря на близкое соседство. О цели прибытия начальников догадаться было несложно: три месяца назад поздней осенью в поселке произошло убийство. Любовник зарубил топором мужа, когда тот пришел требовать бутылку водки. Оказалось, бывший каторжник сдавал жену в аренду за спиртное. История для мест с испорченными нравами обычная. Моряк попытался успокоить арендатора, объясняя, что тот поступает несправедливо, требуя дополнительную плату. Когда доводы исчерпал, одним ударом флеш-ножа отрубил несчастному голову. Дымова возмутило другое: женщина последовала за непутевым мужем на каторгу, лишь бы находиться рядом с любимым, а получила в награду еще большее унижение. В поселке Дымов сам судил и миловал. Постановил взять преступника под домашний арест, а с началом навигации отправить в море. Тот оказался гарпунером с одного из китобойных судов флотилии. К тому же в душе Николай одобрял поступок моряка, избавившего женщину от мужчины, заставляющего ее заниматься проституцией.

Но Дымов ошибся, гадая о причине визита Аксенова. Под обвинение попал он сам, и совсем по другому поводу. Полицейский положил перед ним постановление Главного военноморского судьи, вице-адмирала Завойко. Предписывалось

провести расследование по фактам, случившимся в 1859 году: о капитане первого ранга Острено, самовольно передавшем конфискованное у англичан браконьерское судно в частную китобойную компанию «Тугур» и об отставном прапорщике Дымове, в течение полугода, до официальной отставки, занимавшемся предпринимательством в ущерб военной службе. Постановление заканчивалось грозным решением о взыскании с виновных в пользу государства суммы нанесенного ущерба в двукратном размере и их наказании.

Николай наотрез отказался отвечать на вопросы полицейского, а Аксенову сказал:

— Все, что здесь написано, неправда, за исключением одного. Я в самом деле, не дождавшись официального решения о своем увольнении, с головой ушел в китовый бизнес. Но денежное довольствие по старому месту службы отказался получать, о чем есть расписка. Насчет конфискованного судна. Острено передал в создающуюся русскую китобойную компанию конфискованное браконьерское судно с передачей нам функций береговой охраны. С чем, как вы сегодня видите, мы успешно справились. Браконьеры боятся появляться у русских берегов!

— Дорогой Николай, не воспринимай так болезненно постановление Завойко, — дружески улыбаясь, успокаивал Аксенов, — то лишь постановление о производстве расследования, которое мне поручено. Учитывая нашу гардемаринскую дружбу, уважение к твоей семье, постараюсь замять дело.

— Постой, Николай Григорьевич, — возмутился Дымов, — дела никакого нет! Во-вторых, подтверждающие нашу с Острено невиновность документы имеются.

— Николай, — еще любезнее произнес Аксенов, — на твоём бывшем корабле «Восток», к сожалению, расписка отсутству-

ет. Есть на то письменное подтверждение лейтенанта Овсянкина. Сие означает: получал ты денежное довольствие, а на самом деле службой не занимался. Ты же сейчас сам это устно подтвердил!

Аксенов, устало вздохнув, положил перед ним листок с подписью его бывшего командира. Николай равнодушно отвернулся. За спиной стояла Лиза. Ему стало обидно за свою беспомощность, невозможность доказать невиновность при любимой женщине. Все это унижительно! «Гордился бескомпромиссным отстаиванием справедливости и правды, а самого представили подлецом», — не находя аргументов для отпора, подумал Дымов. Архивов он не держал. Николай Григорьевич с состраданием виновато улыбнулся. Мочки ушей его покраснели, как переспевшие вишенки. Врать ему было не привыкать.

— Друзья, — так же ласково и вкрадчиво продолжал Николай Григорьевич, — вынужден огорчить, но придется наложить сегодня же арест на судно.

Он виновато посмотрел на Лизу:

— У вас же в заливе стоит целая рыболовецкая эскадра. И она ваша! Только одно судно, называемое «Лейтенант Бошняк», придется вернуть государству, заплатив штраф за незаконное его использование. Не стоит из-за таких пустяков расстраиваться! Подпишите документ о своем согласии.

Глаза предательски замаслились, извинительная улыбка пропала. Николай Григорьевич преобразился в того, кем он был на самом деле — в начальника приморской фактории, наделенного большей властью, чем Дымов. И этой властью он пользовался по своему усмотрению, путая интересы государства с личными. Ему было важно не только поставить на место зарвавшегося предпринимателя, возомнившего себя легендар-

ным купцом Шелеховым, но и пожить от его баснословных доходов.

Николай не видел, как в другую комнату вышла жена, но разгадал хитрый ход вчерашнего товарища. Подписание соглашения о возврате судна и штрафа за его использование означает признание вины! Разговор как-то замялся, и мужчины, пряча взгляды в чайные чашки, молчали. Шурша платьем, в комнату энергично ворвалась Лиза. Ни слова не говоря, положила перед Аксеновым бумаги. Чем внимательнее в них вчитывался «дознатель», тем пунцовой становилось его лицо, а мочки ушей мертвецки белели. Николай увидел в его глазах забытый оловянный взгляд Горчакова. Только сейчас понял, так сквозь тебя смотрят люди, готовые на любые преступления ради своей выгоды. То было выданное Дымову решение Острено о передаче в китобойную компанию конфискованного судна, написанное собственноручно, с инструкцией по борьбе с браконьерством. Николай благодарно улыбнулся жене. Ее лицо побледнело и выражало страдание. Аксенов попытался забрать спасательный документ. Все хорошо понимали: его наличие снимает обвинение с Острено, но не отменяет решения «передать судно государству».

— Я нашла и второй документ, подписанный лейтенантом Овсянкиным, — срывающимся от волнения голосом проговорила Лиза, — он подтверждает также невиновность моего мужа! Представленный вами документ, якобы от того же Овсянкина, является самой настоящей подделкой! Николай на самом деле не получал с того момента денежного довольствия корабельного офицера. И попытка судить его за растрату государственных средств — самый настоящий подстроенный обман.

Николай своевременно заметил попытку Аксенова спрятать «поддельный документ», и выхватил бумагу из его рук.

Высокомерное выражение лица Николая Григорьевича Аксенова стало растерянным. Он явно не ожидал такого мощного отпора и наглости, с какой «подследственный» отберет у него состряпанное обвинение. Без него уголовное дело в отношении Дымова разваливалось само собой. Но оставался еще Острено. Его, как высокопоставленного сообщника, за передачу судна можно еще обвинить в умышленном сговоре с бизнесменом Дымовым с целью извлечения прибыли от принадлежащего государству конфискованного судна. Налицо громкий уголовный процесс о коррумпированности высоких должностных лиц, означающий для Аксенова новую звездочку на погонах и очередную должность.

«Следователи» нехотя поднялись и начали одеваться.

— Пойдите, — остановил их Николай, — я дам распоряжение подготовить вас в дорогу, собрать продукты и корм оленям. Переждите в соседней комнате.

На следующее утро Аксенов и полицейский уехали обратно в Аян. Сразу же за ними, встревоженные визитом незваных гостей, Маттенен, Чайковский и третий акционер ввалились в дом к Дымову. Лиза встретила друзей радушно. Она и сама хотела предложить Николаю по случаю «маленькой победы» собрать их на пироги. Тесто поставила с вечера, втайне от мужа. После случившегося она еще больше уважала Николая и стремилась показать свое особое отношение к нему.

Обедали жареной олениной. Маттенен потом долго ковырялся в зубах вилкой. Разжеванное до белизны сухожилие смачно выплюнул в широченную ладонь. С убежденностью проговорил:

— О таких, как Аксенов, у нас говорят, как о хитрых глухарях — поляшах, которым глаза бы выколоть еще в скорлупе.

Пили чай с пирогами. Онни хитро поглядывал на Лизу, заметив, как она вся светится от счастья. Он увидел, то чего не разглядел ее муж. Женщина была беременна.

Николай сделал вид о незначительности вчерашнего события и напрасно пытался утаить от товарищей цель приезда Аксенова с полицейским. Все в поселке об этом только и говорили. Чайковский же, в своей горделивой манере, дал яркое определение случившемуся, продекларировав:

Отчего под ношей крестной
Весь в крови влачится правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой? ¹

Дымов же твердо решил оставить себе «Лейтенанта Бошняка» и выплатить государству стоимость его аренды, за три года эксплуатации. Из своей доли. Главным на сегодня было спасти Острено, передав ему необходимый для оправдания документ-инструкцию. Николай еще приложил к ней отчет о борьбе с браконьерами, который составлял всю ночь. Товарищам он докладывал итоги китобойной деятельности за три года. Остановился не на трудностях и успехах, а на самом важном — состоянии финансов компании и акционеров.

— Построив на пустом месте базу, производство, поселок, купив еще четыре китобойных судна, мы остаемся в прибыли! Я считаю в долларах, а переведете в рубли самостоятельно. Курс стабилен, несмотря на выпуск большого количества денежной массы правительством северян, в связи с Граждан-

¹ Генрих Гейне.

ской войной. Доллар покупается за один рубль тридцать копеек, фунт стерлингов за два рубля шестьдесят копеек. Каждый из акционеров может прямо сейчас получить наличными свою долю в 500 230 долларов, что означает 650 299 российских рублей. Полтора миллиона долларов находится в сан-францисском банке как страховой залог нашей компании. Вот такая простая арифметика!

Хозяева компании погрузились в свои мысли — никто не ожидал получить такое богатство. Они осознавали, что с этого момента становятся очень состоятельными людьми. Онни твердо решил больше не рисковать, помня крах Российско-финляндской китобойной компании, после чего он остался с одним судном и без рубля в кармане. Вспомнил о давнем желании купить в Хельсинки дом, вставить съеденные цингой зубы и жениться. Новый большой дом стоил до десяти тысяч рублей, а одно посещение зубного — полтора рубля. Жену, понимал он, не купишь. Якуб тоже решил уйти из дела, на заработанные деньги купить в Гонконге военный корабль и уйти в Англию, где комплектовался десант из польских повстанцев. Только купцу было жалко бросать поселок. Он мечтал стать его полновластным хозяином после ухода Дымова. Все ждали, что скажет их президент. Николай заметил тревогу друзей и честно признался:

— Вчера случилось событие, заставившее меня усомниться в дальнейшем участии в созданной нами китобойной компании. Я решил уйти на самом ее взлете!

Мужчины, разинув рты, удивленно слушали человека, который три года назад их убеждал в обратном. В заключение они решили получить деньги и остаться до навигации в Тугуре. Там время и события покажут, как дальше действовать. Не

согласился один Чайковский. Он был готов хоть сейчас покинуть поселок. Причину своей поспешности объяснил коротко:

— Поеду на Родину, в Польшу!

В этот раз их пути разошлись, но на Руси не зря говорят: «чужим умом жить — добра не нажить». Ума каждому из акционеров было не занимать.

Прощаясь, в прихожей Дымов предложил:

— Давайте весной поставим в центре поселка каменный крест, в память о погибшем нашем товарище и акционере компании Семене Тарбееве!

Часть третья
1864—1872 ГОДЫ.
АМЕРИКА — РОССИЯ

15

Тугурская колония разрасталась вместе с успехами одноименной китобойной компании. К февралю 1864 года насчитывала около двухсот жителей, проживающих в сорока деревянных домах. Местные же жители селились на окраине поселка в устроенных по-зимнему юртах, чуть вкопанных в землю. Гиляки поставляли в поселок рыбу, трудились на разделке китовых туш. Между их жилищами, на натянутых китовых сухожилиях, вялилась рыба. В теплое время земля под ней походила на снег, усеянная личинками белого червя. Запах тухлой рыбы и мочи был отличительной чертой жителей стойбища. Гиляки никогда не мылись. Состав поселка Тугур был интернационален: русские и финны, ирландцы, поляки, португальцы, гавайцы и негры. Большинство жителей составляли представители местных народностей. На трех мужчин приходилась одна женщина.

Новость о срочном убытии защитника-мэра взбудоражила поселок. Люди догадывались — уезжает в поисках справедливости. Тугурцы боялись за приобретения, накопленные за три

года тяжелого труда. Все что было в их домах, начиная с жен и детей, бумажных акций предприятия, по которым исправно выплачивались проценты, ценилось сильнее жизни. Другого богатства у них никогда не было, как и у Дымова. В России набирал силы государственный капитализм, когда несколько семей владеют основными богатствами. Николай мог лишь служить подобным хозяевам и тешить себялюбие принадлежностью к дворянскому сословию, которому монополисты-капиталисты были обязаны давать работу и службу. Так же как в старину князья содержали дружину.

Две упряжки, запряженные цугом, по четыре собаки, с цепляющимися за деревянные сани-нарты людьми, медленно двигались по ледяному устью реки Кутын. Экспедиция состояла из четырех человек: Николая Дымова и его жены, бывшего прапорщика Якуба Чайковского и проводника негидальца¹.

Поклажи минимум, основной груз — питание для собак и людей, рассчитанный на недельный путь до Николаевскана-Амуре.

Речка Кутын раздваивала горный перевал на две неравные части.

Первым этапом был Ульбанский залив. Второй короткий, через полуостров Тохареу к заливу Николая. Самый длительный и трудный — до озера Орель. Там уже и до Амуре рукой подать. Половина дневного перехода.

Маршрут движения проложили с проводником заранее, чтобы меньше преодолевать горных перевалов. Оптимальный путь выбирали по устью рек, хотя, как оказалось, это увеличивало расстояние. У горных речек русла петляли. На вопрос о расстоянии туземец палкой начертил на снегу пять полосок,

¹ Одно из тунгусско-маньчжурских племен, обитающих в нижнем течении реки Амгуни, озера Орель.

означавшие число ночей, которые предстояло встретить в дороге.

Путники сразу же столкнулись с главной проблемой этих мест — ветром, удваивающим мороз и бросающим в глаза колючие хлопья снега, надоедливой пыли, да еще угнетала и мрачная безлесная местность.

Тем не менее двигались споро. По устью реки Кутын с одной ночевкой вышли к Ульбанскому заливу. По ледяной поверхности залива собаки пошли веселее. Прибрежные горы, исхлестанные ветрами, встречали путников недружелюбно, как наблюдающие в засаде разведчики, на скалах росли редкие деревья, пригнувшись к камням. Только потом Николай сообразил: таким способом они искали защиту от океанского ветра у гор.

К концу дня добирались до противоположного берега. Начинался летом заболоченный, труднопроходимый, а зимой, наоборот, удобный для перехода полуостров Тохареу. По нему идти весь световой день до залива Николая. Быстро темнело. На поиск удобного места для ночлега времени тратить не стали, подошли к бесформенной скале, лишь бы укрыться от везде достающего ветра.

Николая беспокоила жена. Он не желал ее брать в тяжелую дорогу, но женщина с упорством капризного ребенка настояла на своем. Он платил строгостью. Нарочно повышал голос, делая замечания по поводу расстегнутого ремешка, подпоясывающего овечий полушубок. Жестко указывал на неправильное дыхание, грозящее воспалением горла, пресекал попытки готовить пищу, тащить мешки наравне с мужчинами. Одновременно требовал с нее, как с сына, но и оберегал точно так же. Лиза была самым близким и родным человеком. Втайне он гордился ею, но старался внешне не показывать своего одобрения. Срав-

нивал себя с первооткрывателем, с самим Геннадием Ивановичем Невельским, а Лизу с его женой Екатериной Ивановной, перенесшей не менее тяжелые испытания, с женой командора Беринга, женами декабристов, женой лейтенанта Прончищева, не выдержавшей разлуки и скончавшейся на девятый день после смерти мужа на затертом северными льдами судне под Якутском. С женщиной из поселка, следовавшей за осужденным мужем на каторгу. Со всей обнажающей простотой раскрылась для него необъяснимая ранее причина головокружительной дерзости русских путешественников и героев! Рядом с ними часто находились любимые женщины, разделившие по собственной воле нечеловечески тяжелый путь к славе — но не своей, а любимого мужчины. Жертвенность русской женщины поражала, придавала сил. Неожиданно показалось видение — среди холодной безжизненной снежной пустыни поднялся горячий фонтан. Вокруг него таял снег, морозный воздух превращался в теплый пар. Николай с удивлением чувствовал прилив сил, возникающий не от воображения, а от присутствия рядом любимого человека.

Вторая ночь путешественников прошла спокойно. Спали под палаткой из оленьих шкур. Собаки, сбившись в один клубок, жались на морозном воздухе. Николай несколько раз за ночь выходил из палатки, с умилением наблюдая за покрытым инеем живым шаром, из которого темными точками торчали влажные собачьи носы. Возвращаясь в палатку, всякий раз заботливо натягивал на Лизу сползающее одеяло из медвежьей шкуры. Сон ее был по-детски безмятежен.

Не дожидаясь рассвета, наскоро попили чаю. Снова гонка с одной целью: привезти вовремя оправдательные документы. Все во имя сохранения справедливости и доброго имени Острено.

Проводник по твердому насту направил собак к перевалу, надеясь сократить дорогу. Следовало за полдня пройти перешеек, разделяющий два залива, Ульбанский и Николая. Спешили, зная изменчивость приморского климата. Да и дело шло к весне. Боялись потепления, превращающего глубокий снег в непроходимую трясиину.

Для увеличения скорости встали на короткие лыжи, подклеенные нерпичьими шкурами. Главное, сберегались силы. Держались за ручные нарты, которые тащили втроем ездовые собаки. Удачно миновав снежную долину, к концу дня увидели белое пятно второго залива. Проводник показал в сторону обрывистого берега, предупредив односложно: «Нельзя!» Члены экспедиции привыкли к такому немногословному предупреждению и воспринимали его с почтением — негидальцы обожествляли природу. Только подойдя к скалистому берегу залива Николая, путники поняли грозное предупреждение: в темноте спускаться к морю с обрыва было опасно.

Здесь же, в долине, сделали короткий ночной привал. Спали так же под раскинутой палаткой из оленьих шкур, закрепленных на вырубленных из молодой елки кольях.

Утром их разбудил барабанивший по дереву дятел. Проводник пропал, но вскоре появился в заиндевевшей одежде — сказал, что искал безопасный спуск на берег залива. Люди покорно слушались, доверяя свою жизнь незнакомому человеку. Природа с безразличием сытого хищника наблюдала за путниками. Она их пока не берегла, но и не обижала.

Снова гонка по снежной пустыне. Двигаться по заливу Николая оказалось намного сложнее, чем по Ульбанскому. Мешали нагроможденные ледяные глыбы, навороченные друг на друга недавно прошедшим штормом. Приходилось все время что-то огибать, обходить. Теплело. К торосам прибавился

сильный ветер, отчего влажный воздух покрывал одежду коркой льда. Идти становилось сложнее. Ледяная одежда, подобно железным доспехам, сковывала движения. С трудом добрались они до материкового берега. Казалось, собаки устали больше людей, изранили лапы об зубастый лед.

Погода менялась вместе с природой. На прибрежных скалах начиналась лесистая тайга. Путников радовала возможность укрыться от ветра среди густых деревьев, где можно без труда найти топливо для костра и обсушить одежду. Нарубили веток. Привал сделали в ельнике, развели большой костер. Снег усиливался, потому решили поставить палатку, получившуюся вроде чума. Проводник по своим обычаям настелил внутри сосновых веток, посередине развел небольшой костерок.

— Нужно переждать потепление, — предложил он, — снег глубокий, проваливается. Собакам идти невозможно.

Вынужденная остановка обрадовала особенно собак. Поев сушеной рыбы, они начали резвиться, задираться. Остромордый вожак не участвовал в играх. Устав наблюдать пустую возню, он по-волчьи завыл, пытаясь утихомирить молодежь. Пушистая рыжеватая шерсть завибрировала в такт голосу. Уши встали торчком, заострились. То был кобель гиляцкой породы, ростом в холке с полметра. Вожак пользовался почетом не только у собак, но и у людей. Он связующее звено между ними. Вожака определяли еще слепым щенком, бросая выводок в глубокий таз, накрытый шкурой. Выбирался самый настойчивый, способный удерживаться дольше всех на краю таза. Затем еще два года натаскивали его вести за собой собак в упряжке, в которую запрягали только однопометных кобелей. Так они быстрее привыкали друг к другу. Вожак знал, где ждать опасность, от него часто зависела жизнь хозяина.

Люди в отличие от собак сразу же занялись делом. Чайковский взялся готовить пищу, старательно нарезаая ломтики мороженой оленины, складывая их отдельно от сушеной рыбы. Не забывал подбросить сырой хвои в костер. От едкого дыма першило в горле. Наконец с радушием хозяина пригласил к импровизированному столу, украшенному еловой веточкой. В тесноте люди уселись плечом к плечу возле красных углей. Из почерневшего от копоти чайника разлили крепкий душистый чай. Проводник взял из разложенных продуктов ржаной сухарь и вопросительно взглянул на Дымова. Лиза заметила, с какой осторожностью, как великую ценность, он держал корку сухого хлеба. Женщина ободрительно улыбнулась ему в ответ, подвинув к нему все сухари. Туземец благодарно приложил руки к груди. Затем, не переставая кланяться, несколько раз повторил одно и то же слово: «Пила-пали джавгин».

Лиза вопросительно посмотрела на Чайковского, неплохо знавшего тунгусский язык. Тот в ответ рассмеялся:

— Он хвалит «русского великого царя», естественно, в нашем с вами лице. Хлеб и рис для них самое вкусное лакомство. У местных есть чему поучиться. Как они просто и безошибочно определяют время года. Например, крепкий мороз — значит на дворе январь. В феврале снег запорошил лес, что мы с вами наблюдаем сегодня. Март — весенняя добыча лосося. В апреле ценится медведица, а в мае появляются завязи у таежных ягод.

— Зачем наш проводник носит нагрудник из заячьего меха? — поинтересовалась Лиза.

— Обыкновенный амулет, оберегающий хозяина от происков злых духов.

Начинающийся ужин остановил резкий возглас проводника:

— Айахива омкал! Улэвэ депкэл!

Не обращая внимания на удивление присутствующих, негидалец взял со стола кусочек сухой оленины и подбросил его вверх. Так же виртуозно, обмакнув в кружку с водкой большой палец, сбрызнув влагу на землю, проговорив на понятном языке:

— Водку пей! Мясо ешь!

То же само проделали остальные. «Покормив небо», приступили к трапезе. Утолив голод, начали укладываться спать. Проводник, набивая трубку табаком, проговорил:

— Один человек ест-ест — не наестся.

Чайковский со смехом озвучил разгадку:

— Трубка с табаком!

Проводник не скрывая обиды, загадал следующую загадку:

— Белые люди рубят-рубят, красный человек заносит-заносит.

Познаниями решила блеснуть Лиза:

— Костер и дрова!

Негидалец походил на ребенка, получившего новую игрушку. Радовался и смеялся, словно праздновал победу на охоте. Руки выбивали такт воинственного танца. Лиза с Николаем переглянулись, не понимая, чем так рассмешили его.

Проводник, видя замешательство, объяснил:

— То зубы и язык! Так они перемальвают пищу.

Чайковский попросил проводника остановиться:

— У них есть привычка на ночь обязательно рассказывать сказки. Послушаем в следующий раз, а пока всем нужен отдых.

Спать ложились, раздеваясь донага, в сшитые мешком собачьи шкуры. Лиза, стесняясь мужчин, раздевалась после всех, дожидаясь, пока они закроются с головой. Один проводник

не смущаясь, пялил на красивое женское тело глаза, то и дело приговаривая: «Нельзя, нельзя!»

Утром опять барабанил по соседнему дереву дятел, мешая наслаждаться сном. Как собаки, люди сначала показывали из спальников носы, проверяя температуру внешнего воздуха. Освобождали руки, снимали с шеста высохшую на морозе одежду. Потом выпрастывались до пояса, чтобы надеть затвердевшую на морозе рубаху и снова нырнуть в мешок. Ритуал одевания имел большое значение: в сухой теплой одежде легче идти. По очереди, выходя из палатки, с интересом разглядывали многочисленные мышиные следы на снегу. Потеплевший воздух оглашался перекличкой куропаток.

— Мороз закончился, звери вышли на кормежку, — объяснил всезнающий проводник, — придется и нам переждать.

— Хангу толкитчади бисиску, хал-хал-та? — вдруг закричал на Дымова. Николай даже присел от неожиданности. Проводник обрадовался и примирительно объяснил свою шутку:

— Карася во сне видел, что ли, растерянный ходишь?

Лиза с Чайковским рассмеялись. Утреннюю сонливость как рукой сняло.

Вынужденная задержка окончилась так же внезапно, как и началась. Отлучившийся проводник вернулся с хорошей вестью:

— По руслу речки не пойдем, петляет, как червяк на крючке. Моя идет прямо, долиной к перевалу, между сопками «старым и молодым»¹, еще перевал и речка Ангека. По ее устью дойдем до озера Орель. Идти дня три-четыре.

Ближе к полудню проводник предупредил:

— Мороз снова крепчает. Видите, птички петь прекратили. Нам на пользу. Снег станет твердым. Скорее пойдем.

¹ Сопки Мангуны, высота 815 м, и Джали, высота 643 м.

Пообедав горячим мясным отваром, люди и собаки двинулись в путь. Шли тихо, словно боясь спугнуть солнечную безветренную погоду. Мороз крепчал вдали от залива, но движение согревало. Под светлым звездным небом, предвестником мороза, так и шли всю ночь.

Рассвет встретили на ногах. Позади, над снежными сопками, таял запоздалый месяц. Впереди, над горизонтом, поднималась темно-красная заря, предвещающая холода. Лес затих в ожидании чего-то грозного. Только хруст снега под санями нарушал тишину.

На пятый день пути подошли к озеру Орель. До Николаевска оставался однодневный переход. Собаки вяло тянули нарты с цепляющимися за них путниками. Снова шел снег, предвестник опасного потепления. Состояние усталости и апатии передавалось от людей животным, и к середине дня одна из собак упряжек остановилась. В том не было ничего необычного. Всем требовался отдых после тяжелого недельного перехода. Неожиданно животные резво рванулись с места и понеслись вместе с нартами по неровному льду залива. Как выяснилось позднее, голодные собаки почуяли запах рыбы, оставленной на льду недавно рыбачившими здесь негидальцами.

Николай от неожиданности отпустил «салазки», беспомощно взмахнув руками. Впереди, в облаке снежной пыли удалялись нарты, вместе с Лизой. Догонять их не имело смысла. Так же внезапно упряжка остановилась, и Дымов с тревогой наблюдал, как медленно опускаются под лед сани. Инерцию их движения повторяла и Лиза, продолжавшая держаться за полосья. У Николая похолодело сердце: впереди полынья, и его жена уходит вместе с упряжкой по лед озера. Больше ни о чем не думая, на ходу сбрасывая мешающий рюкзак и обледеневшую одежду, бросился вперед. Что-то стремительно пронеслось перед глазами Дымова — другие нарты.

В одних штанах и рубахе добежал до полыньи, возле которой копошились два человека. Один неспешно снимал мокрые одежды с другого. Воспаленный мозг не сразу перестроился с задачи спасения, ставшей второстепенной, на следующую: помочь Лизе согреться. Пока мужчина освобождал женщину от начинающей твердеть на морозе одежды, Дымов сбрасывал свою, хотел согреть жену. В какой-то момент на белом снегу, в окружении жалобно скуливших собак, оказались два совершенно голых человека.

Собачий вожак, поджав виновато уши, с сочувствием смотрел на копошившихся у нарт полураздетых людей. Он не справился с животными инстинктами стаи, но в последний момент, увидев опасность, попытался увести нарты в сторону от полыньи. Они прошли по кромке льда. Наездница первой упала в воду, потянув за собой нарты. Этого вожак не мог объяснить людям. Собачьи глаза слезились и часто моргали.

Раньше Николая к полынье успел Чайковский, вовремя заметил намечающуюся трагедию и сумел ее предотвратить.

Мужчины проделывали какие-то второстепенные вещи, а Лиза беспомощно прикрывала руками голую грудь. Ее пальцы замерзли и плохо слушались. Нарты проводника, кроша лед, затормозили у края полыньи. Ловким движением, как аркан на оленя, он накинул на женщину оленью шкуру, бережно посадил на свои нарты. Грозно взглянув на растерянных мужчин, выкрикнул:

— Проснитесь! Не шуку потеряли!

Только сейчас Николай понял, как близка была смерть от любимой, как легко потерять счастье! С благодарностью обнял Чайковского, спасшего жену. Якоб не обращал на него внимания, переламывая через колено нарты. Из подручных материалов следовало быстрее собрать костер, вскипятить горячего

чая и обогреть Лизу. Дымов покорно поплелся назад, собирая и натягивая на себя брошенные на бегу вещи.

16

В столицу Приморской области прибыли на седьмой день пути. Остановились в доме Острено. Лиза быстро теряла силы, к ночи начался озноб, а затем поднялась температура. В бреду она проговорила Николаю о своей беременности. Три дня Лизу отпаивали чаем на травах и отваром брусники с лимоном. Особую помощь оказал липовый мед, ценившийся не меньше корня женьшеня. Внимание мужа и крепкий молодой организм — Лизе шел двадцать третий год — сделали свое дело. Женщина быстро пошла на поправку.

Когда она в первый раз после болезни вышла на улицу, перед ее удивленным взором открылась даль амурских просторов, накрытых огромным белым покрывалом. Февральские сугробы походили на груди кормящей матери, полные и мягкие. Снег лежал повсюду, подмяв под себя постройки поселка, суда на берегу широкой реки. Над сугробами виднелись печные трубы, из которых струился дым, неспешно стелился поземкой и походил на рваные клубки серой шерсти, разбросанные по комнате. Ни людей, ни повозок не было видно. Окружающая природа сегодня своим умиротворением и даже пересыщенной ленью предательски вводила в заблуждение. Но первый взгляд обманчив. Глубоко вдохнув морозного воздуха, Лиза закрыла от слабости глаза. Она еще окончательно не оправилась от болезни.

В большой комнате деревенской избы мирно беседовали трое мужчин. Лиза встала в проеме двери. Острено заметив ее нерешительность, стремительно поднялся из плетеного корабельного кресла навстречу. Ни слова не говоря, забот-

ливо проводил до своего места. Собеседники продолжали прерванный разговор. Присутствие женщины не стесняло, ей доверяли. Вчерашние однополчане обсуждали последние события, связанные с грозным постановлением главного военно-морского судьи. Историю «дознания» Аксенова в Тугуре знал и губернатор, которому Острено передал привезенные Дымовым документы, подтверждающие его невиновность. Несмотря на явный факт ложного доноса, губернатор организовал следственную комиссию. В результате капитану первого ранга Острено задержали присвоение долгожданного звания контр-адмирала.

Но худа без добра не бывает: данный факт способствовал ускорению его переход на новую должность в Санкт-Петербург. «От греха подальше, — напутствовал губернатор контр-адмирал Петр Васильевич Казакевич¹, подписывая ходатайство о его назначении на адмиральскую должность, — Бог тебя бережет, потому справедливость и восторжествовала!»

О своем визите к губернатору как раз и рассказывал Острено Дымову с Чайковским.

— Бог, может, и бережет. Почему же живой царь не видит творящегося зла? — спросил давно определивший свое критическое отношение к русскому императору поляк Чайковский.

— Большинство населения ничего не знает о нем, — с обидой подхватил мысль китобоя Николай, помня былую бесперспективность своей военной службы и несправедливое назначение Аксенова.

¹ Казакевич Петр Васильевич (1817–1887) — в Сибири с 1849 г., участвовал в экспедиции Г.И. Невельского. С 1856 г. — контр-адмирал, камчатский военный губернатор и командир Сибирской военной флотилии и портов Восточного океана. Первый губернатор Приморской области, в которую входили территории теперешних Хабаровского, Приморского и Камчатского краев, Магаданской и Сахалинской областей. Уволен по прошению в 1865 г. и переведен на Балтику. С 1866 г. — вице-адмирал, главный командир Кронштадтского порта.

— Зачем? — искренне изумился Острено, так, что черные брови полезли к макушке. — Никто не должен знать о его личной жизни. Он равен с Богом, а ему позволено все!

— Конечно! — язвительно воскликнул Чайковский. — Позволено делать подлости. Знаем, как дед его, император Александр I, глумился, стравливая младшего брата со старшим!¹

— То семейная история, — встал на защиту самодержавия Острено, — не мешающая государству выполнять свои функции. Вовремя совершенствоваться. Пример на поверхности. Только что принятый закон об отмене крепостного права!

— Но Россия в итоге не получила ни парламента, ни конституции, ни свободы слова и собраний, — отстаивал свое мнение поляк.

— Не все сразу, — попытался унять страсти Острено, — преобразования носят комплексный характер, включая создание органов местного самоуправления, судебную и военную реформы.

Дымову политическая перепалка боевых товарищей напомнила давнишний разговор Горчакова с Невельским, случайным свидетелем которого оказался перед своим отъездом в воюющий Севастополь. Сведущие придворные обсуждали события, предшествующие Крымской войне, походившие на элементарный торг между Николаем Первым и Великобри-

¹ В 1823 г. император Александр I внезапно подписал манифест, объявлявший наследником престола великого князя Николая Павловича, своего младшего брата. Манифест не публиковался, потому не имел силы. Следующий по старшинству брат великий князь Константин Павлович, тогдашний наместник в Царстве Польском, якобы не желал царствовать. Интрига с престолонаследием длилась с год, до внезапной смерти Александра I в Таганроге 27 ноября 1824 г. На второй день возведения на престол Николая I, 13 декабря 1825 г., случилось восстание на Сенатской площади. Но он сумел использовать человеческие слабости в своих интересах и государства. Усилил созданную Александром I в 1810 г. разведку, мало изменившуюся вплоть до наших дней.

танией. Обсуждали труднообъяснимое стремление Николая Первого захватить у Турции Дарданеллы и Босфор, вернуть православные святыни в Иерусалиме. Царь просил Англию не вмешиваться. Взамен предлагал исключить из своих интересов Египет и Сирию, Китай и Индию, остановить военное продвижение в Среднюю Азию, не включать в состав империи славянские территории. Амбициозный проект не понравился англичанам, что якобы и спровоцировало начало Крымской войны. Горчаков, оправдывая действия Николая Первого, приводил в пример военный символ — знамя полка. Таким знаменем для поработанных турками православных народов были как раз христианские святыни Иерусалима. Отойди они к России, крах Османской империи был бы неминуем. Но русский царь был нерешителен, потому как право наций на самоопределение считалось сепаратизмом, а он нес угрозу существующему порядку.

События складывались в объяснимую картину, в которую не хотелось верить. Получалось, судьба массы людей зависит от выгоды небольшой кучки авантюристов, возомнивших себя мессиями. Царем же управляют, разогревая его тщеславие.

Неожиданно в разговор вступила все это время молчавшая Лиза. Голос у нее был то робкий, то дребезжащий и гибкий.

— Мужчины, вы все о войне и о государе!

— Ну да, женщинам виднее, — постарался перевести в шутку ее реплику Острено.

— Виднее, — без обиды откликнулась Лиза, — ларчик открывается просто.

Она обвела мужчин умным взглядом. Дымов отметил, что никогда прежде не видел ее такой умной и требовательной.

— Меняется экономическая ситуация. Именно она и движет события. Посмотрите, мир перешел в фазу потребления:

уют в домах, красивая одежда, деликатесы. Вот за это и идет война. Для тепла нужна энергия, а ее источник, китовый жир, в руках англичан. Сырье для изготовления одежды, хлопок, находится в Соединенных Штатах Америки. В России лишь пшеница, хлеб. Все страны везут выращенное сырье в Европу и Англию, где и производится конечный продукт потребления в виде костюмов, ружей и пушек. Затем возвращается обратно в страны, откуда получено сырье. Только цена вопроса во много раз возрастает. Мир попал в круговую зависимость. Осталось поставить в Англии денежный станок, и фунт стерлингов станет единой валютой новой мировой финансовой системы¹.

— Тогда можно будет без войны купить любую страну, — хохотнул Чайковский.

— Лизавета, зачем поминать теорию Адама Смита? — недовольно воскликнул Острено.

— Позвольте, господа, поясню, но сначала об одежде, а о китах вы и без меня знаете. Гражданская война в США создала проблемы с поставками на фабрики русских капиталистов хлопка. Производство остановилось. Деньги скоро закончатся. Что делать?

— Передать на сто лет в аренду Америке Аляску за поставку нам хлопка, — пошутил опять Чайковский.

— Возможно, но есть риск быть не понятым народом. Существует более простой путь — за счет того же народа колонизировать территории, где хлопок произрастает.

— Бросьте, мы не пойдем войной на Америку. Приморье освоить не можем. А вы Америка! — возмутился Острено.

— И не нужно. Все гениальное просто. Рядом с нами Средняя Азия. Англичане отобрали у наших купцов Китай, завали-

¹ 23 декабря 1865 г. основан Латинский валютный (монетный) союз, целью которого являлась унификация монетных систем нескольких стран Европы.

ли его своей продукцией. А в Средней Азии мы и хлопок вырастим, и им же продадим изделия из него.

Лиза зачем-то позвонила в колокольчик, стоящий рядом. На пронзительный звонок плавно вошла молоденькая горничная-китайка. Она виртуозно поставила на стол белый фарфоровый чайник. Показательно насыпала изящной серебряной ложечкой черных сухих листьев и залила их кипятком. Затем царственным движением прикрыла его белой крышкой с рисунком красной длинноклювой птицы. По комнате медленно расплзался дурмящий запах настоящего чая.

Николаю показалось, как взгляд хозяина дома не обнял, а всосал в себя хрупкую девушку. Дымов подумал: «Видимо, правду говорят о страсти старого моряка». Он оправдывал душевное состояние старшего товарища, находившегося вдали от семьи четыре с лишним года.

Лиза попросила принести свежие газеты. Худенькая китайка, шурша несвойственным ее статусу шелковым платьем, занесла серебряный поднос с газетами. То, что их свежесть сомнительна, значения не имело. Альтернативы все равно не было.

Лиза со знанием дела бросила взгляд на жидкую пачку типографской бумаги и вытащила из серединки черно-белый лист.

— Послушайте, господа, о чем пишут англичане: «Гражданская война в США оставит Европу, а затем и Россию без хлопка. Учитывая, что хлопчатобумажная промышленность данных государств на 90 % работает на американском сырье, положение может быть катастрофическим. В такой ситуации России выгодно поддерживать одну из сторон конфликта. Скорее Север, так как Юг давно ориентирован на Европу».

— Соглашусь с мнением прессы, — покручивая от скрытого волнения усы, хрипловато проговорил Острено, — но в войну

на стороне Севера втянуться мы не сможем. Силенок кот наплакал. Другое дело — занять среднеазиатские ханства! Поддерживаю гипотезу госпожи Дымовой. Слышал доподлинно, хлопок там произрастает не хуже американского.

— Средняя Азия¹ для Центральной России ближе, чем Америка, — счел нужным поддержать разговор Николай, — с другой стороны, вряд ли удастся мирно договориться с ханами. Слишком они горды и дики.

— Думаю, нашим мнением Петербург не заинтересуется, — резко ответила Лиза. Осторожно отпила остывший чай из миниатюрной фарфоровой чашки, продолжила: — Куда пойдут русские войска, знают наши текстильные фабриканты. У них два пути.

Николай отметил, как вытянулся без того острый подбородок Острено, а Чайковский поджал длинные ноги, словно готовился к прыжку.

— Первый путь, — замечая возросшее внимание мужчин и принимая его на свой счет, продолжала Лиза, — подарить Аляску стороне, выигравшей войну в Америке, тем самым на долгие годы снискать дружбу и гарантированное обеспечение нашим фабрикантам хлопка. Второй путь — отказаться от освоения Дальнего Востока и все силы бросить на Среднюю Азию. Там хлопок-сырец совсем рядом с российским производителем.

— Ну-у, голубушка, — выдохнул напряженно Острено, — не хуже английского лорда закрутили!

— Имеется и третий путь! — вклинился в разговор Дымов.

¹ В Средней Азии в первой половине XIX в. существовали три феодальных ханства — Бухарское, Кокандское, Хивинское и несколько полунезависимых бекств. Население составляли узбеки, туркмены, таджики, казахи, киргизы и каракалпаки, занятые земледелием и скотоводством. В 1864 г. царские войска начали поход в глубь Средней Азии.

Наступила очередь удивиться Острено:

— У вас не семья, а прямо английский парламент!

Николай, не обращая внимания на его шуточный тон, продолжил:

— Укреплять Дальний Восток, Камчатку и Аляску. Не хлопок, а китовый жир определяет сегодняшнее промышленное развитие. Он служит главным энергетиком. Успехи нашей китобойной компании за столь короткое время тому подтверждение. А Российско-американская компания, по моему мнению, допустила серьезную ошибку, направив основные усилия на второстепенные вещи — добычу пушнины и морские перевозки хлопка.

Образ жизни много значит для человека. Дает ощущение мира, формирует, как базис в экономике, его характер. Острено был человеком своей эпохи — безгранично верил в справедливость императора, всеми силами поддерживал существующие устои жизни. Он искренне не понимал, зачем отменять крепостное право, в то же время поддерживал начинающую военную реформу. Выступал за простоту военного устройства: введение удобной формы, отмену многочисленной офицерской и генеральской прислуги¹. Конечно, сегодня ему не понравилось вольнодумство Чайковского. Он считал поляков чем-то вроде евреев, считающих себя народом, наделенным особой миссией на земле. Потому ему захотелось осадить возмутителя порядка:

— Господин прапорщик, вы, кажется поляк?

Якуба передернуло, как затвор винтовки. Вылетевшей пулей прозвучал ответ:

¹ Офицерам полагалась прислуга из числа матросов: генерал-адмиралу — 18 денщиков, адмиралу — 16, капитан-командору — 8, лейтенанту — 2, мичману — один. Также офицер мог взять на корабль прислугу из числа крепостных своего имения.

— Моя Родина в оккупации, мой долг, как всякого патриота, защищать ее независимость!

Жилистое тело польского патриота вытянулось в струну, наклонилось вперед так, что Дымов испугался за товарища, готового вот-вот вывалиться из кресла. Чайковский, похожий на сжатую пружину, медленно разжимался, чеканя стих:

Спал тяжело я, как будто в оковах, но в вещем во сне
 Синее, звездное небо пригрелось мне;
 Каждую яркой звездой, спутницей ночи,
 Жгло мне сквозь веки оно отягченные очи;
 Но терпелив был я, силен и крепок тогда...
 Вдруг в полночи на север скатилась звезда
 И услышал я:
 «Внемлите глас Божий: для божья народа
 Царственно с неба падучей звездой слетает Свобода!...»¹

Чайковский с Острено еще не знали о происшедшем 10 января восстании. В этот день бунтовщики напали на русские гарнизоны, создали Временное национальное правительство и провозгласили независимость Польши. Национальная интеллигенция, помня прошлое превосходство над народами Западной Руси, мечтала снова «полячить и латынить».

В душе Острено боролись два противоречивых чувства от дерзкого ответа бывшего однополчанина: возмущение за оскорбление его патриотических чувств и уважение к смелости поляка. Старый моряк впервые не нашелся, что ответить. Вопрос, неожиданно возникший в ходе сегодняшнего разговора, ставил в тупик. Он не понимал, какая сила двигает людьми,

¹ Стихотворение «Греза» забытого русского поэта Мея Льва Александровича (1822—1862).

заставляя хладнокровно убивать друг друга. Англичан, турок, французов, русских и поляков, отдающих жизни за понятные только им ценности. В памяти всплыли события восьмилетней давности. Последнего дня обороны Севастополя. «Мы однозначно патриоты, защищающие свою родную землю, — рассуждал Острено, — почему же тогда другие люди с не меньшим героизмом желают у нас ее отнять? Зачем многонациональная армия Наполеона вломила без спроса, словно грабитель в чужой дом? Восстает снова и снова Польша. Зачем она нам? Неужели глупые люди не понимают, что никакая идея не может быть ценнее человеческой жизни?»

Мысли Чайковского были намного воинственнее. Он был всецело поглощен будущими событиями. Не видел пути освобождения, кроме вооруженного восстания, понимая: в одиночку полякам не одолеть сильного противника. Но поражение России в Крымской войне поколебало страх и придало уверенности в обязательной военной помощи «союзников» восставшим. Еще в 1861 году Чайковский получил от Ярослава Домбровского, члена варшавского «Центрального национального комитета», предложение вернуться на Родину и принять участие в подготовке восстания. Организация нуждалась в боевом опыте офицеров-поляков. Приложенная к письму программа соответствовала его мировоззрению: упразднение сословий, независимость государства, собственность крестьян на землю, референдум о желании жить вместе среди покоренных ранее украинцев, белорусов и литовцев. Переписка шла вяло по причине гигантского расстояния и противодействия со стороны полиции. Почту вскрывали. Приходилось соблюдать осторожность. Из последнего письма, переданного нарочным, Якуб узнал об аресте Домбровского и получил приглашение возглавить военно-морские силы еще не существующего Польского

государства. Повстанцы как будто знали о его неожиданном богатстве. Якуб понимал, что не одинок в своем патриотическом стремлении. Выражали сочувствие и реально поддерживали поляков оппозиционер Герцен, проживающий в Англии, Петербургский комитет «Земля и воля», тайная русская офицерская революционная организация Андрея Потебни¹. По предложению анархиста Бакунина создавался добровольческий русский легион. Даже Гарибальди захотел участвовать в вооруженной борьбе на стороне восставших.

Острено, используя нападение как защиту, задал, на его взгляд, неприятный для Чайковского вопрос:

— Скажите, прапорщик, а однофамилец, воевавший против нас с вами в Крыму, не ваш родственник? Тот, создавший на деньги осман казачье войско из угнетенных православных для борьбы с их же братьями-славянами!

На Чайковского сравнение с предателем, бывшим российским подданным, переметнувшимся на сторону турок, возымело обратный эффект:

— На самом деле, я принадлежу к знатному в Польше роду шляхтичей Чайковских, чем и горжусь! Но авторитет родителей по наследству не передается, его следует самому заработать.

Кожа на его лице растягивалась, как на боевом барабане, глаза горели нездоровым блеском. Чувствовалось, как внутри этого человека прячется тяжелый недуг, приносящий постоянные страдания. Гордый в своей истине, он продолжал:

— Этот человек, позвольте заметить, не предатель, а патриот. Михаил Илларионович Чайковский участвовал в поль-

¹ Русский офицер Андрей Афанасьевич Потебня, перешедший на сторону восставших поляков в 1862 г. До этого дважды навещал Герцена в Лондоне. Возглавил отряд, принявший участие в восстании 1863 г. Убит у Песковой Скалы в бою с русскими войсками.

ском восстании 1831года. Потерпев поражение, скрывался от царской полиции в Париже и Лондоне. Продолжил борьбу с москалями в османской Турции. Русских в отличие от украинцев и поляков считает народом не славянским. Полукучевым, туранским.

— Чего же этот «патриот» воевал с Россией, которая его кормила и защищала? Поместья и земли не отбирала. Зачем поменял христианскую веру на магометанство, а имя Михаил — на басурманское Садык-Паша? Наконец, к чему пошел войной на единоверцев? — все большее бил Острено.

— Извините, господа, — играющим, как цветная резинка, голосом остановила спорщиков Лиза, — в этой истории существует еще большая тайна, чем патриотизм и предательство.

Мужчины замолчали, с любопытством наблюдая за смелой женщиной.

— Чуть больше года, перед отъездом сюда из Петербурга, слышала про упоминаемого человека. Речь идет о неожиданной встрече его с дочерью ректора Виленского университета Людовикой Снядецкой. Да, как ни странно, на Константинопольском кладбище, где был похоронен в 1828 году ее муж, морской офицер Михаил Корсаков. Он умер от ран, находясь в турецком плену. Тогда шла Русско-турецкая война. С тех пор она там и проживала, ухаживая за могилой возлюбленного. Женщина хранила верность погибшему мужу двадцать лет! Турки не только разрешили ей жить в своей столице, но и по ее просьбе выделили средства на содержание русского кладбища. Бог преподнес ей новые испытания. Мужчину другой веры, врага Родины! Между уставшими в дороге жизни и желающими утешения возникла дружба, переросшая в любовь. Говорят, такой силы, что Чайковский уехал из Турции и перешел снова в православие. Представляете, человек сменил три веры, дан-

ное родителями имя, службу трем государям, чтобы вернуться в православие! По единственной причине, оправдывающей прошлую грешную жизнь, — любовь к женщине! Надеюсь, он получит прощение у Бога и нашего императора за все им содеянное. В трудной дороге он все же нашел праведный путь!

Рассказ о необычной истории любви остановил начинающийся скандал. Чайковский после спасения Лизы из полыньи озера Орель проникся искренним уважением к умной и мужественной женщине, завидуя Дымову и надеясь на встречу с таким же верным и надежным спутником жизни!

К вечеру, за сытным ужином с хорошей рюмкой водки, товарищи позабыли об идейных разногласиях. Не нужно искать союзников, достаточно превратить в единомышленника одного из своих врагов. Это и будет самый преданный товарищ. Сегодняшние противники сошлись в понимании важности хранить прошлые традиции севастопольского боевого братства. Мужская дружба в отличие от женской более стабильна и длительна, но не менее вероломна.

Наутро собирали Чайковского в обратный путь, в Тугур. В сопровождении старого проводника негидальца. Дымов не догадывался о коварном плане своего товарища-акционера, разработанном уже как с полгода, еще в начале тугурской зимовки.

Николай поручил Чайковскому вернуться в поселок и после ледохода привести «Лейтенанта Бошняка» в Николаевский порт для последующего оформления в свою собственность. Таким образом он рассчитывал уйти от штрафных санкцией, которыми пугал Аксенов. К тому же судно стало для него родным. Дымов мечтал во что бы то ни стало оставить его за собой, тем самым поддержать и авторитет Острено, в свое время передавшего судно в китобойную компанию.

Дымов оставался в Николаевске. Лиза к апрелю ожидала ребенка! Крепло желание на время отойти от дел, обустроить семейный очаг. Жене и ребенку нужен свой дом. Рисковать жизнью Лизы он не желал, так же как и эксплуатировать ее любовь к себе! Столкновение с аянским чиновником Аксеновым, шантаж адмиральским званием уважаемого Острено зародили первые сомнения в правильности его теперешней жизни. Но выход из нравственного тупика нашелся. Им стало завещание Бошняка. «Подобным образом, как подбираются к захвату базы в Тугуре, найдут причину отобрать больницы, построенные в благотворительных целях», — думал он с неприязнью, вспоминая жадные глаза Аксенова. Убеждал себя, — «не собственность боюсь потерять, а лишить веры в справедливость обездоленных. Только народ не будет разбираться в причинах обмана, а ему не позволят назвать истинных виновников». Совесть, как последняя крепость, в нем была сильна как никогда. Потому и крепло решение расстаться навсегда с Тугуром и сохранить честь и достоинство. Где будет следующая остановка, Дымов не знал.

Последние события послужили причиной написания обращения к соратникам по китобойному делу, которое передал отъезжающему в Тугур Чайковскому: «Мое окончательно решение оставить дело. В том числе и по семейным обстоятельствам. Мы с женой ждем ребенка! Все условия договора, заключенные между нами в январе 1859 года в Аянском порту, выполнены. Каждый из нас заработал и получил достойную долю. Страховая сумма, оставленная в сан-францисском банке, является собственностью китобойной компании “Тугур”. Решайте, кто ее возглавит из вас троих. Я предлагаю обратить внимание на Отто Линдгольма, нашего молодого рыжего гарпунера. Ввести его в состав акционеров вместо меня. С Чай-

ковским передаю необходимую в таких случаях сумму взноса, за него. Вместе с тем освобождаю его от обязанности ее возврата. Постарайтесь сохранить поселок и наших тугурцев! С наилучшими пожеланиями и удачи в делах. Простите, если был несправедлив! Ваш Николай Дымов. 15 февраля 1864 года, порт Николаевск-на-Амуре».

Человек не может просто раствориться, пропасть. Он связан множеством обязательств перед другими. Еще остается память о его добрых делах, которая служит самым долговечным памятником. Острено с Дымовым и Чайковским не могли предполагать, что стали на Дальнем Востоке игрушкой в руках других людей, часто с чуждыми им интересами. Слова Острено о переориентации на Владивосток и Приморье, сказанные в 1859 году в Аяне во время его первой инспекторской поездки, помогли местным чиновникам откорректировать корыстные планы. Аксенов настроил донос в Петербург в надежде занять место Острено, инспектора над портами Восточного океана. Дымова планировали лишиться бизнеса, а на его место поставить своего человека. Но судьба и Бог не позабыли праведный труд.

17

Прошло два месяца. Ранняя весна в этом году проходила без обычного для сибирских рек весеннего паводка. Наводнения случаются в разгар лета. К двадцатому апреля ледоход пронесло и в районе Николаевска. Чайковский на «Лейтенанте Бошняке» не появлялся. Лиза родила мальчика в конце марта, на пятой неделе Великого поста. В храмах читали акафист в честь Спасителя, Божией Матери и святых, а православные молились о прощении грехов. Начиналось все удачно и благо-

чинно. Казалось, ничто не предвещало беды, но благодать следует рядом с искушением.

Запущенная доносом Аксенова чиновничья машина медленно, но уверенно делала свое дело. Пришло время возвращать судно и заплатить штраф за его нецелевое использование. Острено помогал оттягивать оплату по исполнительному листу. Наконец в середине мая пришло долгожданное известие. В речной порт зашло одно из малых китобойных судов компании «Тугур». От капитана судна Николай получил запечатанный сургучом конверт. Подобный он уже раз держал в руках — в офицерской юности, передавая царское письмо от одного Горчакова другому Горчакову, командующему обороной Севастополя. Хорошо помнил, что оно оказалось тогда роковым для защитников города — армия, способная сдерживать и дальше натиск врага, сдала город без боя. Тревога при виде конверта охватила его и в этот раз. Надломив сургуч, распечатал. Послание гласило: «Н. Дымову. Примите мои извинения, но поступить иначе не имею права. Судно “Лейтенант Бошняк” реквизирую в пользу польской революции и на нем отправляюсь в Англию, где мне предложено сформировать военный флот независимой Польши. Направляю плату за важную для моей Родины покупку в количестве восьми тысяч рублей. Передайте привет Лизе и мои поздравления с рождением сына! Не поминайте лихом! Полковник армии Жонда Народового¹ Якуб Чайковский. 29 марта 1864 года».

Николай, не понимая для себя угрозы, передал бумагу Острено. Тот, прочитав бравурное, как военный марш, письмо разразился площадной бранью в адрес предателя и вора. Дымова предупредил:

¹ В мае 1863 г. создано польское «Национальное правительство» (Жонд Народовы).

— Факт угона судна восставшим поляком является дополнительным и более грозным обвинением против тебя. В секрете долго не удержишь, надобно уходить из России. На время, пока все не уляжется. Твой надсмотрщик Аксенов когда-нибудь узнает. Замучит доносами.

Дымов не давал воли эмоциям, а добросовестно оплатил покупку у государства несуществующего судна, таким образом, прекратив все нежелательные разговоры в свой и Острено адрес. Вместе с сохранением честного имени он приобретал и свободу действий.

Острено просил оставить на его попечение Лизу с маленьким ребенком. Николай упрявился. Жизнь не стоит на месте, часто подобно равнинной реке меняет русло.

В мае же по весенней воде в Николаевск из Иркутска прибыл губернатор Амурской области Николай Васильевич Буссе. Знакомство с ним повлияло на многое в жизни Дымовых. Николай Иванович несколько лет служил при генерал-губернаторе Муравьеве¹ чиновником для особых поручений. Служба под началом «деятельного самодура», каким являлся правитель Восточной Сибири, отложила отпечаток даже на его внешнем виде. Николай Иванович никогда не выпрямлял спину и не смотрел человеку в глаза. Тридцатипятилетний губернатор походил на каторжника, с трудом волокущего за собой чугунное ядро на цепи. Походка его была уверенной, но неестественно тяжелой. Привычка не проявлять без приказа инициативу сделала его характер замкнутым, болезненно осторожным. Буссе успел поработать в экспедиции с Невельским. Видя в нем человека Муравьева, циничный Невельской отпра-

¹ Николай Николаевич Муравьев (1809—1881) — генерал-губернатор Восточной Сибири, после присоединения Приамурья к России граф Амурский. Его усилиями в 1858 г. подписан Айгунский трактат. Создал Сибирское отделение Географического общества.

вил его подальше от себя. С 21 сентября 1852 года по 1 апреля 1853 года он прослужил начальником пустынного острова Сахалин, на котором еще не существовало ни одного русского поселения. Вернувшись в Иркутск, управлял штабом войск Восточной Сибири, с 1858-го стал самым молодым военным губернатором образованной Амурской области. Невельского Буссе недолюбливал как разрушителя сложившихся здесь традиций во взаимоотношениях с начальством. Но за Невельским стоял сам император, потому Геннадий Иванович и был в то время независимой от хозяев края фигурой. Хоть и неудобной. Н.Н. Муравьев сознательно принижал везде, где только возможно, роль Невельского в разрешении «амурского вопроса». Интриги губернатора не прошли даром, ведь Невельской подрывал основу дисциплины, называемую субординацией. Вся слава присоединения огромного края к России была приписана генерал-губернатору Муравьеву.

В силу отдаленности и ответственности губернаторы Камчатки и Восточной Сибири наделялись диктаторскими полномочиями, как Завойко и Муравьев. Невельской с первых шагов пребывания на Дальнем Востоке шел вразрез с традициями угодничества и вассальства. Своими открытиями и не думал, как до него было принято, делиться с начальством. Походил на губернаторов-диктаторов такими же жесткими методами управления подчиненными. Он их просто не видел за своей целью, которая оправдывала средства. Для него не составляло труда отправить лейтенанта Бошняка в зимний поход за триста километров без куска хлеба, назначить капитана Буссе в единственном числе начальником дикого острова в Охотском море. Такие безжалостность и цинизм не приветствовались Буссе. При всем существующем лицемерии он оставался добрым, хотя никогда не стремился к справедливости и правде. При-

вычка выжидать, пускать важные дела на самотек стала его выгодной чертой. Именно за управляемость и сговорчивость бывший губернатор Муравьев ходатайствовал за него как за своего преемника.

Николаевск для Николая Васильевича был чужой территорией, но продолжающий управлять из Петербурга Муравьев обратился с просьбой. Бывший губернатор Восточной Сибири лоббировал экономические интересы своей группы: надо было укрепить позиции в Приморье. Николай Васильевич по привычке не спеша раскладывал по полочкам действия бывшего начальника. Сравнивал их с реальной обстановкой в крае. В результате многомесячных раздумий пришел к разгадке, от которой стало не по себе. Желание лично удостовериться в существовании заговора и привело его на Амур, в Николаевск. Николай Васильевич хорошо знал повадки Муравьева — важное дело начинать с расстановки на значимые посты верных людей. Потому первым пунктом его просьбы было уговорить инспектора над портами Восточного океана капитана первого ранга Острено уступить место капитан-лейтенанту Аксенову, начальнику Аянского порта. Буссе знал, что Николай Григорьевич Аксенов дальний родственник Завойко, от которого, как главного морского судьи, многое зависело в империи. К тому же Завойко состоял в группе великого князя Константина, которой принадлежала Русская Америка и Дальний Восток. Иркутск с «чайной кяхтской торговлей» принадлежал другой группе, и, похоже, начиналось объединение двух кланов. Николаю Васильевичу не хотелось оставаться, как прежде, исполнителем чужой воли — он имел силы на самостоятельную игру.

Буссе интуитивно угадал начало серьезных изменений в политике царского двора. Дело в том, что с открытием Не-

вельским судоходного прохода в Амурском лимане возникало новое выгодное для торговли направление: Япония и Юго-Восточная Азия с Китаем, через незамерзающий порт Владивосток. Охотск с Аяном, Камчатка с Сахалином в данном случае теряли первоначальное значение. Схлопывались и липовые проекты по строительству дороги от Якутска до Охотска, затем до Аяна. Вся эта история могла означать некое согласие и договоренность между двумя конкурирующими группами. Назначение бездарного Аксенова на место деятельного и авторитетного Острено подтверждало догадку Буссе. Нужен был сговорчивый человек, а честный Острено лишь мешал бы созданию очередной схемы отъема государственных денег. Николай Васильевич знал о несправедливом доносе Аксенова на Острено и реакцию Главного военно-морского судьи Завойко. Инспектора ему было совсем не жалко, несмотря на прошлые военные заслуги. Он просто хотел использовать начинающуюся интригу в своих интересах. В беседе с сорокасемилетним губернатором Казакевичем выяснилась интересная деталь. Обсуждали отношения с приграничным Китаем.

— Следует отдать должное министру иностранных дел Горчакову, — говорил Казакевич, — как он осторожно ведет дело в данном направлении. Представляете, русское правительство после 1689 года¹ неоднократно пыталось начать переговоры с Китаем об установлении точных границ. Только в 1858 году генерал-губернатор Муравьев сумел подписать такой договор.

¹ 27 августа (6 сентября) 1689 г. подписан Нерчинский трактат, первый договор, заключённый между Московским государством и Китаем. В 1728 г. условия Нерчинского трактата были подтверждены Бурейским трактатом, который действовал до 1858 г., когда в результате подписания Айгунского и Тянь-Цзинского договоров Россия, по соглашению с Китаем, получила весь левый берег Амура и правый берег Уссури до границы с Кореей.

— Тому есть объяснение, — сказал всезнающий Буссе и живой свидетель события, — ранее китайцы успешно шантажировали нас, то закрывая, то открывая Кяхту для торговли. Вы хорошо понимаете, кяхтинская торговля находилась в руках «второй группы влияния» и считалась прибыльной, дающей государству ежегодно до 1 миллиона рублей дохода.

Казакевич, закинув ногу на ногу, поддержал соратника:

— Именно «чайная отрасль» приносит доход в государственную казну, потому что проходит через российскую границу. Возникает необходимость платить таможенную пошлину. Принадлежащая другой «группе влияния» Российско-американская компания возвращает государству в виде всяких сборов всего лишь чуть больше ста тысяч рублей¹. Эта группа больше ворует и меньше делится с государством. Таможенных пошлин не с чего брать, так как товаров с Аляски в Россию не поступает. Вернее, они есть, но наши приморские порты имеют налоговые каникулы и работают на условиях порто-франко. Дабы не нарушать создавшегося равновесия среди «дворцовых» олигархов, русское правительство ранее и слышать не хотело о создании границы с Китаем. Существовавший хаос с неопределенной границей был выгоден обеим сторонам. Китайцы получали контроль над землями по левую от них сторону Амура. Русское правительство за счет китайской угрозы шантажировало руководство Российско-американской компании в лице великого князя Константина и чайной монополии в лице канцлера Нессерльроде. Таким образом царь выбивал скрытую прибыль с обоих фаворитов.

— Ну да, жестко, как Петр Первый, царь поступить не мог. К тому же канцлер как второе лицо в государстве содержит его

¹ В 1855 г. министр морских сил писал Горчакову: «7484 акции РАК дают в год доход по 18 руб., то есть всего 134 712 руб. серебром. Откладывается в особый капитал 13 471 руб. и для раздачи бедным — 673 руб. Итого — 148 856 руб.».

любовницу. Человек, находящийся в зависимости, становится эгоистом и вынужден быть угожденцем, — необычно смело выступил Буссе.

Таким приемом он подзадоривал честного Казакевича и выводил на еще большую откровенность. Сегодня он был удовлетворен и нисколько не сожалел о проделанном в Николаевск пути. Казакевич раскрыл секрет предстоящих событий. Складывающееся вокруг царя мнение сегодня не на стороне его брата великого князя Константина! Значит, его влияние на край резко уменьшится. Хитрый Буссе почувствовал скорую развязку в накаляющейся интриге. Дабы упрочить доверие, он решился поделиться с Казакевичем информацией о личной жизни августейшей фамилии:

— Константин завел себе официальную любовницу— бывшую балерину Анну Кузнецову, и просил брата разрешения на развод и брак. Александр отказал, хотя и сам живет точно такой же двойной жизнью. Его любовница Екатерина Долгокурова младше на целых двадцать восемь лет.

Информированность и откровенность коллеги поразила Казакевича так сильно, что тот рассказал о желании покинуть пост губернатора и ходатайствовать перед императором о назначении на свое место Буссе. Тогда прагматичный немец сделал исторический ход, чем окончательно привлек на свою сторону губернатора Приморья. Буссе привез в подарок Казакевичу два улья с медоносными пчелиными роями. Таким образом, осуществив давнишнюю мечту умелого хозяйственника и патриота Приморской области контр-адмирала Казакевича. Петр Васильевич планировал обучить местные народы бортничеству. Так случилось, что не сумели медоносные пчелы естественным путем попасть из Европы в Сибирь и на Даль-

ний Восток. Приходилось завозить и организовывать пасечное дело в диком краю¹.

Особой гордостью Буссе были усовершенствованные с его участием разборные ульи, изобретенные Ф. Губером еще в 1789 году. Они были удобны в транспортировке. Новшеством были рамки с готовыми сотами, вставляющиеся в пчелиный домик. Таким образом, производительность пчелиной семьи увеличивалась, а пасечнику это сберегало время на забор меда. Прямолинейный Казакевич искренне благодарил Буссе. Получая такой подарок, он не мог поверить в гулявшие по Приморскому краю слухи о мотовстве, бахвальстве Амурского губернатора. Одну из пародий он многократно слышал и сам же от души смеялся:

Генерал иркутский Буссе
Губернатор в новом вкусе,
Он большой руки оратор
Дипломат, администратор,
Он же и герой!
Весь облит мишурным светом,
Он приехал прошлым летом
С молодой женой.

Петр Васильевич по-отечески относился к чудачествам молодого коллеги-губернатора, таким как покупка в Европе богемского стекла для окон губернаторского дома в Благовещенске или выписанная премия за сорняки — Буссе принял за овощи на грядках казачьих огородов неполотую траву. Знал Казакевич и его безграничную любовь к супруге, младше его на пятнадцать лет, выпускнице иркутского девичьего институ-

¹ Впервые среднерусскую пчелу завезли в Забайкалье в 1851 г.

та Екатерине Матвеевской, и о постигшем молодую семью три года назад несчастье, потере первенца. В свою очередь, Буссе по-хорошему завидовал административным успехам Казакевича: в 1858 году построившего селение Хабаровка, в 1860 году основавшего в заливе Посъета¹ военный пост Владивосток, первые маяки на побережье Японского моря. Особо восхищался он огромным эллингом, где собирался закупленный за границей в разобранном виде пароход. На его зеленом борту золотыми буквами красовалась надпись — «Граф Муравьев-Амурский». То было совместное детище Казакевича и Острено, мечтавших создать на Дальнем Востоке российский судостроительный завод.

С другим участником событий, Острено, Николай Васильевич Буссе тоже сошелся с первой встречи. Так всегда бывает между людьми порядочными. Николай Васильевич сначала выслушал Феофана Христофоровича, делившегося проблемами портового хозяйства — нехватка денег и, главное, специалистов. Николай Васильевич слушал и не находил ответа на свой вопрос — с какой целью начинаются кадровые перестановки в крае? Долгий и неинтересный для Буссе разговор завершился, и мужчины направились в обеденный зал. Терпение, как часто бывает, вознаграждается. Обедали уже вчетвером с Лизой, Дымовым и помощником Буссе, молодым человеком с умными карими глазами. Николаю показалось, что он уже где-то видел его. Лиза опять рассказывала о причинах нового экономического раздела мира по хлопковому вопросу, приводя в пример искусственно провоцируемую Англией Гражданскую войну

¹ Посъет Константин Николаевич (1819—1889) — адмирал, член Географического общества, известный своими плаваниями и исследованиями в Японском море на фрегате «Паллада», которые он совершил в 1852—1855 гг. Именем Посъета назван большой залив в западной части залива Петра Великого.

в США. Николай Васильевич, как выяснилось, и сам был приверженцем такой идеи, что вызвало новые симпатии. Особо он проявил интерес к делам китобойной компании Дымова. Буссе искренне не понимал позицию Русско-американской компании, передавшей, по сути, выгоднейший китобойный бизнес в руки американцев, ограничив себя добычей пушнины и перевозкой хлопка. А бизнес по продаже льда в теплые страны вызвал пренебрежительную усмешку.

Буссе начинал понимать Муравьева, выступающего в последние годы за продажу Аляски. Дела там на самом деле шли неважно, судя по рассказам Дымова.

Неожиданно на Николая Васильевича снизошло озарение! Дело в том, что он во многом подражал китайцам, особенно в системе управления. На руководящие должности назначал недалеких и неподготовленных — тем самым искусственно создавал недовольство, которое единолично разрешал на радость поданным. Отстранял их от должности. Таким незамысловатым способом создавался авторитет вождя. В сегодняшнем случае, получалось, враждующие ранее стороны сумели договориться. Скорое назначение недалекого Аксенова означало близкое решение по продаже Аляски, отчего его значение на Дальнем Востоке многократно возрастает. Не иначе, как ему, Буссе, ставленнику Муравьева, поручат возглавить в скором будущем огромный край на берегу Тихого океана! Каждый чиновник втайне желает реформ, а в реальности их тормозит. Буссе предпочитал власть над Дальним Востоком комфорту Петербурга. Мечтал объединить Восточную Сибирь с Приморьем и стать самым влиятельным фаворитом императора. Ведь таким образом он объединяет «аляскинскую хлопковую группу» с «яхтинской чайной». Он не мог спешить в реализации грандиозного плана, не посоветовавшись с женой. Но, как го-

ворится в грузинской пословице, «что знают двое, то известно и свинье». Совсем скоро он убедится в этой печальной истине.

Догадывался он и еще об одной великосветской интриге. Начинаясь расстановка на ключевые посты сторонников Нессельроде и Муравьева не что иное, как наказание великого князя Константина за просчеты в управлении Польским наместничеством, где разгоралось вооруженное восстание. Шел май 1864 года. Венценосное семейство жило по понятным только им правилам.

Николаю Васильевичу Буссе необходим был свой человек, и никто лучше Николая Дымова не подходил на эту роль. Расположив к себе молодую семью, Буссе попросил Казакевича прекратить всякое преследование тугурской китобойной флотилии, а Дымову выдать охранное письмо на свободное передвижение в пределах Дальнего Востока. Не существовало паспорта в царской империи надежнее такой бумаги¹. Еще губернаторы оформили на Дымова доверенность представлять экономические интересы края в Соединенных Штатах Америки. Данный поступок начальников послужил для Дымова отправной точкой для начала нового жизненного периода. Перед тем, как отправиться в обратный путь, Буссе собрал своих новых друзей в доме Острено. К этому времени Феофан Христофорович уже дал согласие на перевод в Санкт-Петербург, а Казакевич поддержал идею назначения на его место Аксенова. Николай Васильевич блестяще выполнил миссию посредника и торопился в свою столицу, Благовещенск. Он еще должен успеть проинспектировать с десятков казачьих поселков, по его указанию переселенных с поймы Амура. Два года назад их смыло июльское наводнение, после того как от проливных дождей уровень воды в реках поднялся на десять метров. Ни-

¹ С 1803 г. стали выдавать печатные паспорта.

колай Васильевич готовил область к очередному июльскому паводку.

На прощальный ужин в дом инспектора над Восточными портами собрались те же, только Петр Васильевич Казакевич сказался больным. В воздухе витало напряжение, как в темную ночь перед рассветом. Ожидали особого известия от убывающего домой гостя. Предчувствие не подвело. Перед празднично накрытым столом Николай Васильевич произнес необычную речь:

— Мои друзья! Именно так я называю активных и порядочных людей, совсем не случайно оказавшихся на краю Российской империи.

Он поочередно обнял Острено и Дымова. На глазах его предательски выступила слезинка, так был растроган. Подойдя тяжелым шагом к Лизе, нежно поцеловал ее протянутую руку.

— Лизонька, — только и сумел вымолвить Буссе. Белым платком неспешно вытер влагу под глазами. Николай с изумлением заметил на белоснежной материи вышитую пчелу. Точно такую же, как у Невельского и на подаренном Лизой платке — тогда, в самый первый вечер их знакомства, у дома Невельских в Санкт-Петербурге.

Повисла напряженная тишина. Николай Васильевич повернулся к своему помощнику Егору. Обстановку неожиданным образом разрядила цветастая бабочка, залетевшая через открытое окно, и закружила над уставленным яствами столом. Следом с улицы залетела пчела и не раздумывая села на китайский деликатес, сушеную хурму, хранившую прошлогоднюю сладость меда. Николай Васильевич Буссе с любовью смотрел на свое детище — иркутская пчела становилась амурской! Сегодня он мнил себя создателем и человеком, наделенным особыми полномочиями. Ему всегда нравилось вмешиваться

в жизнь людей, нацеливать на будущее. Собирая перед важной задачей подчиненных, он обязательно поощрял, а не ругал: «Сомной вы все будете генералами, как минимум с достойной пенсией». Люди ему верили. Хорошим руководителем он считал умеющего предвидеть!

Наконец Николай Васильевич решился:

— Лизонька, скажите, Геннадий Иванович предупреждал вас о встрече с человеком, имеющим при себе символ летящей пчелы, и о доверии к нему?

Лиза, к изумлению Николая, кивнула в ответ. Николай Васильевич развернул свой платок с изображением пчелы.

— Дети мои, наберитесь мужества и послушайте старого слугу Царя и Отечества, — скорбно обратился он к еще не присевшим за стол гостям.

— История сама по себе не нова! — загадочно начал рассказчик. — Между мужчиной и женщиной часто вспыхивает страсть, не всегда переходящая в любовь. Ее насылают на человека дьявол, с целью проверить, испытать. Не все справляются сами с собой. Подобное произошло в 1840 году между женой охотского полицейского и молодым прапорщиком Орловым. Порочная страсть привела к самому страшному, что вообще может случиться. Жена отравила мужа! Тот умер в страшных мучениях, оставив двоих маленьких деток. Мальчика и девочку, погодков. Преступление через два года раскрылось. Первым в сговоре признался Орлов. Говорят, сильно мучила совесть.

Николай Васильевич замолчал, услышав возглас удивления, но вопроса не последовало.

— Да, именно тот самый пару лет назад умерший в Аяне капитан Орлов! Мой старый приятель по экспедиции Геннадия Ивановича Невельского. Человек непростой, но сумевший признать грехи и заплатить за них слишком высокую цену,

пройдя путь от каторжника до известного исследователя нашего края. Начальник Охотской фактории капитан-лейтенант Завойко подобрал его, поверил ему. С тех пор Орлов стал самым верным его слугой.

— Что же дети и мать, какова их судьба? — первой не выдержала Лиза.

— Дети? Ах, дети! — встрепенулся рассказчик, словно боялся чего-то. — Их этапировали вместе с матерью в Иркутск. Там следствие завершилось. Там она и сидела в остроге, преданная любовником и осужденная на вечную каторгу судом. Бедная женщина недолго мучилась, через год умерла. Точно так же, как впоследствии умер предавший ее любовник. От голодной смерти. Сама себе объявила голодовку. Не руки наложила, а отказалась от пищи. Не знаю, страсть или все же любовь у них была? Хотя любовь и не является смертельной болезнью! Но может случиться...

Молодой губернатор загадочно обвел взглядом присутствующих. Остроно презрительно дернул подбородком, а Николай с Лизой еще крепче сжали руки.

— Только, похоже, она разгадала в себе любовь первой, а Орлов через много лет, раз умерли одной смертью. Судьба малолетних детей решилась благодаря любопытному случаю. В этот год у нашего теперешнего владыки Иннокентия умерла жена. Принимая обет безбрачия, любящий муж в знак верности единственной женщине постригся в монахи. Как раз в период его пребывания в Иркутске. История в ту пору нашумевшая, и новоявленный владыка хлопочет перед иркутским губернатором Муравьевым и Камчатским Завойко о взятии попечительства над малютками. Находясь в непримиримой вражде, оба губернатора уважили авторитетного Иннокентия. Мальчика из иркутского приюта забирает Муравьев, а девочку

Завойко. Вот мы подошли к самому главному. В дальнейшем над девочкой опекунство взял Невельской, а я над мальчиком. Как понимаете, той девчушкой была наша Лиза! В амурской экспедиции мы с Геннадием Ивановичем и придумали знак, по которому брат узнает сестру. А теперь, дети мои, покажите свои приметны.

Буссе не мог сказать в своей красивой речи об истинной цели высоконравственного поступка новоиспеченного владыки. Иннокентием в то время двигало элементарное чувство выгоды, которую он хотел получить, примирив таким образом двух своевольных «диктаторов». Отчасти у него это получилось. Каждый из них с этого момента считал его своим, отчего авторитет православного пастыря в крае возродился, а власть упрочилась. Она, как изобретенный компас для испанцев, позволила ему открывать новые земли и обращать язычников в православную веру.

Первым, словно ждал приглашения, откликнулся Егор. Не сразу снял с трудом соскальзывающий с пальца тяжелый серебряный перстень с рисунком пчелы. С осторожностью, как ценный груз, передал Лизе. Молодая женщина, взяв перстень, утерла выступившие слезы носовым платком с золотистой пчелой. Словно великую драгоценность передала носовой платок брату. Молодые люди не справились с эмоциями и бросились друг другу в объятия.

Символ желтой пчелы ожил во плоти — амурская пчела продолжала сосредоточенно жужжать над сладким столом.

— Кто же их отец? — голосом, не терпящим возражения, неожиданно спросил Феофан Христофорович. Кроме него всем и так это было ясно.

Брат с сестрой ненадолго разжали объятия. Николай Васильевич с ответом не спешил. Отвернулся в сторону красного

угла и медленно перекрестился на стоящую там икону. В ожидании волнующего ответа брат с сестрой, держась за руки, так же подошли к иконе. Перекрестившись, глубоко поклонились, в благодарность за счастливое воссоединение.

Буссе величественно повернулся в их сторону и произнес:

— Вашим отцом является дворянин капитан второго ранга Орлов! Да, указ императора о присвоении очередного воинского чина настиг его уже после смерти, а во дворянстве он восстановлен за исследовательский труд во славу Царя и Отечества нашего Российского! Данное звание передается вам, его детям, со всеми вытекающими отсюда привилегиями.

Для Буссе с Острено принадлежность к сословию служила обязательным условием жизни, незыблемым, как береговые скалы. Только Николаю с Лизой до их предрассудков не было дела. Они знали, что есть ценности ложные и настоящие. Любовь в этой шкале занимала особое место.

Не упустил возможности удовлетворить свой интерес и Николай Дымов. Он спросил Буссе про значение символа пчелы, который они с Невельским выбрали в качестве тайного знака. Николай Васильевич в очередной раз поразил присутствующих глубиной знаний и завораживающей таинственностью:

— Пчелу называют душой, перелетающей в Царство Божие! Символ ее используют с древних времен в качестве особого божественного знака. Египетские фараоны и даже секта убийц-ассасинов, называемых на Западе катарами. Пчела символизировала для них тайну оплодотворения без физического контакта. Мы заимствовали рисунок летящей пчелы, как знак надежды на воссоединение брата и сестры. К тому же фамильным гербом Буссе так же, как и символом Девы Марии, является пчела!

В начале июля военное судно сибирской флотилии, зайдя в порт Николаевское, взяло на борт Дымова и его жену с трех-

месячным ребенком. С ними находился новоявленный брат Лизы, Егор. Их путь лежал в Тугурский залив. Там они пересели на китобойное судно, предварительно забрав из пещеры запасы амбры, чтобы направиться в Сан-Франциско.

А в Петербурге примерно в то же самое время произошло одно интересное событие.

Только что закончилось заседание Географического общества. Доклад делал нагловато-щеголеватый молодой, лет тридцати, чиновник. Сыпал цифрами о невыгодности содержания за счет казны Русской Америки.

— Прежде всего, демографический фактор: собственно русское поселение не растет в необходимых для колонизации масштабах. В среднем численность русских на Аляске можно оценить примерно в 550 человек: максимум 823 человека приходилось на 1839 год. Правительство опасается слишком большой и вольной колонизации американской территории, да и сама Российско-американская компания также не стремится к этому. Сказываются и трудности транспортировки людей к далеким берегам. Определенную роль играет невозможность развития пашенного земледелия на Аляске. Половина существовавших в Америке русских поселений представляет собой незначительные населенные пункты, где проживает от одного до трех русских жителей. Естественно, малочисленное и разрозненное население не может должным образом освоить обширные территории Аляски.

Никто уже и не сомневался в принятом на самом верху решении. Было понятно, что тем самым великий князь Константин окончательно проигрывает канцлеру Нессельроде и его чайно-хлопковой мафии. Вопрос считался решенным и потому, что ранее правительство в спешном порядке, утроив дав-

ление на китайского императора, заключало Нерчинский договор о границе по Амуру.

После окончания доклада старый адмирал неожиданно подошел к новому любимчику царя. С ходу взял его за среднюю пуговицу мундира, словно боялся, что тот уйдет. Молодой чиновник свысока смотрел на коротышку-толстяка с рябым от оспы лицом, оттопырив нижнюю губу в презрении и превосходстве. Что ему мог сделать ветеран, живущий на жалкую военную пенсию, пусть и повышенную в две тысячи рублей в год. Он только за сделку по Аляске планировал получить сто пятьдесят тысяч рублей призовых. Никогда не понять преуспевающим богатеям и гражданским чиновникам военного человека по одной причине: одни служат за деньги, как наемники у быстро меняющихся фаворитов, а другие служат народу. Несмотря на такое весомое противоречие, они нуждаются друг в друге. Их объединяет искренняя вера в своих кумиров, да еще странная любовь к императору. Любовь безгранична, так же как и ненависть разлюбившего. Потому вождя в России чтят и с таким же восторгом сбрасывают с пьедестала.

Между тем, не сказав ни слова, старый адмирал вырвал с мясом золотую пуговицу мундира и бросил ее под ноги молодому вельможе.

Этим смелым «броненосцем» был Геннадий Иванович Невельской. Дерзкий его поступок служил немым протестом против творящегося беспредела и лицемерия царских чиновников. Былые заслуги поросли быльем! Старый вояка был заложником благополучия своей семьи, зависящей от правительства, от того самого молодого вельможи.

А в кулуарах собрания обсуждали нерадостные новости из Польши, где набирало силу вооруженное восстание. Делились слухами о заговоре Англии против России, приводя в пример

ее участие в создании польского военного флота и поставок восставшим современному вооружения. Одобряли действия министра иностранных дел Горчакова по поддержке в Гражданской войне Северных Штатов Америки как противовеса английской мировой экспансии. Шепотом ругали правительство за очередной миллионный кредит, взятый у английских же банкиров. Верна пословица о левой руке, не ведающей, что творит правая.

18

Николай Васильевич Буссе имел привычку в летние субботние вечера гулять с женою по первой улице города, Релочной. Красавица заботливо отгоняла от лица мужа веткой черемухи стаи комаров. Укусы насекомых вызывали у него аллергическую реакцию. Дома обкуривали комаров дымом от сухого лошадиного навоза, запах которого вызывал у него тошноту. Губернатор страдал, но вынужден был терпеть неудобства. Он позировал, но в то же время таким нехитрым способом поддерживал свое единение с горожанами, понимая, как важно в подданных вселить уверенность. Подобному отношению к людям научил опыт, полученный благодаря Невельскому, отправившему его в сопровождении трех казаков управлять пустынным островом Сахалин. Николай Васильевич сохранил чувство собственного достоинства и еще сумел выжить. С тех пор, словно заглаживая вину прежнего начальника, он стал относиться к простым людям мягче, заботился о них. Но доверял только одному человеку: своей жене, которую боготворил.

Между тем город на реке Зея становился центром торговли благодаря своевременно принятым губернатором мерам. По его ходатайству император освободил горожан от всех налогов

и повинностей, в том числе и от рекрутства. Как грибы росли построенные китайцами магазины, где складировались горы проса, ячменя, риса, овса, гречки для отправления в Николаевск и по всему Приморью. Вот только казаки и переселенные крестьяне никак не хотели самостоятельно вести торговое дело. Все больше ходили в приказчиках у китайцев. Конкурировать с предприимчивыми китайцами на самом деле было сложно. Только они одни могли купить за три рубля в Благовещенске соболиную шкурку, а продать у себя на родине уже за двадцать рублей!

Губернатор не уставая прививал жителям, каждый десятый из которых был ссыльным, нравственность и стремление трудиться. Доходило до абсурда: Буссе придумывал призы для поощрения огородничества, заставлял кипятить воду при приготовлении пищи и мыться раз неделю в бане. Тому были свои причины. Боялись чумы, эпидемия которой вспыхнула еще в 1860 году в соседнем Китае¹.

И усилия оказались не напрасны. Население основанного в 1858 году города за восемь лет губернаторства Буссе, увеличилось со ста человек до двух тысяч. Стремительному развитию способствовал странный факт: тогдашний владыка Иннокентий выбирает почему-то именно поселение на реке Зея центром огромной епархии, простирающейся от Аляски до Якутска. Границы православных владений не совпадают с государственным территориальным делением. В 1862 году Иннокентий возводит свою резиденцию на берегу реки в 4 верстах от города, в березовой роще, и освящает храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Нужно было знать непро-

¹ Болезнь свирепствовала 20 лет по портовым городам всего мира. За это время от нее умерло около 10 миллионов человек.

стую судьбу владыки, чтобы понять его намерения и разгадать причину такого необычного названия города — Благовещенск. Родившийся в 1797 году в семье деревенского пономаря Иркутской епархии Иван Попов рано потерял родителей. Родной дядя отдал юношу в Иркутскую семинарию, где ему дали новую фамилию — Вениаминов, в честь почившего епископа Иркутского Вениамина. Так будущий святитель получил первый миссионерский опыт. Он его часто будет использовать, давая русские имена туземцам при крещении. В двадцать лет, по выпуску из семинарии женится на дочери священника. От брака по любви рождается двое детей. Самые счастливые годы будущий владыка проводит священником Градо-Иркутской Благовещенской церкви. Семейная идиллия длилась шесть лет. В 1823 году отца Иоанна Вениаминова отправляют вместе с семьей на Аляскинскую Уналашку, затем на остров Ситха в г. Ново-Архангельск — центр русских владений в Северной Америке. Назначение против его воли, но ставшее судьбоносным. Именно в новых далеких от родины местах открывается талант исследователя природы, миссионера, подвижника и защитника простого человека. Там он создает на основе кириллицы алеутский алфавит! В Русской Америке он прожил 16 лет, пока не выехал с женой в Иркутск, где она внезапно умерла. Отец Иоанн был так сильно потрясен неожиданной смертью молодой женщины, что в возрасте сорока трех лет принял монашеский постриг с именем Иннокентий. Даже «отказался» от детей, отдавая их на воспитание чужим людям. Церковное начальство моментально отреагировало, оценив поступок по своему, назначив его на следующий 1840 год епископом Камчатским, Курильским и Алеутским. В 1862 году Иннокентий переезжает в Благовещенск. Буссе было у кого поучиться широте взглядов. Оттого и родилась мысль стать губернатором огромной территории от Иркутска до Аляски.

Не могут два одинаковых характера мирно сосуществовать, да еще такие активные, как губернатор Буссе и архиепископ Иннокентий. Ко всему прочему Буссе являлся лютеранином и в православный храм не заходил. Потому и встречались «владыки края» часто на нейтральной территории. Они решали крупные вопросы и ругались по мелочам. Вот и сегодня, прогуливаясь по Релочной, Николай Васильевич надеялся «случайно встретить» своего архиепископа. Буссе хотел просить Иннокентия открыть новую школу для детей, а без прилюдного благословения владыки не обойтись. Любил детей владыка, часто повторяя: «школа есть преддверие церкви». Взамен губернатор был готов на все лето выделить гарнизонных солдат на строительство речного судна-храма, на котором Владыка собирался отправиться в миссионерское плавание по Амуру. Ожидания не оправдались. Вместо наместника церкви нагрянул вестник смерти!

Скорым шагом навстречу им двигался одинокий человек в казачьей форме. Полы форменного черного кафтана чистили пыльные хромовые сапоги. Никто из губернаторского окружения не обратил внимания, что всегда подтянутый и по форме одетый пожилой адъютант в этот раз без головного убора. Остановившись напротив Буссе, адъютант не обращая внимания на окружающих проговорил упавшим голосом:

— Беда, Николай Васильевич! Коля и Софья задышались. Уж посинели. Детки!

Ничто не предвещало беды. Уходя час назад на прогулку, он помнил, как двухлетний сын и годовалая дочь прекрасно себя чувствовали. Буссе, не обращая внимания на громкие всхлипывания жены, бросился домой. Безвинные, нежные личики детей сначала внушили надежду на выздоровление. Чем дольше он в них всматривался, тем больше понимал глубину их

с женой несчастья. То была вторая смерть самых близких за пять лет его жизни в Благовещенске. Первая девочка умерла от простуды. Сначала растерянность, затем бессилие томили сердце. Он с сожалением смотрел на рыдающую и мечущую от одной детской кровати к другой жену и не мог плакать. Помощи ждать от Бога было уже поздно. Тревога снова усилилась, когда он увидел подругу жены, с начала лета приехавшую к ним с маленьким ребенком из Охотска. То была Мария, жена недавно назначенного вместо Острено Николая Григорьевича Аксенова. Буссе приютил у себя дома женщину. Ее муж, инспектор над Восточными портами капитан второго ранга Аксенов, часто был в разъездах. Они поселились в Благовещенске на время, пока ребенок не окрепнет, достигнув трехлетнего возраста. Вспомнил, как она привезла целебный настой, которым раз в неделю по чайной ложке поила своего годовалого сына и его детей. Неприятно было наблюдать процедуру приготовления «огневки». Извивающиеся личинки восковой моли¹ заливались кипяченым молоком и в таком виде настаивались. Лекарство и в самом деле помогало при простуде. Только никто тогда не обратил внимания на его побочный эффект, подзвонительную сыпь вокруг горла маленьких Буссе.

К вечеру впервые порог губернаторского дома переступает владыка Иннокентий. Лютеранин Буссе, направляемый неведомой силой, склоняется в поклоне благословения. Шестидесятивосьмилетний владыка покрывает его голову жилистой рукой, а правой размашисто, словно расписываясь на письме, осеняет крестным знамением. Потом они долго беседует один на один. Прощаясь, громкий голос владыки, поколебал траурную тишину скорбящего дома:

¹ Личинки выделяют церразу, вещество, растворяющее воск. Моль сжирает с воском и паразитов, очищая улей. Пчелы со временем возвращаются в покинутый дом.

— Мерилом святости является искренняя любовь к Богу и к людям, любовь, которая побеждает все! Однажды Господь меня позвал, и я отозвался на его призыв. Он не брал меня силой, не принуждал, а терпеливо ждал, когда я распахну ему свое сердце навстречу. Жди, и тебя в назначенный час позовут.

Что имел в виду владыка, мог знать только один Буссе, который в тот же день пишет прошение об отставке с поста губернатора по состоянию здоровья.

Ответ с удовлетворением его просьбы приходит необычно быстро, к началу весны следующего года. Первый амурский губернатор душным июньским утром покидает навсегда Благовещенск. На первой же станции его кусает в шею пчела. Неожиданно лицо бывшего губернатора покрывается красной сыпью, потом становится серым, как старая газета. Он задыхается. Наступает анафилактический шок, тяжелейшая форма аллергической реакции. На пчелиный яд таким образом реагирует менее одного процента людей, но Буссе оказался в числе тех, для кого укус пчелы смертелен. Только тогда раскрылась причина гибели его детей. Аллергия по наследству передалась от отца к детям. Получается, что с тех пор, как они начали принимать настой огневки, их смерть была неминуема и предрешена. О предрасположенности Буссе к аллергии знали только Невельской с Муравьевым и владыка Иннокентий. Возможно, первый амурский губернатор разгадал тайну последующего развития событий на Дальнем Востоке и стал неудобен?

После смерти Буссе военным амурским губернатором назначается никому не известный тридцатитрехлетний казачий капитан Иван Константинович Педашенко — с одновременным производством его в генерал-майоры. Аксенов, кому прочили это знаковое место, определяется командиром Владивостокского военного порта, но ввиду «безудержного пьянства

и непрекращающейся склонности к воровству» получит скорую отставку с выходом на достойную пенсию. Его «попечитель» адмирал Завойко перед этими событиями так же покидает свой пост главного военно-морского судьи.

Кто-то старательно убирал свидетелей недавнего великого прошлого освоения громадного края¹. А в 1867 году Россия и США подписали договор о продаже Аляски. Следом министр иностранных дел А.М. Горчаков получает высший чин империи — государственного канцлера. Так исполняется его детская честолюбивая мечта. Яда с собой, стимулирующего его карьеризм, он больше не носит. Он им потчует конкурентов. Через год владыка Иннокентий неожиданно назначается митрополитом Московским и Коломенским.

19

Глава английской китобойной компании Кингскот, ценивший риск и пренебрежительно относившийся к чужой жизни, испытывал новое паровое китобойное судно. Его скорость и маневренность намного превосходили отживающие свой век парусные шхуны с безобразными маслотопками на верхней палубе. Длина нового судна составляла 28 и 4,5 метра в ширину. Полное водоизмещение в 86 тонн. Двигатель обеспечивал скорость до 10 узлов. Экипаж состоял из греческих националистов. Кингскот держал данное несколько лет назад в Праге

¹ Г.И. Шелихову (основатель Российско-американской компании) и Н.П. Резанову (дипломат, предприниматель, герой современного мюзикла «Юнона и Авось») не было и пятидесяти, когда они внезапно скончались. В разное время, но в одном месте — в Иркутске, столице края. Молва обвиняла жену главы РАК в отравлении мужа. Существует еще одна версия — политическое убийство. С дороги, идущей в столицу империи, убивали конкурентов, способных занять место фаворитов возле императора. Чем выше к власти, тем теснее на ее пьедестале.

слово о финансовой поддержке восстания против турок в провинции Кандия (остров Крит). Дело в том, что в 1830 году Османская империя в Лондоне признала независимость Королевства Греции, а остров, плотно заселенный греками, оставила себе. Население острова желало воссоединения со своей исторической родиной. Великобритания умело манипулировала страстями османов и греков, снижая влияние России в Средиземноморье.

Корабль, вооруженный новой помповой гарпунной пушкой, имел на борту и настоящее орудие. Потому Кингскот «шалил» в прибрежных водах Охотского моря, не боясь наказания. Капитан верил своему кораблю и надеялся на его скорость. Двух китов уже взяли, вытопив жир на одном из Шантарских островов. Трюмные помещения заполнились бочками с ворванью. Жадность и расчетливость хозяина компании не имела границ. Не таясь кораблей прибрежной охраны, шли к Малому Шантару в поисках очередной жертвы.

На море стоял легкий бриз. Удивительно ярко светило солнце, и люди спешили воспользоваться коротким затишьем. Навстречу постоянно попадались огромные льдины, дрейфующие в океан. Рулевой умело их обходил. Наконец показался пролив, затянутый пеленой тумана, похожим на дым горящего торфяника. Но к нему идти нельзя. Особенность здешнего климата — где туман, там и ледяные поля. Предостережение оправдывается: в тумане прямо по курсу возникает огромная скала, один из мысов острова Малый Шантар. Над ее зеленоватой поверхностью кружится множество птиц. Их хаотичные крики достигают слуха людей.

Монотонно работают механизмы парового двигателя. Судно медленно движется вдоль береговой линии Малого Шантара, не решаясь подойти к берегу, прочно забитому ледяным

прибоем. Льды, водовороты и сулои¹ — постоянные спутники мореходов этих мест.

На верхней палубе под серым тентом, наслаждаясь морской прохладой, мирно пьют виски двое мужчин. Один, высокий и жилистый, одетый в модный белый свитер из шерсти ангорской козы, раскачивался в плетеном кресле. Жесткий северный ветер беспрестанно треплет его рыжие волосы, но они упрямо держат прическу с пробором посередине. Другой, на деревянной табуретке, — начинающий полнеть тридцатилетний мужчина. Хищный, с горбинкой нос не сочетался с тонкой ниточной его губ, говорящей о вспыльчивости и одновременно покорности характера. Кингскот лениво потягивал виски, надменно поглядывая на капитана, грека Зозимоса. Его имя, непривычное для моряка, значит «оставшийся в живых».

— Английские и американские китобои договорились еще пять лет назад не закупать китовый жир у русских, — неспешно выговаривал Кингскот, — млекопитающих не так много, как кажется. На всех ресурсов не хватит. Важно понимать: лишая конкурентов сырья, мы тем самым получаем мощное оружие влияния на конечную цену товара. А это китовый газ, жир, удобрения. Таким образом, другие страны попадают в зависимость. Их богатство становится нашим! Тогда вступают на арену другие силы, подготовленные в наших гуманитарных вузах — политики, которые начнут создавать выгодные нам законы и управлять туземными народами. Если такой сценарий по какой-то причине не сработает, другие наши, подготовленные в технических и военных учебных заведениях, возьмутся за дело. Силой современного и мощного оружия принудят второсортные народы подчиняться.

Кингскот откинулся в кресле. Уверенный и сильный, явно красовался своим начальствующим положением перед капи-

¹ Взбросы воды при столкновении разнонаправленных течений.

таном одного из своих многочисленных китобойных судов. Подняв стакан из толстого стекла с крепким напитком, он произнес:

— За Владычицу морей и ее королеву!

Зозимос завидовал успешности шефа, который от других богатых людей отличался подчеркнутой независимостью, словно посланник Бога на земле. Одновременно грек его боялся за жестокость и уважал за умение держать однажды данное слово.

Идиллия самовлюбленности Кингскота, наступающая обычно после первой бутылки шотландского виски, оборвалась предупредительным криком дозорного. На горизонте показалось парусное судно. Моряки без труда определили национальную принадлежность встречного корабля. Кингскоту захотелось показать свою силу и превосходство перед экипажем русского китобоя. Он отдал капитану команду на сближение, надеясь поиграть на нервах у тихоходной цели. Как кошка с мышкой. Мощные машины вышли на средний ход, и корабль быстро сблизился со встречным судном. Кингскот стоял рядом с рулевым, лицом навстречу прохладе. От поднимаемых форштевнем волн летали мелкие брызги, бодря людей на палубе. Еще мгновение, и суда сблизились на опасное расстояние. Не отворачивая, со скоростью падающего вниз на добычу коршуна, летели нос в нос. Капитан-грек зажмурился, не решаясь вмешиваться в команды хозяина. Он представил, как обшитый сталью форштевень его корабля врежется в деревянный борт китобоя. От удара на его голову повалятся мачты с чужого судна, паровой котел вскипит, а затем обязательно взорвется. Инстинктивно, боясь вылететь за борт, он вцепился в стальной трос леерного ограждения. В эту же секунду прозвучала спасительная команда Кингскота: «Отводи, руль впра-

во!» Корабль сильно накренился, отчего по палубе покатились незакрепленная бочка и кресло хозяина. Их задержало бортовое ограждение. Капитан же с суеверным ужасом наблюдал за бутылкой из-под виски, уверенно катящейся к стальному кнехту¹. Падение за борт пустой тары означало одно — предстоящие неприятности! Но она не упала в море, а откатилась под ноги Кингскоту. Тот с силой пнул бутылку, и она ударилась о металлическое основание корабельной трубы. Удар был такой силы, что множество мелких осколков разлетелись по деревянной палубе. Капитан облегченно вздохнул. Столкновения судов не случилось, но разбитое стекло предвещало чью-то гибель! Новая команда: «Отводи влево! Одерживай!», — вывела его из оцепенения. Суда на короткое мгновение оказались борт к борту, следуя противоположными курсами. На чужом судне Зозимос увидел дружелюбно махавшего рукой высокого юношу в белоснежной рубахе. Рядом с ним стояла молодая женщина в светло-голубом платье. На ее руках покоился сверток — младенец. На секунду глаза женщины встретились с его взглядом. В сознании искрой от костра вспыхнуло озарение и погасло. Грек однажды видел эту женщину! Много лет назад, в пражском ресторанчике, что на Славянском острове. Именно в тот день он сидел в компании Кингскота, который убеждал делегатов-славян не сотрудничать с русским правительством в деле освобождения от турецкого владычества. Капитан поверил англичанину, и с тех пор они вместе.

Секундные воспоминания прервал звук громко треснувшей ветки, как бывает в засохшем, умирающем саду. Перед этим юноша зачем-то закрыл собою женщину. На его белоснежной груди отчетливо выступило красное пятно. С быстротой

¹ Кнехт, парная металлическая тумба с общим основанием на палубе судна для крепления тросов.

удаляющих друг от друга судов росло в размерах и странное пятно. Капитан в растерянности, еще не понимая случившегося, взглянул на Кингскота. В правой руке англичанин держал опущенный револьвер. Из ствола еле заметной струйкой тянул пороховой дымок. Его скуластое лицо посерело, а взгляд равнодушно провожал корму быстро удаляющегося в сторону океана китобоя. Именно так лейтенант Кингскот, девять лет назад, в августе 1855 года наблюдал за кавказским соколом, парящим с добычей в когтях над колоннами двигающихся в сторону Севастополя войск. Человеческая жизнь для него не имела никакого значения! Он знал, что людьми управляет страх за жизнь. Сегодня он в очередной раз ставил безжалостный эксперимент, веря в свою безнаказанность.

Кингскот, не обращая внимания на пытавшегося что-то ему сказать капитана-грека, отдал команду в машинное отделение: «Полный вперед!»

Корабль-убийца, как шакал, своровавший у льва кусок мяса, убежал в сторону туманного пролива. Лопасты стального винта оставляли за кормой бурун белой воды, из трубы валил густой черный дым. Зозимос боялся тумана, предупреждающего о ледовом поле, наскочить на которое означает неминуемую гибель судна. Но он уже не управлял. Кингскот, уверовавший в свою исключительность и неподсудность, лихо вводил судно в очередное рискованное предприятие. Он привык разговаривать со смертью, но не знал о времени ее прихода.

Убитым пулей, предназначавшейся сестре, был Егор Орлов. Так роковой случай оборвал жизнь еще мало что успевшего и не подозревающего о людском коварстве юноши. Егор видел направленное в сторону сестры оружие и закрыл ее собой.

Тело Егора Орлова, зашитое в белую парусину, поглотили бездонные воды Тихого океана. Китобойное судно в трауре по

невинно погибшему следовало прежним курсом. На американский порт Сан-Франциско. Необъяснимое убийство юноши выстрелом с проходящего судна вызвало негодование экипажа русского китобоя. Старый моряк собравшимся после похорон на корме китобоям рассказывал утешительную притчу о зреющей злой воле и невозможности ей прекословить.

«Двое монахов направились в другой монастырь. Путь пешком небыстрый, в два дня. На середине дороги застала ночь. Зябко и дождливо, но на пути теплом светятся окна дома. Хозяин встретил путников радушно. Напоил и накормил, спать уложил. Рано утром покинули гостеприимных хозяев, а пожилой монах возьми и брось зажженную спичку в стог сена, рядом с домом. Через некоторое время усадьба запылала. На вопрос, — зачем ты сделал дурное, бедным людям, накормивших нас последним? — поджигатель промолчал.

Без слов прошли путь, но под конец заплутались. Навстречу бежал маленький мальчик. Злодей-монах просит показать тропинку к монастырю. Мальчик услужливо выводит путников на берег реки, где с высокого обрыва виднеются купола монастырских церквей. А тот же монах-поджигатель неожиданно сталкивает ребенка с обрыва. Другой монах в недоумении — зачем убил ребенка? Он же еще и жизни-то не видел.

Монах, “поджигатель и убийца”, отвечает спокойно: “Никто на земле не может знать своего будущего, кроме Бога и его слуг, Ангелов. В первом случае, на пепелищах сгоревшего старого дома, хозяин обнаружит богатый клад. На эти деньги построит семье новый большой дом и будет жить богато и счастливо. Потому, что он хороший, трудолюбивый и добрый человек. Вот таким образом я его отблагодарил! А с мальчиком? Увидел видение, где он, взрослый мужчина, убивает свою жену и детей. Просто так, беспричинно. Потому я посчитал лучше лишить

одной жизни, пусть и ребенка, чем он отнимет десять жизней в последующем”. Мораль сей сказки такова: человек предполагает, а Бог располагает!»

Возможно, Егор Орлов повторил бы участь своих несчастных родителей. Судьба, приведя его к одному року, отвела от другого.

По прибытии к новому месту Дымовы напрямик из порта направились в тот самый трактир с гостиницей, где русские моряки останавливались в прошлый раз. Николай надеялся, что за долгое время их отсутствия исчезли злосчастные клопы, когда-то мучившее их с Семеном Тарбеевым.

Им радушно предоставили комнату, накормили обедом. Николай с удовлетворением отметил отсутствие клопов в номере, но их место заняли полчища тараканов. В этот раз шуточной отреагировала Лиза:

— Здесь живут богатые люди, ведь у бедных тараканам нечем поживиться.

А на ужине, в трактире, к Николаю обратился нетрезвый гражданин:

— Позвольте обратиться. Пока пьян. Трезвым бы и не решился беспокоить.

Лиза грудью кормила ребенка, не обратила внимания на культурное приставание выпивохи. Николай, напротив, проявил интерес к случайному посетителю:

— Извините, кажется, я вас где-то уже видел.

Хорошо набравшийся мужчина уставился на Дымова стеклянными глазами. С полминуты смотрел не мигая, а затем хлопнул себя со всей силы по рыжей копне волос. «Николай! Русский китобой», — прокричал на весь зал. Так просто произошла встреча с тем самым рыжим драчуном. Ирландец, посто-

янно извиняясь перед Лизой, не умолкал. Из его сбивчивого рассказа Николай понял, что Семен Тарбеев жив!

Рано утром рыжий ирландец зашел за Дымовым, чтобы проводить в мэрию города. Ботинки пачкал серый известняк, размоченный ночным дождем. Солнце припекало, отчего обувь быстро покрылась белой коркой. Николаю становилось жалко парня, мучающегося утренним похмельем. У попавшейся на пути закусочной выпили по кружке холодного пива. Солнце сразу же стало светить добрее, а дорога показалась легкой.

Вышли на площадь, которая нисколько не изменилась со времени их последнего визита в Сан-Франциско. С высоты холма стало видно, что город сильно разросся за три года. В воздухе висела гарь, вызывающая с непривычки рвоту. Но это был совсем другой запах, чем от перетопленного китового жира. Пахло тухлыми яйцами так сильно и отвратно, что хотелось просто броситься с обрыва в море. Миновали каменное крыльцо деревянного здания администрации города. Николай помнил, как в ее залах Питер Харрис рассказывал с упоением о прелестях американской демократии и народной мечте. Ирландец между тем осторожно коснулся входной двери. Из приоткрытой щели повалил клубами сизый табачный дым. Николай нырнул в его клубы и очутился пред огромным портретом американского президента Авраама Линкольна.

На него изучающе, но доброжелательно глядел восседающий за массивным дубовым столом человек в синей форме американской регулярной армии. По нарукавным нашивкам Дымов определил звание, сержант. На груди седобородого мужчины скромно сияла маленькая медалька. Сопровождавший Николая ирландец по-своейски подошел к мэру, что-то прошептал в волосатое ухо. Пожилой мужчина обеими руками надавил пред собою на стол, так, что раздался жалобный скрип

рассохшегося дерева. Грузное тело медленно поднялось и боком вывалилось из-за стола — вместо левой ноги у него стоял деревянный протез. Здоровяк широко раскинул руки для объятий, обращаясь на чистом русском:

— Живы будем, не помрем!

Семен Тарбеев воскрес из мертвых!

Старые друзья так и стояли, долго обнявшись, не веря до конца в случившееся.

— Мы же тебе памятник поставили в Тугуре, — наконец вымолвил Николай.

— Да я сам себе живой памятник, даже с постаментом из деревянной ноги, — пошутил переполненный чувствами одноногий здоровяк.

Николай, в свою очередь, с сочувствием отнесся к его увещью. Сам, раненный в Севастополе, пережил страх возможной ампутации. Только искусство военного врача-добровольца Питера Харриса спасло его от подобной участи. Старые товарищи по китобойной флотилии «Тугур», перебивая, старались поведать о своей жизни и судьбе знакомых. Много за это время пережившие, они стремились высказаться.

Больше спрашивал Тарбеев. Николай старался максимально удовлетворить любопытство старого товарища. Наконец очередь дошла до Семена, начавшего рассказ с момента их вынужденного расставания в сан-францисском порту, три года назад. Когда раненый, не имея сил преодолеть три метра до кормы, обреченно наблюдал за стремительно удаляющим кораблем.

— Думал, с «Лейтенантом Бошняком» уходит моя жизнь. Утешался одним, не напрасно принесенной жертвой во имя спасения товарищей.

— Кто же в тебя стрелял? — не удержался от вопроса Николай. Семен внимательно, даже с долей подозрительности по-

смотрел на него. Тяжело затянувшись сигарой, неспешно выпускал колечки горького дыма.

— Стрелял наш конкурент по китобойному промыслу, англичанин Кингскот.

Тарбеев снова недоверчиво глянул в глаза Дымова, проверяя реакцию товарища. Николай заметил немой вопрос:

— Так зовут хозяина крупнейшей английской китобойной компании, основного нашего конкурента! Именно ему до ареста за браконьерство и принадлежал наш «Лейтенант Бошняк». Он же и организовал, через суд Сан-Франциско, его возвращение. Сам я не был с ним знаком.

Ответ удовлетворил рассказчика, и Тарбеев продолжил:

— Забияка ирландец с товарищами вытащил меня, можно сказать, из рук этого самого Кингскота. Ранение оказалось не опасным. Пуля прошла навылет в плечо, не задев кости. Питер Харрис быстро поставил на ноги. Он оказался не только известным здесь политическим деятелем республиканцем, но и замечательным врачом. Ирландцы взяли на легкую работу в свою артель. Не успел как следует освоить английский, как в апреле 1861 года началась Гражданская война. Вооруженный конфликт между штатами. Поступил на военную службу к северянам. Вопреки вере взял в руки оружие. Оправдывал себя необходимостью защиты своей Родины и друзей, спасших от тюрьмы и смерти. Так получилось.

Тарбеев развел руки, так же, как обнимал товарища при встрече. Жест говорил о широкой и доброй душе человека, способного на жертвенность ради другого.

— Соединенные Штаты стали моей второй Родиной, — убежденно, стараясь, чтобы его поняли, произнес Тарбеев, — за добро следует платить добром! Здесь я стал тем, кем бы никогда не смог стать в России! Не крепостным крестьянином,

преследуемым за старообрядческую веру, а свободным гражданином!

Складки и многочисленные мелкие морщины на его лице расправились, от горящего взгляда можно было зажигать спичку.

— Добровольцем записался в девятнадцатый Иллинойский полк. Его командиром оказался земляк, бывший полковник Генерального штаба Иван Васильевич Турчанинов. Меня он заметил и приблизил, назначив командовать взводом. Так я и стал сержантом. Вспомнил командира не потому, что соотечественник. Как и в вашем случае, с ним рядом всегда находилась жена. Тоже русская, врач полка. Докторша и ампутировала мне раненую ногу. В стычке с конфедератами пуля разбила коленную чашечку. Нужно было остановить начинающуюся гангрену, — мэр постучал по деревяшке рукой. Дымов с уважением отметил здоровенную, как кувалда кузнеца, ладонь мэра-сержанта.

— Демобилизовался. Вернулся в Сан-Франциско, где ставший уже сенатором Питер Харрис и предложил участие в выборах мэра города. Победил конкурентов легко. Питер у нас в большом авторитете!

Молчавший все это время рыжий ирландец скрипучим голосом добавил:

— В том бою теперешний мэр совершил настоящий подвиг!

Лицо отважного бойца, в ответ на заслуженную похвалу, покрылось стыдливым румянцем. Подтверждая справедливость приметы о «скромности как обязательной черте храбреца», Тарбеев толкнул с силой воздух обеими руками, как бы отталкивая ирландца. В этом жесте было заложены столько немой силы, что даже Николай чуть отпрянул в сторону.

Дымову, в прошлом военному, оказались близки волнения товарища, связанные с напоминанием о пережитых сражениях. Промелькнули в его сознании и лица однополчан: Христофора Феофановича Острено, Якуба Чайковского, старого солдата, вынесшего его, раненого, с батареи, Питера Харриса. У Дымова непроизвольно вырвался вопрос:

— Где же Питер?

— Наш общий спаситель живет в Вашингтоне. Большой человек, сенатор-республиканец! А с его молодым другом — помните Джона Рокфеллера? — я сведу немедля. Он сейчас в городе, запускает нефтеперерабатывающий завод. Все деньги, свои и друзей, вбухал в новое дело. Кстати, он же оформлял страховку на созданную нами компанию «Тугур». Вот...

Было видно, что Тарбеев сказал то, о чем не следовало говорить. Напрасно искал выход из ситуации.

— Вообще об этом он вам сам расскажет, — наконец нашелся Семен.

Дымова насторожила эта недосказанность. Тем более что речь шла о человеке, контролирующем страховые средства компании. Николай рассчитывал получить их для вложения в свое новое дело, в Америке. В сущности, деньги, свою долю, полученную при выходе из китобойной компании, он имел при себе в наличности. Но средства на счетах банка следовало проверить и заставить работать на себя. Идею подала Лиза, еще на Тугуре, когда они обнаружили завещанный Бошняком клад, оказавшийся высушенной китовой отрыжкой, амброй. Планировали построить предприятие по производству духов — с расчетом на психологию людей, уставших от братоубийственной войны и желающих насладиться благами мира и любви. Во время передышки всегда хочется компенсировать недополученное и недолюбившее.

На следующий день Дымов перевез жену с ребенком в большой дом мэра. Сам поехал на строящийся нефтеперерабатывающий завод. Торопился увидеться с Рокфеллером, своим страховщиком.

Производственная территория представляла собой нагромождение металлических конструкций разной величины и длинных труб, переплетенных змеиными клубками. В скальном карьере множество рабочих копали и без того глубокую яму, главный резервуар для хранения нефти. Им навстречу с тяжелым пытением маленький паровоз толкал три железнодорожных цистерны по кривым чугунным рельсам. Везде занятые делом озабоченные люди. Не радовал лишь тухлый запах гниения, казалось, исходящий от всех, кто здесь находится. «Построить бы рядом придуманную Лизой фабрику по производству духов, и новые запахи, нравясь людям, заставят работать еще лучше», — усмехнулся Николай от неожиданной идеи о конфликте противоположностей, в котором скрыт секрет конкуренции. Конечно, он не знал о том, что мысль материальна.

Николаю хотелось быстрее закончить сегодняшнее дело и отпраздновать втроем с женой маленький семейный праздник. Ванечке исполнялось пять месяцев. Воображение снова забежало далеко вперед. Представил его взрослым юношей, хозяином фабрики, о которой мечтала Лиза. В спешащем им навстречу молодом человеке виделся взрослый его сын. На его плечи небрежно накинута желтая куртка в масляных разводах. Дымов нашел его внешность соответствующей предприятию: наклоняется напряженно вперед, взгляд стремителен и безжалостен, но в то же время будто испуган собственной грандиозной затеей. В его резких и осторожных движениях чувствовались повадки вожака волчьей стаи. Поравнявшись, молодой

человек назвался: «Джон! Джон Рокфеллер». Мужчины узнали друг друга, но никто не проявил первым инициативу на сближение. Изучающие взгляды встретились на секунду. Так обычно обнюхивают воздух хищники, проверяя меченую территорию.

Отрывистое рукопожатие и разговор на ходу ничуть не обидели Дымова. Он помнил, каково ему было в ходе строительства тугурского предприятия. Возбуждение и целеустремленность переходили от молодого человека к гостю.

Они сошлись характерами. Джону Рокфеллеру шел двадцать шестой год, а Николаю Дымову — двадцать девятый. Джон объяснял Николаю свою историю:

— Прошло полтора года, как я вложил свои и ваши деньги, имеющиеся на счету вашей компании, в новое дело. Ну не мог я ждать письменных ответов из Тугура полгода. Рисковал. Снял без спроса ваши деньги и купил на них брошенные нефтяные скважины в Северных и Южных Штатах. В самый разгар Гражданской войны нефть стоила не больше питьевой воды из городского водопровода. Баррель уходил за сорок восемь центов! Обзывали сумасшедшим, предлагая вложить средства в обеспечение воюющей армии, где прибыль составляла не менее двухсот процентов. Чего говорить, цена барреля китового жира была тридцать долларов! Вот вы, китобой, за два-три года после нашего знакомства заработали кучу денег?

Дымову льстило такое внимание, потому не без гордости ответил:

— Деньги получились хорошие. На каждого из четырех акционеров вышло по полмиллиона чистой прибыли.

— О, значит, вы сегодня при деньгах! — воскликнул молодой Рокфеллер, окинув собеседника колючим взглядом, — я делаю вам хорошее предложение.

Джон замахнулся правой рукой, и Николай подставил под ее дружеский удар свою ладонь. Ставшие вдруг единомышленниками мужчины дружно рассмеялись.

Джон доверительно коснулся плеча нового компаньона:

— За эти два года нефть в несколько раз взлетала в цене, и ее баррель стоит сегодня сорок долларов. Чудесное превращение вчерашнего нищего в богача! Сказка стала явью. Дело в том, что из нефти производят керосин, который ввиду своей дешевизны активно вытесняет с рынка энергетики — китовые свечи, газ из него и жир. Китовый промысел, мой дорогой китобой, вчерашний день. Будущее за «черным золотом»! Такая цена научно-технического прогресса. Кстати, ваш соотечественник химик Дмитрий Менделеев исследовал технологии ее переработки. Изобрел керосиновую лампу с фитилем и резервуаром. Только в России без энтузиазма восприняли его открытия. В отличие от меня и потребителей, оценивших удобства, безопасность и, главное, дешевизну!

— Чем же меня-то заинтересуете? — растерянно спросил Дымов. — Нефтяные скважины и разведанные залежи нефти в Америки сами скупили! Другим ничего уже не осталось.

Молодой предприниматель остановился перед цистерной, из которой по резиновым шлангам в заводские трубы переливалась сырая нефть. Не скрывая раздражения, ударил кулаком по ее железному основанию — звука почти не было слышно.

— Вот подобно тупой цистерне, непробиваемы и американские железнодорожники, — зло проговорил Рокфеллер, — они сговорились держать высоченные цены за перевозку нефти. Выход один, опять заимствованный у гениального Менделеева, самим строить нефтепровод. Только таким способом сорвем сговор монополистов. Вам, дорогой Николай, предлагаю войти в состав «Стандард ойл». Взятые мною без разрешения

деньги китобойной компании предлагаю вложить в новое, пусть и рискованное дело. Таковы условия вашего вхождения. Прибыль делим в равных долях. Каково?

Страна с огромными неосвоенными территориями давала возможность каждому испытать себя. Самореализация и успешность возводились в ранг геройства. За такие качества платили долларами, как за скальпели врагов. Оплачиваемый патриотизм вошел в сознание с первых шагов этих людей на новом континенте.

В октябре 1864 года Рокфеллер вместе с Дымовым вложили средства в строительство первой линии шестикилометрового трубопровода. За год по нему перекачали тонны «черного золота». Монополии железной дороги наступал конец. Но Дымов помнил о непостоянстве Рокфеллера, зависящего от количества получаемой прибыли. Джон был типичный одинокий волк, потому Николай задумал на пике удачи покинуть вчерашнего компаньона. Здесь, в Америке, он научился менять род деятельности и таким бесхитростным способом уходить от неминуемой конкуренции с бывшими коллегами по бизнесу. Дымову пришла мысль диверсифицировать деятельность: заработанные на строительстве трубопровода деньги направить в железнодорожную сферу. Именно в перевозку нефти по железной дороге в специальных цистернах. Для нового бизнеса нужны были большие деньги, и тогда Дымов вспомнил о «кладе Бошняка». Оказалось, существовало старинное правило, по которому амбра продавалась на вес золота. Дымов незамедлительно продал амбру, получив достаточную сумму на покупку железнодорожной ветки. Так за счет одного ресурса создавался новый, как за циклом времени следует новый цикл.

Наступил 1870 год. Дымовы не собирались никуда уезжать из Америки, но неожиданно случилось событие, заставившее их поменять планы. Питер Харрис, ставший губернатором штата Калифорния, передал друзьям приглашение российского правительства посетить Санкт-Петербург. Питер, со свойственной ему расчетливостью просто объяснил суть витиеватого текста: «Лиза! Графиня, вашему покойному отцу вернули важный родовой титул и проигнорировать данное событие неразумно. Наверняка вам придется вступать в права наследования. По моей информации, легитимность ваша оформлена императорским указом. Все это имеет денежную стоимость в виде земель, имений, дворцов».

Дымов молчал, обескураженный необычным известием, ожидая ответа супруги. Ее женская мудрость проявила себя очередной раз.

В Священном Писании есть подсказка о первоначальной цели человека, «стремлении к высшей правде, и тогда земные блага приложатся им»!

Питер, считавший своей родиной то место, где получают хорошие деньги, удивленно приоткрыл рот. Лиза, отличавшаяся наблюдательностью, по-доброму улыбнулась, отметив деловую хватку старого авантюриста, и продолжила:

— Безусловно, желаю знать тайну своего рождения, кем были и за что пострадали мои родители! — Внимательно посмотрев на мужа, она добавила: — Справедливость должна быть восстановлена! Думается, они стали жертвой ложного наговора.

Харрис, увидев восхищенные глаза Дымова, подумал: «Ну и народ, их унижают, бьют, а они все прощают. Живут в цар-

стве веры, а нужно жить в истине! Верить только в себя, а не в высшую правду, не приносящую никаких материальных ценностей».

Путь через Атлантический океан до Санкт-Петербурга преодолели всего за полторы недели. Город, где они познакомились пятнадцать лет назад, встретил солнечными огоньками на золотых куполах многочисленных соборов, свежим июльским ветерком. Первым делом посетили Исаакиевский собор — так сильно хотелось увидеть легендарный храм, строившийся ровно сорок лет. Долгострой, начатый Николаем Первым, отцом действующего императора Александра Второго, завершился в 1858 году. Таким образом благодарный сын удовлетворил желание покойного отца сравняться в истории с Петром Первым, в честь рождения которого и строился собор. Петр родился в день преподобного Исаакия. Но то был Петр Великий, а Николай Первый остался в памяти народа с прозвищем палкин, да горечью стыда от поражения в Крымской войне.

Затем супруги направились к старым знакомым, Невельским. Воскресенская улица за это время заметно подросла новыми особняками, но ничего не поменялось в доме «амурского адмирала». Только канделябры на стенах потускнели так, что рисунок пчелы на них не просматривался. Лизе, конечно, сильно хотелось увидеть Екатерину Ивановну. Именно она, шурша бумажными юбками, первой встречала гостей. Движения сорокапятилетней женщины отличались медлительностью, она сильно располнела. Не изменился только адмирал. Его сморщенное от оспы и желтое как лимон лицо выражало обыкновенное недовольство. В пятьдесят восемь лет он стал еще больше капризен и непредсказуем.

По тому, как восторженно смотрела на нее Екатерина Ивановна, Лиза отметила свою успешность. Достаток, к которому

супруги в юности стремились, оказался всего лишь необходимым условием обеспеченной и тихой старости. Совсем другая была жизнь у них с Дымовым. Бурная, полная опасности и в то же время гармоничная. Они все делами вдвоем: работали, рисковали, любили.

Судя по сервированному столу, их ждали. Кроме Невельских в столовой находился еще один человек, митрополит Московский и Коломенский Иннокентий. Дымов вспомнил монаха, прибывшего на карете к дому адмирала в далеком 1855 году. Тогда еще выпускник Морского корпуса в звании унтер-офицера находился с визитом у своего земляка-адмирала. Впереди был Севастополь, ранение. Николай поймал себя на мысли — как быстро пролетело время! Сегодня, достигший чего и не мечтал, сам оценивает некогда учивших жизни людей. У Дымова она сложилась лучше.

За воспоминаниями не спеша подошли к самому главному — к тайне, которая их преследовала, словно голодный хищник, все пятнадцать лет. Инициативу рассказчика взял на себя владыка Иннокентий. На соседнем столике тлела палочка китайского благовония, выпуская струйку изумрудного дыма. Пахло свежестью травы, как после дождя.

— В конце тридцатых годов перед российским правительством остро стоял вопрос о продовольственном обеспечении Русской Америки и начинающих заселяться огромных территорий Дальнего Востока, — буднично начал владыка.

— Суровая природа позволяла заниматься одним огородничеством. Сельского хозяйства у местных народов не существовало, вот и задумали купить плодородные земли. Самым удачным оказался вариант с Гавайскими островами. На островах существовала русская колония. Колонисты успешно занималась животноводством и выращиванием пшеницы. К тому

же у них сложились добрые отношения с местным королем независимого государства Гавайи, который был не прочь войти в состав Российской империи. Правительство зацепилось за идею, направив для изучения и подготовки договора купли своего уполномоченного, прапорщика Орлова.

Слушатели затаили дыхание при упоминании известного Орлова. Сложилось общее мнение о нем как о коварном и непорядочном человеке. Владыка Иннокентий монотонно продолжал повествование:

— Несмотря на незначительный офицерский чин, Орлов был богатым и знатным. Имел графский титул. По этой причине пользовался особым доверием, говорят, у самого великого князя Константина Николаевича, старшего брата Александра Первого. Три года прослужил посланник в Охотске, часто наезжая в Гонолулу. Затем правительство поостыло к идее покупки островов, и Орлов на неопределенное время завис в Охотске. Дальше известная история о его любви к жене охотского полицмейстера Игнатова и о том, как жена отравила мужа. У супругов долго не было своих детей, а с прибытием Орлова родилось сразу двое погодков. Старшая Лиза и младшенький Егор. Впоследствии на суде он признал отцовство. Обоих любовников в итоге осудили на каторгу. Его за пособничество, что знал и не донес. Ее за умышленное убийство. Признался Орлов не сразу. Надеялся сбежать на Гавайские острова. Ходили слухи о кладе с золотом, который он спрятал в горах Тугура. Воспользоваться им не успел или не захотел?

Лиза с Николаем недвусмысленно переглянулись. Они знали о реально существующем кладе на Тугуре и сумели его вывезти. Проданная в Америке амбра послужила основой их дальнейшего финансового успеха. Не стовариваясь, супруги одновременно посмотрели на блюдечко с благовонием. Запах

свежести после дождя им как никому другому был хорошо знаком: именно так пахла найденная в тугурской пещере амбра. Точно такой же запах их встретил в первый день знакомства в доме адмирала. Николай вспомнил, что тогда ждали «аляскинского гостя» владыку Иннокентия. Закралось подозрение в причастности владыки не только к тайне клада, но и его нехорошей роли в судьбе Орлова, а еще его связь с Горчаковым.

Не замечая реакции гостей, владыка не спеша продолжал:

— Бог ведет добрых людей и наказывает плохих. Не сразу власти раскрыли преступление. Выдал их охотский почтмейстер, прочитавший переписку любовников, где они обсуждали планы побега в Гонолулу. Так как почтальон оказался старовером, то мне показали донос. Я отказал признать его брак, заключенный не по церковным канонам. Также отказал и в крещении, тем самым наказывая его за отступление от веры. Единожды изменивший, предаст еще раз! В результате следствие остановилось. В это время в Охотск приезжает очередной уполномоченный от правительства. В его задачу входило без шума закрыть операцию по покупке островов. Как я понимаю, под секретный проект были выделены большие деньги. Посланник должен был привезти в Петербург липовое подтверждение об их переводе на счета гавайского короля. Без Орлова получить такой документ не представлялось возможным. Понимая это, посланник на свой страх использует уже закрывшееся уголовное дело. Заметил у графа больное место — безрассудную любовь к женщине и готовность на самопожертвование ради своих детей. Посланник входит к тому в доверие, добываясь подписи на подложных бумагах о несуществующей сделке, взамен предлагает взять малолетних детей на государственное обеспечение и закрыть уголовное дело в отношении Орлова. Последний соглашается, не понимая, чем грозит такой

компромисс. В результате Орлова с любовницей приговаривают к каторге, с которой возвращается живым он один. Женщина вскоре умирает от голодовки в иркутской тюрьме. История наделала много шума. В тот период и я находился в городе, где только что похоронил внезапно скончавшуюся жену. Не скрою, от горя помутился рассудок. Но Господь вовремя подсказал решение — я его с благодарностью принял. Ушел в монахи. Не смог остаться безучастным и к судьбе бедных сироток. Просил губернаторов Камчатки и Иркутской области, Завойко с Муравьевым, оформить на сирот свое попечительство. Удивительно быстро дело положительным образом разрешилось. Егора взял Муравьев, а девочку — Завойко. Думаю, моей заслуги здесь нет. Посланник сдержал слово в отношении детей, а губернаторы выполняли указание из Петербурга. А сегодня пришла очередь вернуть Орлову последний должок в виде графского титула и ранее отобранных владений.

— Только доброго имени они ему не вернут, — с сожалением сказал Дымов, понимая, какой огромной силой воли обладал человек, объявивший сам себе приговор, смерть от голода. Терпел унижения, лишения ради счастливого будущего своих детей!

Его замечание осталось незамеченным.

— Дело в том, что сумма списанных с государственных счетов денег за внесенную предоплату королю Гавайского государства в несколько раз превосходила стоимость конфискованных в казну орловских имений, — неожиданно продолжил адмирал, — данная афера послужила генеральной репетицией перед продажей в 1867 году Соединенным Штатам Америки шести процентов нашей земли — Русской Америки. Сделанная Орловым работа по подготовке соглашения короля Гавай Камеамеа о добровольном вхождении в состав России исполь-

зовалась в корыстных целях близким окружением царя. Под не заключенный еще договор они получили большие деньги в качестве премиальных, а чтобы скрыть их «нецелевое использование», иезуитским образом убрали главного свидетеля сделки. Неслучайно один русский дипломат Федор Тютчев так охарактеризовал действительность: «Русская история до Петра Великого — сплошная панихида, а после Петра — одно уголовное дело».

— Не нам судить правителей, — смиренно остановил разволновавшегося Невельского владыка, — на все воля Господа нашего Иисуса Христа! Важно понимать: Орлов попался в ловко расставленные сети тайного заговора по своей вине. Бог наказал его за блуд с замужней женщиной! Не забывайте, церковь всегда призывала к целомудрию.

— Кто же был тот ловкач, уполномоченный правительства? — в один голос спросили женщины, не принимая во внимание нравоучение старого монаха.

Они не осуждали женщину, убившую мужа ради любви к другому мужчине. Они что-то знали такое, что старательно замалчивали учившие правилам жизни религия и вожди. Наступила гробовая тишина. Николай с удивлением отметил, что покрытые копотью массивные подсвечники горят особенно ярко, а вместо китовых свечей — стеклянные колпаки. Наступила эра ламп, работающих на добываемом из нефти керосине. Да и женские платья, лишившись корсетов из китового уса, подчеркивали красоту женской фигуры. Только человек не изменился.

— Что же, владыка, застеснялись? — укоризненно начал Геннадий Иванович.

Лимонное его лицо стремительно наливалось желтизной, и владыка испугался непредсказуемой прямолинейности моряка, поспешил с ответом:

— Вот так начинал свою блестящую карьеру сегодняшний канцлер Российской империи князь Александр Михайлович Горчаков. В ту пору ему шел двадцать восьмой год. Именно он и был тем самым уполномоченным из Петербурга!

Николаю Дымову пришли на память стихи:

Беги льстецов, водись лишь с тем, кто прям.
Довольствуйся чем есть, не сетуй: «Мало!»
Величье шатко, в злобе свет упрям,
Богатство слепо, лесть имеет жало.
За счастьем гнаться, право, не престало.
Смирйяй себя, послушайся совета,
И правду ты узришь: не страшно это! ¹

На ночной улице их встретил сырой ветер. Небо заволочло белыми тучами, похожими на волны бушующего моря. Они поглотили появившиеся звезды. Николай, как и в день первой встречи с Лизой, наблюдал редкое природное явление, называемое «дьявольскими облаками». Как в далеком детстве, принял пробежавшую по груди мышь за предвестника скорой смерти, так и сегодня считал не случайным небесное предзнаменование.

21

В Ярославле зима выдалась холодная и малоснежная. Народные приметы пророчили раннюю весну. Солнце тускло светило, жмурясь от ослепляющей белизны снежной долины. Устав бороться с морозом, заходило за горизонт необычно рано, до 16 часов дня. Именно 9 января 1872 года, после Святка, случится важное событие.

¹ Дж. Чосер.

На левом низменном берегу Волги у деревни Филино в стилизованном под старинный русский терем деревянном здании вокзала топталось много людей. В основном то были рабочие, отогревавшиеся у огромной железной печи, памятником стоящей посередине просторного зала. В дальнем углу немногочисленная группа одетых в меховые шубы начальников.

Рабочие курили едкие самокрутки, обсуждая предстоящее событие.

— Смотри-ка, все тузы собрались, как есть! — горделиво, словно те приехали к нему в гости, бросил в сторону господ молодой ярославец.

Его одернул пожилой мужик, с рыжими от никотина редкими зубами и хитроватым взглядом:

— Есть, да не про твою честь!

Толпа ехидно хохотнула в ответ. Здесь были свои, костромские, вологодские и ярославские мужики. Все они держались за хорошо оплачиваемое место, помня, как совсем недавно на строительство железной дороги Москва — Сергиев Посад даже простых работяг привозили из Франции.

— А чаво ждем, мужики? — беспшабашно выкрикнул из толпы мальчишечий звонкий голос.

— Вот еще один олух царя небесного выискался, — срезал говоруна тот же пожилой рабочий, — ждем самого хозяина. А не чаво, да чаво.

Дружный смех колыхнул дымное облако над головами людей.

— Нашу дорогу пришло время сдавать комиссии, — сняв стоявшую как валенок шапку, рабочий с уважением мотнул седой головой в сторону хорошо одетых людей в дальний угол зала, — а как ее сдать, без поезда. Должен проехать, попробовать на прочность. Поезд, вишь, стоит на том берегу. Моста-то,

дурья башка, нету. Потому мы на морозе и уложили рельсы по льду. По ним он и пойдет в нашу сторону, а то, как же, ждать до весны, когда паром перевезет. Нет, брат, нас, дураков, на Руси еще на сто лет хватит! А господа-акционеры свои денежки кровные вложили в стройку, им государство их вернет, как только железку-то примут. Потому без паровоза никак нельзя.

— Нам-то что? — недоуменно закатил глаза ярославец под самый купол, словно там искал ответа на свой вопрос.

— Вот ведь архаровец беспутный, — съехидничал тот же мужик, — а зазнобе на свадьбу на что подарок купишь? Акционеры деньги получают и с нами рассчитаются, дурья ты башка.

— Ему деньги не нужны, — хохотнул рядом стоящий молодец, — он живет с солдаткой, а ей подарков не требуются. Кто к ней в келью зашел, тот и хозяин.

Неожиданно из-за спины шутников раздался строгий окрик мастера:

— Хватит зубы скалить! Работа черна, да денежка бела! Костровым живо на лед, «маячки» подпаливать.

Уже тихо и примирительно он добавил:

— Сам Дымов паровоз по ледяной насыпи поведет! Слышал, как вчерась говорил: «Нечего ждать весны, цельных четыре месяца, дорогу нужно сдать в январе. Если состав уйдет под лед, то из своего кармана и заплачу за риски». Еще говорил, что в ночь поведет состав, чтобы город не видел позора, если лед не выдержит и поезд уйдет под воду. Он ведь в Америке раньше жил, там и научился паровозики водить. Отчаянный, на китов в океане один на один, как на медведя с рогатиной ходил! Знатный барин! Нашенской крови, костромской!

— Да ну ты, так уж и костромской, и китов бил? — переспросил ярославец недоверчиво.

— Друг самого адмирала Невельского, что имение в Дракино под Солигаличем, — со знанием дела ответит мастер, — живо на лед, костры зажигать!

Толпа выходила на улицу. На другом, правом берегу, у деревни Дядьково возле Семеновского спуска показался одинокий огонек, пробивающий ярким лучом темноту ночи. Сначала двигался вдоль реки по берегу, а затем начал спускаться к переезду. Там, на льду, насыпь из снежной подушки, для крепости залитая водой, сковавшей ее крепче чугуна. На ее основание уложены стальные рельсы, каждый до шести метров в длину и весом в двадцать шесть килограммов. Огонек продолжал неспешно вползать на ледяную насыпь. В какой-то момент наблюдавшим с другого берега показалось — потух. Нет, снова загорелся. Начал неуверенно ползти, как младенец по пеленке. В это время на пути его движения вспыхивали звездочками огни костров. Вдруг подул крепкий ветер с плотным снежным зарядом. Язычки костров беспомощно заморгали, готовые, не разгоревшись, потухнуть. Люди с замиранием сердца следили за их борьбой с ветром и снегом. Поезд уже двигался по ледяной насыпи, а костры нескоро разгорались. Внезапно возникшая незапланированная опасность могла окончиться трагедией. Машинист вел поезд вслепую. Одно неверное движение могло сбросить его с высокой насыпи на лед.

Огонек между тем становился крупнее, и наконец показались очертания состава, состоящего из паровоза и трех платформ, груженных лесом. Метель кончилась внезапно, как и началась. Тяжелый состав осторожно приближался к противоположному берегу, глухо гремя и отфыркиваясь, как вынырнувшая из воды белуха. Вдоль его прямого пути мерно горели огни костров, подчеркивая черноту передвигающегося через замершую реку исполина.

Стало светлее. Звездное небо предвещало морозное утро, но наблюдавшим за рискованным экспериментом людям было не холодно. Их согревала мысль о завершении тяжелой работы, сделанной руками русских рабочих и умом отечественных инженеров. Небольшая группка одетых в меховые соболиные шубы «зрителей» знала еще один секрет успеха. Впервые построена железная дорога на деньги местных купцов и половину средств в рискованное предприятие вложил председатель акционерного общества Николай Дымов. Обошлись в этот раз без привычного участия иностранцев.

Вот уже состав забрался на ровную площадку, очищенную от снега. Дымя и отфыркиваясь, оглашая морозный воздух резкими свистками, остановился у здания деревянного вокзальчика. Немецкий «Борзиг» стоял вровень с крышей вокзала, поражая своей мощью и необычностью.

Из кабины машиниста выпрыгнул человек в простой рабочей куртке и рыжей лисьей шапке с черным хвостиком на боку. За ним следом спускалась женщина. В отличие от мужчины не спиной, а лицом к толпе. Ей было неудобно так двигаться, поэтому она останавливалась на каждой ступеньке. При этом улыбка не сходила с ее бледного, курносого лица. Наверное, она ощущала себя королевой перед толпой и имела полное на то основание. Не каждая может набраться смелости пуститься вдвоем с мужем в опасный ледовый переход, когда штатная команда машинистов отказалась. Женщины даже в самые трагические минуты остаются актрисами. Они думают, что жизнь крутится вокруг их. Впрочем, так и происходит!

Неожиданно ножка, обутая в желтый сапожок, соскользнула со ступеньки и беспомощно повисла в воздухе, не найдя опоры. Толпа глухо ахнула, отступив инстинктивно назад. Но женщина ловко развернулась на одной ноге, перехватив рука-

ми обледеневшие поручни, и оказалась в удобном положении. Затем проворно спрыгнула на руки машинисту. То был жест безграничного доверия женщины к мужчине.

Легко и пружинисто, по пути обнимая и хлопая по спинам рабочих, человек в короткой куртке и рыжей шапке с хвостиком энергично двигался к костру, где в нерешительности стояли акционеры. В руках его был револьвер. Внезапно в ночном небе разорвались шесть салютных выстрелов. Его начали подбрасывать, обнимали. Радоваться было от чего. За два года построили новую дорогу на север России, от Ярославля до Вологды длиной в 192 версты¹. Так было положено начало будущей «железки» до Архангельска и дальше на север.

Кто-то в толпе спросил о револьвере. Дымов ответил то ли в шутку, то ли всерьез:

— Если бы переход состава не удался, я собирался от позора застрелиться!

С этими словами он крепко обнял спутницу и поцеловал в губы. Лисья шапка свалилась на снег, а женщина озорно приподняла от земли ножку в желтом сапожке. Лиза Дымова осталась верной и надежной опорой человеку, сделавшему немало полезного для своей Родины.

Акционеры расселись каждый по саням, и лошади резво повезли их обратно в город, вдоль ледяной насыпи. Направлялись в храм, где по старинному обычаю священник отслужит молебен в благодарность Богу за помощь и успех акционерного общества Московско-Ярославской железной дороги.

Николай обернулся. На удаляющемся берегу в морозном рассвете чернела прямая линия леса. Пришло удивительное открытие: чем ближе к горизонту, тем он от тебя дальше. Недо-

¹ Т.е. 205 км. Только через 41 год после введенной в строй железной дороги от Москвы до Вологды в 1913 г. в Ярославле построят железнодорожный мост через Волгу.

сгяем горизонт! Дымов подумал: «Так и в жизни — стремимся к справедливости и вроде бы приближаемся к ней. А она опять отдаляется. Кажущаяся справедливость».

Дымов прожил в Америке шесть лет и вернулся на Родину два года назад. С хорошим капиталом в несколько миллионов долларов. Первое что сделал — выполнил завещание Бошняка. Под Москвой, на собственные средства, построил комплекс благоустроенных домиков, каждый на 8 человек, с хозяйственными и лечебными службами. Он назвал свое детище «Убежищем для увечных, престарелых и неизлечимых воинов»¹. Своему духовнику митрополиту Московскому и Коломенскому Иннокентию помог создать денежный фонд для бедного духовенства и вдов священников, учреждению Православного Миссионерского общества. Только потом вложил деньги в строительство железной дороги Ярославль — Вологда.

В отличие от западных стран в дореволюционной России государством сдерживалась активность людей. Общественная жизнь была жестко задекларирована правилами поведения. Люди делились на сословия, национальности. А название «лишний человек», как результат такого общественного устройства, закрепилось за разочарованным русским дворянином. Неслучайно в 1850 году опубликована повесть русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева «Дневник лишнего человека». Обычно это человек значительных способностей, который не может реализовать свои таланты на официальном поприще. Таким «лишним» для российского общества оказался к 1864 году и Николай Дымов. Потому и покинул Дальний

¹ Необычным образом воплотилась в жизнь завещание Бошняка о заботе больных и увечных. В 1867 г. под покровительством императрицы Марии Александровны, супруги императора, создано Общество попечения о раненых и больных воинах. В 1879 г. оно получило название — Российское общество Красного Креста.

Восток, оставив в Тугуре китобойный промысел. Есть версия о целенаправленной политике, создающей препятствия к реализации человеческого потенциала. Он якобы накапливается и складывается, как песок для ремонта дороги. В трудные времена, когда, например, война, такой залежалый материал и используют в неограниченных количествах, разбрасывая по гололеду. Грамотно объясняя, за что умирать! Граждане вполне добровольно отдают самое ценное, что у них есть. Не единично, а массами встают как один грудью на врага. Именно этот порыв народного единения, не обязательно при защите Отечества, называется патриотизмом. Здесь личное совпадает с общественным. Патриотизм схож с военной присягой, когда молодой человек идет осознанно на компромисс личного с общественным, дает клятву защищать Родину даже ценой своей жизни. Дымов вернулся на Родину, и то был осознанный гражданский поступок. Не меньшим патриотом своей страны была и его жена Лиза, как, впрочем, и многие другие персонажи повествования, где больше правды, чем вымысла.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В апреле 1865 года Гражданская война в США окончилась победой северян. Начинаясь бурный расцвет американской промышленности. В этот же год в городе Кливленд, штат Огайо Джон Д. Рокфеллер в возрасте двадцати шести лет стал единовластным владельцем нефтедобывающей компании «Стандард ойл», будущей транснациональной корпорации.

Геннадием Ивановичем Невельским были основаны: Николаевск-на-Амуре, Мариинск и др. Доказал отсутствие у Китая прав на владение левобережьем Амура и правобережьем Уссури, что в результате дало возможность приобрести для нашей Родины огромный край площадью свыше 1 миллиона квадратных километров и выход к морю из Восточной Сибири. Умер Г.И. Невельской в возрасте 63 лет, 17 (29) апреля 1876 года.

К лету 1864 года польское восстание было подавлено. Силы были слишком неравны. Против 120-тысячной русской армии выступили до 25 тысяч восставших. Якуб Чайковский погиб при высадке морского десанта на польское побережье.

Острено Феофан Христофорович родился в Херсонской губернии в семье обер-офицера. Окончил Черноморское артиллерийское училище. В Синопском сражении участвовал на корабле «Императрица Мария» старшим адъютантом при штабе П.С. Нахимова. В 1854—1855 годах состоял дежурным

штаб-офицером на эскадре, находившейся на Севастопольском рейде. В декабре 1855 года произведен в капитаны 2 ранга, в апреле 1858 года помощник капитана над Кронштадтским портом, в сентябре 1859 года произвели в капитаны 1-го ранга. В апреле 1860 года назначили кронштадтским полицмейстером. В июне 1861 его года отчислили от должности за бескомпромиссность и принципиальность, с назначением на Дальний Восток капитаном над портами Восточного океана. В марте 1865 года отчислили от должности — за бескомпромиссность и принципиальность — с переводом в Балтийский флот. В 1865 году произвели в контр-адмиралы с увольнением от службы. Его имя носит мыс в заливе Петра Великого. Скончался в феврале 1874 года в Николаеве.

16 декабря 1866 года с участием царя состоялось совещание, на котором присутствовали инициаторы продажи Аляски: великий князь Константин Николаевич, А.М. Горчаков, Н.Х. Рейтерн, Н.К. Краббе, посол России в США Э.А. Стакль. Договор «о продаже Аляски» за 7 миллионов 200 тысяч долларов (11 миллионов рублей) подписан 18 марта 1867 года в Вашингтоне. В апреле ратифицирован Александром Вторым и Сенатом США. Существует нераскрытая тайна «сделки века»: куда девались деньги? Стакль получил чек на сумму 7 миллионов 035 тысяч долларов — из первоначальных 7,2 миллиона. 21 тысячу оставил себе, а 144 тысячи раздал американским сенаторам, голосовавшим за ратификацию договора. 7 миллионов ушло в Лондон банковским переводом, который перевели в золото. В Лондоне золотые слитки погрузили на барк «Оркни», который последовал в Петербург. 16 июля 1868 года барк затонул на подходе к Петербургу. Застраховавшая судно и груз компания объявила себя банкротом, и ущерб был возмещен лишь частично. А было ли золото на затонувшем барке?

Министр иностранных дел А.М. Горчаков в июне 1867 года, спустя месяц после заключения договора о добровольной уступке США Русской Америки, получает высший гражданский чин — государственного канцлера! Между прочим, в договоре речь шла не о продаже, а об уступке территорий, и подписи российского министра иностранных дел под этим документом нет.

Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий умер в возрасте 82 лет и похоронен в Троице-Сергиевской лавре. В 1977 году решением Священного синода Русской православной церкви причислен к лику Святых.

Чайковский Михаил Илларионовичу (Садык-Паша) родился в 1804 году. В 1872 году ему разрешили перейти вновь в российское подданство. Поселился в Киеве. Писал приключенческие повести и рассказы. Повесился на почве ревности к жене.

Из истории Тугура. Осенью 1862 года Русско-американская компания учредила китоловную станцию Мамге в Тугурской бухте. В 1865 году промысел брошен. В 1881 году Тугурская колония покинута людьми.

Открытые 18 января 1778 года Джеймсом Куком Сандвичевы (Гавайские) острова со временем стали штатом США. Сегодня они являются торговой и военной базой ведущей тихоокеанской морской державы. Печально известный Перл-Харбор расположен там же. Россия в XVIII веке упустила возможность получить острова, способные изменить ее сегодняшнее геополитическое положение.

СУДЬБА КИТОБОЕВ

Онни Маттенен в 1864 году вместе с молодым гарпунером Фридольфом Фабианом Геком вернулись на родину в Финляндию. Онни купил каменный дом в центре Хельсинки

и женился. Фабиан Гек, получив диплом шкипера (капитана) дальнего плавания, в 1869 году вернулся на Тихий океан продолжать заниматься китобойным промыслом.

Рыжий гарпунер Отто Линдгольм возглавил компанию «Тугур». Сохранил поселок Тугур, но через некоторое время уехал в Финляндию, чтобы жениться. С супругой вернулся на Дальний Восток. Вместе ходили на промысел китов. После смерти жены перешел на берег, открыв во Владивостоке торговый дом «Линдгольм и К°». Занялся кредитными операциями с банками Японии, Англии, США, Германии. Заложил Подгородненские угольные копи, построил во Владивостоке кирпичный завод и Первореченскую нефтебазу. До конца жизни не только дружил с Николаем Дымовым, давшим ему путевку в мир предпринимательства, но и продолжал вести с ним совместный бизнес.

Содержание

Завещание лейтенанта	5
Часть первая	
ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ И КАТАЛОГ ЗАПАДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	8
Часть вторая	
1859–1864 годы. КИТОБОЙ	94
Часть третья	
1864–1872 годы. АМЕРИКА – РОССИЯ	169
Послесловие.....	251

Литературно-художественное издание

Исторические приключения

Макарычев Владимир Николаевич

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА

Выпускающий редактор *А.В. Нарбекова*

Художник *Ю.М. Юров*

Корректор *Г.Г. Свирь*

Верстка *И.В. Резникова*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 30.11.2015. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.

Печать офсетная. Гарнитура «Петербург». Печ. л. 8.

Тираж 2000 экз. Заказ .